

мировой бестселлер от автора трилогии «сосны»

БЛЕЙК КРАУЧ

*Душераздирающе...
безумное сочетание
Стивена Кинга и
Кормака Маккарти.*

Пэт Конрой

ДЕНЬ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Annotation

Перед вами – вторая и третья части трилогии об Эндрю З. Томасе, начавшейся с романа-бестселлера «Пустошь. Дом страха».

Несколько лет назад знаменитый писатель триллеров Эндрю Томас попал в жуткий переплет – на его приусадебном участке были найдены тела изуверски убитых людей, и все улики указывали на него. Доказать свою невиновность Эндрю не мог, поэтому, спасаясь от преследования со стороны полиции и ФБР, он скрылся в канадской глуши, в Юконе. Здесь его никто не найдет... Так думает сам писатель. Но есть один человек – Лютер Кайт, кровавый маньяк, причастный к захоронениям на участке Томаса. Он не успокоится, пока не достанет Эндрю. И он уже расставил для своей жертвы дьявольски хитрую ловушку. Если Томас попадет в нее, то для него настанет бесконечный день закрытых дверей...

- [Блейк Крауч](#)
  -
  - [День закрытых дверей](#)
    - [Слова благодарности](#)
    - [Лютер](#)
      - [Глава 1](#)
      - [Глава 2](#)
      - [Глава 3](#)
      - [Глава 4](#)
      - [Глава 5](#)
      - [Глава 6](#)
      - [Глава 7](#)
      - [Глава 8](#)
      - [Глава 9](#)
      - [Глава 10](#)
      - [Глава 11](#)
      - [Глава 12](#)
      - [Глава 13](#)
      - [Глава 14](#)
      - [Глава 15](#)
      - [Глава 16](#)
      - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Вайолет](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
- [Окраоук](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
- [Портсмут](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
- [Сладенький & Красавица](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Глава 52](#)

- [Глава 53](#)
    - [Глава 54](#)
    - [Глава 55](#)
    - [Глава 56](#)
    - [Глава 57](#)
    - [Глава 58](#)
    - [Глава 59](#)
    - [Глава 60](#)
    - [Глава 61](#)
    - [Глава 62](#)
    - [Глава 63](#)
    - [Глава 64](#)
    - [«Киннакит»](#)
      - [Глава 65](#)
      - [Глава 66](#)
      - [Глава 67](#)
      - [Глава 68](#)
      - [Глава 69](#)
    - [Эпилог](#)
    - [Преодоление](#)
      - [Предисловие автора](#)
      -
      - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Блейк Крауч

День закрытых дверей

© Перевод на русский язык, С.Н. Самуйлов, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

День закрытых дверей

Ребекке

Слова благодарности

Прежде всего мне нужно поблагодарить чудесных людей. Мою жену, Ребекку, которая помогала всем, чем только могла. Люблю тебя, Бекка. Линда Аллен, Марша Маркланд, Анна Коттл и Мэри Элис Кир – самые толковые читатели и добрейшие люди. Моя писательская группа – Шэннон Ричардсон, Дайна Ливитт, Сьюзан Тирпак, Даг Уокер и Ричард Коч – предоставили необходимую информацию и помогали представить книгу так, чтобы ее могли читать и те, кто не читал «Пустошь. Дом страха». Богиня веб-сайтовского дизайна, Бет Тендалл, помогла сохранить мое присутствие в Интернете с изяществом и юмором. Сэнди Грин должна стать моим рекламным агентом в Северной Каролине. Энди Смит и Анна Уокер предоставили ценные сведения. Билл Смит объяснял, что такое гипноз, и едва не усыпил меня. Двойная благодарность чудесному писателю и изобретателю, Дагу Уокеру, показавшему, как изготовить домашний электрический стул. Мастеру фотографии, Полу Пеннингтону, – за фото автора. Овации достоин детектив Арт Холланд, прошедший меня через все стадии уголовного расследования и помогший развязать важный узел в сюжете. Спасибо брату Джордану – за вдохновение и помощь с последними страницами. И, наконец, благодарственный поклон всем, кто работает в книжном магазине «Мария» в Дуранго, штат Колорадо.

Лютер

*Для всех ангелов, живущих в этом городе,
Хотя они постоянно меняют форму,
Каждую ночь мы оставляем
Немного холодных картофелин
И чашку молока на подоконнике.
Обычно они живут в небесах,
Где, между прочим, возбраняется плакать.
Они помыкают луной, как вареным бататом.
Млечный Путь – то их насадка
со множеством птенцов.
Когда наступает ночь, коровы ложатся,
Но луна, этот большой бык, встает.*

Энн Секстон «Запертые двери»^[1]

Глава 1

Заголовок на странице «Искусство и досуг» гласил: «Готовится переиздание пяти триллеров предполагаемого убийцы Эндрю З. Томаса».

Увидев его имя, Карен Прескотт выронила «Нью-Йорк таймс» и подошла к окну.

Утренний свет вливался в ее тесный офис, захламленный письмами с запросами, главами-пробниками, сложенными в две стопки на полу возле письменного стола, и ящиком с гранками, задвинутым под горизонтальный шкаф. Глядя из окна, она видела растворяющийся туман и ползущие по Бродвею машины, только что появившиеся в разрыве облаков.

Прислонившись к книжной полке, на которой стояло немало книг, доведенных до публикации под ее непосредственным руководством, Карен поежилась. Ее всегда расстраивало любое упоминание имени Эндрю.

На протяжении двух лет ее связывали с популярным автором романтические отношения. Мало того, она даже жила с ним, когда он писал «Синее убийство», в том самом домике на озере в Северной Каролине, где впоследствии нашли многих из его жертв.

Она считала проявлением латентного дефекта личности тот факт, что не заметила в Энди ничего мрачного и зловещего, не считая разве что

некоторой склонности к уединению, затворничеству.

Боже, а ведь я едва не вышла за него замуж.

Карен представила Энди на встрече с читателями в том книжном магазине в Бостоне, где они впервые встретились. А еще – в банном халате в кабинете, пишущим что-то, когда она принесла ему чашечку свежесваренного кофе («френч роуст», конечно). В хлипкой гребной шлюпке посредине озера Норман, где они занимались любовью.

Карен подумала о его покойной матери.

Об эксгумированных телах в его доме у озера.

Вспомнила его фотографию на сайте ФБР.

Они поместили там самую последнюю, черно-белую, на которой Энди, в спортивном пиджаке, сидел задумчиво на краю пирса.

В какой-то момент Карен перестала думать о нем как об Энди. Теперь он был Эндрю Томасом и воплощал в себе все ужасные образы, которые вызывала каденция этих четырех слогов.

В дверь постучали.

На пороге, в своем лучшем костюме, стоял Скотт Бойлин, издатель литературного импринта «Айс блинк». Наверняка собрался на вечеринку в «Даблдей», решила Карен.

Он улыбнулся и помахал пальцами.

Она сложила руки на груди и приняла серьезный вид.

Боже, Скотт выглядел сегодня изумительно – высокий, подтянутый, с густой шапкой черных волос, облагороженных имитациями серебра.

В его присутствии она чувствовала себя маленькой. В хорошем смысле. Самой Карен не хватало совсем чуть-чуть до шести футов, и лишь немногие мужчины смотрели на нее сверху вниз. Ей же нравилось смотреть снизу вверх на Скотта.

Они встречались последние четыре месяца – тайно. Карен даже дала ему ключ от своих апартаментов, где они валялись по воскресеньям в постели, читая рукописи и бросая на простыни заляпанные кофейными пятнами страницы.

Однако прошлым вечером Карен засекала его в баре в Сохо с прелестной молоденькой стажеркой. На деловую встречу их randevu явно не тянуло.

– Пойдем со мной на вечеринку. Потом посидим в «Иль пьяцца». Поговорим, разберемся. Это вовсе не то, что ты...

– У меня кучи непрочитанного. Надо нагонять.

– Не надо, Карен, не будь такой. Ну же...

– Не думаю, что это самое подходящее место для такого разговора, так

что...

Скотт резко вдохнул через нос, и дверь за ним захлопнулась.

* * *

Когда сотовый заиграл мелодию «*Staying Alive*»^[2], Джо Мак подкреплялся кебабом, и его круглые розовые щечки едва не лопались от жратвы, которую он заталкивал в себя.

- Это Джо, – сказал он.
- Привет... э... послушай, у меня тут интересная проблемка.
- Какая?
- Я в своей квартире, но не могу открыть замок изнутри.
- Так ты в ней заперт. – Джо Мак проглотил изрядный кусок кебаба.
- Совершенно верно.
- Какая квартира? – Он даже не попытался скрыть раздражение.
- Двадцать два одиннадцать.
- Фамилия?
- Э... Я, собственно, не живу здесь. Друг Карен Прескотт. Она...
- Да, понял. Тебе скоро уходить?
- Ну... э... Мне бы не хотелось...

Джо Мак вздохнул, захлопнул крышку телефона и отправил в рот остатки кебаба. Затем, вытерев о рубашку руки, с усилием поднялся с разболтанного вращающегося стула, протопал к двери и, выйдя, закрыл ее за собой.

В вестибюле было тихо для полудня, и двери лифта открылись сразу после того, как он нажал кнопку.

Поднимаясь, Джо сожалел о том, что взял на ланч два кебаба вместо трех.

Двери снова открылись, и он, выйдя на двадцать втором этаже, достал из кармана своего необъятного комбинезона связку ключей, среди которых был в том числе и мастер-ключ, и рыгнул.

Эхо пролетело по пустому коридору.

Черт, он уже проголодался.

Джо вставил мастер-ключ в замок и вполне легко повернул. Толкнул дверь, и она открылась.

– Привет. – Он остановился на пороге, с восхищением оглядывая апартаменты – просторная комната, телевизор с плоским экраном, синий ковер на полу, антикварный стол, восхитительный вид на Сохо и, возможно,

загруженный под завязку холодильник. – Кто-нибудь есть?

Джо еще четыре раза повернул ключ в замке. Все работало идеально.

Где-то дальше по коридору открылась другая дверь. По деревянному полу застучали гулкие шаги. Джо Мак оглянулся – от лестничного колодца к нему приближался высокий черноволосый мужчина в черном пальто.

– Эй, приятель, это не ты только что звонил мне? – спросил Джо Мак.

Высокий незнакомец остановился у открытой двери с номером 2211. От него исходил странный запах «Уиндекса»^[3] и лимонов.

– Да, я.

– Так ты его все-таки открыл?

– Я там и не был.

– Тогда какого хрена ты мне звонил и...

Блеснула сталь. В руке у черноволосого оказался нож-боуи с костяной рукоятью. Мерцающее лезвие скользнуло поперек раздутого живота Джо Мака, рассекая денем, хлопок и несколько слоев кожи.

– Нет... стой... погоди...

Незнакомец поднял правую ногу и одним ударом отправил Джо за порог.

Комендант грохнулся на спину, а черноволосый последовал за ним в квартиру, захлопнул дверь и задвинул засов.

* * *

Карен вышла из «Айс блинк пресс» в половине седьмого вечера и сразу окунулась в безумный манхэттенский вечер; в узкой полоске неба между зданиями из позолоченного стекла и стали умирал солнечный свет. На календаре было четвертое октября, город купался в последнем блеске зрелой осени, и Карен, прошагав пятнадцать кварталов до своей квартиры в Сохо, решила, что не возьмется сегодня за чтение рукописи, лежавшей в ее кожаной сумке. Вместо этого она переоденется в атласную пижаму, выпьет бокал органического шардоне, купленного в магазине натуральных продуктов «Хоул фудс маркет», и посмотрит что-нибудь милое и непритязательное по телевизору.

Неделя выдалась тяжелая.

Самое время немного себя побаловать.

* * *

В 19:55 Карен вышла из спальни в приятно холодившей кожу черной атласной пижаме. Свои блондинистые волосы она, не расчесывая, собрала в пучок и заколола палочками из заказанного навынос китайского фастфуда. Два еще не открытых пакета и бутылка вина уже стояли на стеклянном кофейном столике между диваном и телевизором. В комнате соблазнительно запахло ароматной говядиной с кунжутом.

Шлепнувшись на диван, Карен откупорила бутылку. Компакт-диск с записью «*Naked songs*» Эшли Чэмблис докрутил последний трек, и в наступившей тишине она ощутила свое полное одиночество.

Тридцать семь.

Одна. Без детей.

Но я не одинока, подумала Карен, включая телевизор и наливая в бокал вино.

Я просто одна.

Разница есть.

* * *

Посмотрев «Грязные танцы», Карен побаловала себя ванной. Она закрыла дверь, зажгла и поставила в стеклянный стаканчик ароматическую свечу с запахом песочного теста. По стенам запрыгала тень колеблющегося язычка пламени.

Вытянув длинные мускулистые ноги, скользкие от масла, Карен потерла ими одна о другую. Представив раздвигающую их другую пару ног, она закрыла глаза, погладила груди с набухающими сосками и двинулась ниже, к бедрам.

В гостиной зазвонил телефон.

Уж не Скотт ли Бойлин спешит с извинениями? Вино пробудило в ней иррациональные желания. А почему бы и не простить? Может быть, даже впустить его в ванну... Она еще помнила, как его мягкие ступни скользили по ее голеням. Позвонить и пригласить? Дать Скотту возможность объясниться. С вечеринки в «Даблдей» он должен уже вернуться.

Кто-то стучал в переднюю дверь.

Карен села, сдула облепившие голову мыльные пузыри, взяла за ножку бокал и допила вино одним глотком. Потом поднялась, накинула белый махровый халат и, покачнувшись, выступила из ванны на выложенный мозаичной плиткой пол. Она почти прикончила бутылку шардоне, и в голове у нее гулял теплый и приятный ветерок безрассудства.

Взяв курс на переднюю дверь, Карен пересекла гостиную. При этом она не заметила, что пакеты с отварным рисом и тушенной с кунжутом говядиной исчезли, а большая серая корзина для мусора переместилась и стояла теперь между телевизором и антикварным столом, унаследованным ею от матери.

Карен приникла к «глазку». Стоявший в коридоре паренек держал в руке огромный букет рубиново-красных роз. Она улыбнулась, отодвинула засов и открыла дверь.

– Доставка для Карен Прескотт.

– Это я.

Разносчик протянул вазу.

– Подожди минутку, я сейчас. – Язык у нее слегка заплетался.

– Не надо, мэм. Я свое уже получил. – Он кивнул и ушел.

Карен снова заперла дверь и отнесла цветы в кухню. Розы были прекрасны, как и ваза из граненого стекла. Она сняла и развернула приклеенную к вазе карточку. Сообщение не отличалось многословием.

Загляни в гардероб.

Карен хихикнула. Скотт точно заслужил прощение. Может быть, она даже сделает то, о чем он просил.

Она уткнулась лицом в розы, втянула сыровато-сладкий аромат. Потом подтянула пояс халата, подошла к гардеробу за диваном и открыла дверцу. Улыбка на ее губах мгновенно увяла.

Из гардероба на нее смотрел голый мужчина с черными волосами и бледным лицом. Он вытер рот тыльной стороной ладони и сглотнул. Между ног у него стояли коробки с остатками китайского фастфуда.

Глядя в его черные глаза, Карен ощутила разливающийся внутри странный холод.

– И что, по-вашему, вы тут делаете? – спросила она.

Незнакомец ухмыльнулся, а его желание проявилось еще очевиднее. Карен метнулась к передней двери, но успела лишь дотянуться до цепочки, когда он схватил ее за мокрые волосы и швырнул в настенное зеркало, которое разлетелось сотнями осколков.

– Пожалуйста, не надо, – всхлипнула она.

И получила удар кулаком в лицо.

Карен упала на усеянный стеклом пол, но почти не почувствовала боли – вино и страх заменили анестезию.

Глядя на его босые ноги, она думала о том, где и в каком состоянии найдут ее тело.

Намотав волосы женщины на руку, незнакомец оторвал ее голову от

пола. Несколько мелких осколков уже впились в щеку. Он ударил ее еще раз.

Карен почувствовала, как кулак ломает ей челюсть, и решила притвориться, что потеряла сознание.

Еще один удар.

Притворяться не пришлось.

Глава 2

В тот же пятничный вечер Элизабет Лансинг лежала на травке у своего дома в Дэвидсоне, Северная Каролина, наблюдая за детьми, шумно плескавшимися в прохладных водах озера Норман.

Мысли Элизабет снова и снова возвращались к ее мужу Уолтеру.

Завтра они могли бы отметить свою семнадцатую годовщину.

Она поднялась и босиком спустилась к берегу.

Дженна, вцепившись в Джона Дэвида и применив удушающий прием, изо всех сил пыталась окунуть в воду своего младшего, но более сильного брата. Пройдя до самого конца пирса, Бет села в том месте, где ступеньки спускались в воду, и запустила пальцы в достававшие до плеч волнистые пепельно-черные волосы. Потом прошла по морщинам, глубоко въевшимся в лицо за последние, жестокие годы. Бет знала, что не отличается красотой. Ну и что? Она была простушкой всю свою жизнь. Куда труднее смириться с тем, что ты выглядишь на пятьдесят, когда тебе лишь тридцать восемь. В последнее время Бет стала замечать, какой усталой выглядит. Возможно, будь рядом Уолтер, она не растеряла бы то небольшое, что имела...

Бет закатала до колен штанины джинсов.

Какой-то лихач на водном мотоцикле промчался через середину озера, невидимый, за исключением того короткого момента, когда он пересек полосу залитой лунным светом воды.

Ноги скользнули в жидкую сталь и коснулись первой облепленной водорослями деревянной ступеньки. Вечер выдался прохладный, и она потеряла голые руки. *Октябрь – суровый месяц. Милый, неужели семь лет?*

Через неделю ее поджидала еще одна годовщина – грядущий Хэллоуин станет семилетней отметкой исчезновения Уолтера. Писатель-убийца Эндрю Томас был близким другом ее мужа. Старый дом Эндрю до сих пор стоял на своем привычном месте – в роще на противоположном берегу озера. В прошлом году там кто-то поселился, и Бет испытывала

странные чувства, снова видя свет за озером.

Обстоятельства, сопутствовавшие исчезновению Уолтера, и теперь, по прошествии семи лет, оставались странными и загадочными.

Холодным и сырым вечером 1996 года, в канун Хэллоуина, он усадил ее за кухонный стол и сообщил, что их семье угрожает ужасная опасность. Бет было сказано забрать детей и уехать. Объяснять, что случилось, Уолтер отказался, сказав, что важно только одно: незамедлительно увезти Дженну и Джона Дэвида из дома.

Бет до сих пор помнила глаза мужа в тот вечер – в них присутствовало то, чего она никогда не видела прежде: настоящий страх.

Неподалеку от ступенек на поверхности появились пузыри, а вслед за ними – голова Дженны.

Последний раз я видела любимого в зеркале заднего вида, когда уезжала с детьми в дождливую тьму. Он стоял на переднем крыльце, жестом показывая «я люблю тебя» и высоко поднимая руки в оранжевом свете фонаря. Больше она Уолтера не видела.

Его белый «Кадиллак» нашли через две недели в Вудсайте, штат Вермонт, рядом с мусорным баком. На водительском сиденье сохла его кровь.

В глубине души Бет знала, что ее мужа убил Эндрю Томас, но не могла даже представить почему.

– Давай, мам!

Бет спустилась на две ступеньки и стояла теперь по колено в воде.

– Слишком холодно, милая.

– Ты такая трусиха, – поддела ее Дженна, подбираясь к ступенькам. – Я могла бы просто столкнуть тебя.

– О нет, не смей!

Голова Дженны исчезла под водой, и Бет выбралась на пирс и с улыбкой огляделась.

– Вижу тебя! – крикнула она, хотя и не видела никого. – Вижу...

Мокрые руки обхватили ее, и Бет вскрикнула.

– Попалась, – сказал Джон Дэвид. – Сейчас окунешься.

– Не надо, Джей-Ди, – взмолилась Бет. Сыну еще не исполнилось двенадцати, но он уже был сильным и ловким. – Я – твоя мать, и, если ты столкнешь меня в воду, я буду помнить об этом всю жизнь. Ну как, оно того стоит?

Джон Дэвид вздохнул и разжал пальцы.

Бет отступила от края пирса и повернулась к сыну. *А ведь через пару лет ты будешь выше меня.* На безволосой груди ее мальчика блестели

капельки пота.

– Хочу сказать тебе кое-что, – взяв строгий родительский тон, сказала она. – Ты меня слушаешь?

– Да, мам.

Голос все еще звучал по-детски высоко и звонко, до ломки оставалось не меньше года.

– Хочу тебе сказать... вот!

Бет столкнула его с пирса, и он с криком полетел в воду. Она рассмеялась, победно вскинула руки и крикнула:

– Никогда не недооценивайте мамочку!

Пока Джон Дэвид жаловался на несправедливость, Дженна дернула брата за лодыжки и утащила под воду. Поднятые водным мотоциклом круги достигли пирса.

– Я домой! – оповестила Бет. – Не задерживайтесь!

– Перестань, мам, сегодня же пятница!

Идя по пирсу, она подумала, что дети тронули ее, а разве это не самое главное?

Поднявшись от берега и ступив на прохладную траву, Бет оглянулась – посмотрела на детей, – а потом бросила взгляд туда, где в четверти мили от озера жил монстр. Вскоре после того, как в Вермонте нашли машину Уолтера, она получила письмо от Эндрю Томаса.

Подходя к дому, Бет думала, что выпьет вина и пересмотрит свадебный альбом, но за этими мыслями все еще звучали эхом слова из того давнего письма.

Дорогая Бет,

Прежде чем я начну, знай – я не убивал свою мать. И не верь тому, что пишут в газетах. Я говорю тебе это только для того, чтобы удостовериться: Уолтер мертв, и в его смерти виновен я. Мне очень, очень жаль. Хочу, чтобы ты знала, что он умер, защищая тебя, Дженну и Джона Дэвида. Он не страдал. Знай также, что благодаря нему ты и дети в безопасности. Уолтер похоронен в укромном месте, в сосновой роще. Я хотел бы лично донести до тебя эти новости, но пока мне приходится скрываться. Надеюсь, ты поймешь. Я не злодей. Я пытался сделать правильный выбор и буду пытаться делать это и дальше. Но в мире живет зло, и иногда одних только наших усилий недостаточно.

Энди

Глава 3

Меня зовут Эндрю Томас, и я живу в мире, который считает меня монстром.

Когда-то, давным-давно, я был писателем в жанре саспенс. У меня водились деньги. Я жил в красивом доме у озера в Северной Каролине. У меня имелись друзья и любовницы. Я пользовался уважением и чувствовал себя немножко знаменитостью.

А потом пришел некто и разрушил это все.

Его звали Орсон Томас. Он – мой брат, мы – двуйайцевые близнецы. Угрожая шантажом, он увез меня в уединенный домик в глуши Вайоминга. Орсон – психопат. Он показал мне ту мою сторону, бороться с которой я буду до конца жизни.

Но ужас случившегося в той глуши – это другая история. В конце концов я сбежал. Мой брат погиб. Его сообщника – жестокого и бессердечного типа по имени Лютер Кайт – я застрелил и оставил умирать привязанным к стулу на веранде дома Орсона в заснеженной пустоши.

Это было в ноябре 1996-го, и меня ждало возвращение в мир, который боялся меня и ненавидел.

Полиция обнаружила тела на участке возле моего дома на озере Норман.

На меня пало подозрение в смерти моей матери.

Меня подозревали в исчезновении Уолтера Лансинга.

Писатель превратился в серийного убийцу.

Орсон и Лютер подставили меня всеми мыслимыми способами.

Я не мог пойти домой.

Меня объявили в розыск.

И хотя во имя самосохранения я совершал сомнительные поступки, я никоим образом не был убийцей.

Так что пришлось податься в бега.

* * *

Жизнь мне спасла деревушка Хейнс-Джанкшн, что в Юконе.

Я нашел ее после двух лет скитаний – по селам Северной Мексики, полуострову Байя, городкам Америки.

Я отработал целое лето на складе пиломатериалов в Мейконе, штат

Джорджия.

Продержался неделю официантом в Балтиморе.

Отпахал зиму на ранчо в Западном Техасе.

Я спал в палатках.

В приютах для бездомных.

В ночлежках.

В полях под звездами ясными прохладными ночами.

Я отрастил волосы.

Перестал бриться.

Позабыл, что такое ванна.

Я уходил из одних мест.

Приходил в другие.

Бросил писать.

Пристрастился к выпивке.

Я ездил в автобусах.

Автостопом.

Прокатился на товарняке через Южную Дакоту.

Я ни с кем не разговаривал.

Мое имя стало синонимом матерейубийцы.

Я жил в постоянном страхе, никому не доверял и всех подозревал.

На стройке в Лондоне, штат Кентукки, бригадир спросил, люблю ли я читать триллеры. Может, он просто проявил дружелюбие. Выяснять я не стал – на следующий день меня уже не было.

Мое лицо появилось на постерах ФБР.

Меня обсуждали в специальных телепередачах.

Обо мне писали книги.

Мои книги разлетались, как горячие пирожки.

Люди хотели знать, как пишет серийный убийца.

Они говорили, что мои истории – это окна в душу зла.

Я стал знаменитостью – в дурном смысле.

Комичной и мрачной фигурой поп-культуры.

Мое имя вселяло страх.

Мое имя означало убийство.

Я никогда не был женат и привык жить один, но никогда не испытывал такого чувства покинутости.

Бездомный, преследуемый, одинокий.

Так жить невозможно.

В декабре, через два года после бегства из заснеженной пустоши в Вайоминге, я сел на автобус до Ванкувера, где купил билет на самолет и

откуда улетел в Уайтхорс, до которого тысяча миль к северу.

Я взял напрокат машину и проехал полторы сотни миль на запад по Аляскинскому шоссе – до деревушки Хейнс-Джанкшн, что у подножия гор Святого Ильи. Деревню я знал хорошо – изучал для книги, которую так и не написал. Тихое, отрезанное от мира местечко, вполне подходящее для того, чтобы умереть.

Я съехал с шоссе, не доезжая до деревни. Со всех сторон меня окружал бесконечный хвойный лес. На западе маячили высоченные заснеженные горы. Температура держалась около минус тридцати. Серое, сумрачное небо и субарктическое солнце, нехотя обозначавшее свое присутствие над далекими пиками. Часы на приборной доске показывали 13:47. Я решил, что просто зайду в лес, сяду под деревом и замерзну до смерти. Вполне подходящий способ, чтобы уйти. Даже в каком-то смысле романтический. Мне вспомнился «Костер» Джека Лондона. Я ждал того теплого эйфорического покоя, который наступит ближе к концу.

Раздевшись до футболки, я открыл дверцу и ступил из машины на хрусткий снег. Холод стоял невероятный. Глаза мои словно загорелись.

Пройдя немного в глубь леса, я выбрал голую осину, сел, прислонившись спиной к серебристой коре, и стал ждать. Скоро меня начало трясти. Заурчало в животе. В голове мелькнула мысль: *зачем умирать голодным?* Я поднялся, вернулся к машине и поехал в деревню, население которой доходило до восьмисот человек, но серьезно сокращалось в суровые зимние месяцы. Припарковался в центре, перед закусочной «У Билла», на украшенной к Рождеству улице. Потянулся к дверце, но открыть не смог.

Я опустил голову на рулевое колесо.

И заплакал.

* * *

Но воспоминания о тех мрачных временах преследовали меня не часто. Я прожил в лесу за пределами Хейнс-Джанкшн пять лет, и этого времени хватило, чтобы стать другим человеком. Местные знали меня как Винсента Кармайкла, принимали за своего и описывали, наверное, как человека спокойного и дружелюбного. Я был для них американцем с длинными каштановыми волосами и неухоженной бородой. Меня знали все, но друзьями я так и не обзавелся. Здесь это никого не удивляло. Люди приезжали в эту укромную деревушку в северо-западном уголке Канады,

потому что бежали от чего-то. Разбитых и побежденных Хейнс-Джанкшн притягивал, как магнит.

В туристический сезон я работал шеф-поваром на кухне в «Фонаре», одном из двух заведений высокой кухни в деревне. Заработка хватало, чтобы пережить зимние месяцы, с октября по апрель, когда занять себя было нечем и оставалось только сидеть под крышей возле огня.

Половина сбережений ушла на дом. В шести милях к западу от городка, в долине Шаквак, он стоял в нарядной роще, затерянный в бесконечном лесу. Из окна над кухонной раковиной за деревьями, ярдах в сорока от дома, в солнечный день была видна небольшая полянка. Лежа на травке, можно увидеть и национальный парк Клуэйн, и закованные в лед горы Святого Ильи, поднимающиеся из этого леса в нескольких милях к западу. А в четверти милях к югу находилось озеро, в котором я даже плавал в теплые деньки короткого лета.

Я всегда ценил свое одиночество, а больше всего – сейчас, холодным пятничным вечером, сидя в кресле-качалке на веранде.

За кронами деревьев сияли звезды. Созвездия четко выделялись на фоне темного неба.

В Юконе нет городов, которые пачкали бы небо искусственным светом.

Глубоко засунув руки в карманы жилета и покачиваясь в кресле, я закрыл глаза. Время от времени, в разгаре очередного приступа сюрреалистической ностальгии, отчетливо понимаешь, что к этому моменту интроспекции вела вся твоя жизнь, все те выборы, которые ты делал. Мне исполнился сорок один год, и я не мог воспринимать свою жизнь как нечто целое – слишком уж она переменчивая, слишком неорганизованная. А потому старался жить спокойно, не заглядывая далеко в будущее.

Опасность миновала. Смертоносные мысли об Уолтере, матери, вещах, которые я делал в Пустоши, отступили и вернулись в тюрьмы, построенные мною для них. Не приготовив ужин и не написав ни строчки из задуманного, я решил немного прогуляться. Поднявшись из кресла, стянул волосы в хвост и сошел с веранды. Протоптанная оленями тропинка проходила через хвойную рощу, в воздухе висел густой аромат сока, ветки били по жилету, под ногами потрескивали прутья.

Заканчивался октябрь – по ночам пруд уже прихватывало ледком, осень теряла силы и чахла, арка солнца заметно уменьшалась с каждым днем, и даже осины сбросили последние листочки. Лишь хвойные сохранили цвет, голубовато-зеленый с пепельным оттенком: одни – чахлые

и низкорослые от суровых зим, другие – величественные, несмотря на близость – всего четыре сотни миль – полярного круга.

Я вышел к лужайке. Над деревьями на дальней стороне выступали ближайшие пики хребта Святого Ильи, могучие и строгие, укрытые слежавшимся, синим под звездами снегом. Горы эти тянутся на полторы сотни миль, через Юго-Восточную Аляску к Тихому океану. Среди них и высочайшая вершина Канады, и самое большое неполярное ледяное поле в мире – замерзшая река в сто миль, сползающая в море со склонов ледяного хребта.

Но горы – всего лишь холодные и унылые кучи битого камня, когда в небе вспыхивает северное полярное сияние. Я смотрю вверх, в космос, и чувствую, что он трогает меня. Как было всегда.

Будучи южанином, видевшим северное сияние только на фотографиях, я всегда воспринимал этот светящийся феномен как своего рода натюрморт в небе. Но сегодня им оказалась мерцающая лента, появившаяся из некоего изначального пункта, прямо за горами. Она поднялась и выгнулась, зеленая грива, стелющаяся параллельно горизонту, волна раскаленных ионов в сорока милях над землей. Казалось, этот небесный пожар должна сопровождать божественная, неземная симфония, но ночь хранила молчание.

Дыша глубоко и свободно, я лежал на траве и смотрел в пылающее небо, полный восторга, который вызывало сознание того, что я дома.

Глава 4

Уже стемнело, когда Хорас Бун оставил свой трейлер в деревушке Хейнс-Джанкшн и покатил по однополосной дороге, проходившей мимо почтового ящика Эндрю Томаса, к перевалочному пункту хребта Святого Ильи. За четверть мили до длинного, извилистого проселка к дому Эндрю он свернул и поставил старенький «Лендкрузер» в лесу, так, чтобы его не было видно.

Расстояние отсюда до дома он преодолел за десять минут легкой трусцой. Сухопарый, молодой, Бун пробежал в темноте большую часть дистанции и, лишь увидев за деревьями освещенное окно, перешел на осторожный шаг.

Подкравшись к окну на боковой стене, он заглянул внутрь. Сердце колотилось, как бешеное. Бун наведывался сюда во второй раз, и из всех его приключений, приходившихся на пятничный вечер, это было самым

волнующим.

Монстр мыл посуду у раковины, и по стенам еще прыгали отсветы огня. На нем были черные флисовые штаны, флисовые же носки в красную крапинку и теплая футболка. Длинные волосы падали на спину спутанной гривой.

На небольшом столике позади Эндрю лежала открытая книга. Похоже, он читал ее за ужином при свете фонаря.

Вытерев и убрав последние тарелки, беглый писатель подбросил дров в камин, поворошил уголья и поднялся по лестнице наверх.

Со своего наблюдательного пункта на холодке подглядывающий с трудом различил очертания предметов обстановки писательского кабинета: письменный стол, книжные полки, пишущая машинка и листочки для записей – штук двадцать, – приклеенные к балкам над головой. На одном из брусьев висел постер, посвященный Эдгару Аллану По. Идущий снизу поток воздуха покачивал его. Эндрю сел за письменный стол, и через стекло просочилось тихое постукивание по клавишам.

Писатель приступил к работе.

Хорас ухмыльнулся и еще раз окинул комнату взглядом, стараясь запомнить все детали. Вот они и будут самым важным.

Год назад, примерно в это же время, он ушел из программы литературной мастерской для соискателей степени магистра изящных искусств при Университете Аляски. Решение пришло в ходе встречи с факультетским советником, тридцатилетним профессором Байроном, самоуверенным новичком в академическом мире. Хорас решил, что представит в качестве итоговой работы сборник рассказов в жанре хоррор. Но когда он поделился этой задумкой с профессором Байроном, тот громко рассмеялся.

– Что? – спросил Хорас.

– Ничего, просто... Я хочу сказать, что, если вы рассчитываете сделать имя на...

– Меня воротит от жалобных излияний, действие которых происходит на кухне в пригороде.

– Думаете, мы здесь учим этому?

– Я думаю, у любой истории должен быть сюжет.

– Мистер Бун...

– Знаете, я пытался читать вашу книгу... э... как ее там... «Сражение со смыслами».

Байрон напрягся и поправил очки.

– Скукотища. Я не хочу так писать.

Профессор ядовито улыбнулся:

– А знаете, кто не счел ее скукотищей? – Он указал на вырезку из обзора «Нью-Йорк таймс», приклеенную к стене около книжной полки. – А теперь к делу, мистер Бун. Я не могу принять ваше предложение по теме. Приходите через неделю с настоящей идеей, или я вышибу вас пинком под зад. До весеннего семестра можете не возвращаться. До свидания. – С этими словами профессор повернулся на своем вращающемся кресле и начал писать электронное письмо.

Ровно через неделю Хорас вернулся с новым предложением – комиксом. Главным злодеем в нем был надменный тупица по имени Байрон, а его суперсила заключалась в способности лишать радости творчества мечтательных студентов-идеалистов. Герой рассказа, Хорас, чувствуя, что теряет суперсилу, врывается в офис профессора, кипя праведным негодованием.

* * *

После Дня благодарения он нашел работу в книжном магазине «Убийство по первому классу», неподалеку от кампуса. Днем Хорас помогал посетителям выбрать интересный детектив, а вечером садился за письменный стол и пытался сочинить что-нибудь для собственного сборника рассказов. Через две недели на его счету значилось двадцать начатых рассказов. Ни одного из них он не закончил. К январю на писательстве была поставлена точка – ни энергии, ни творческого зуда уже не осталось. Пережив зимние месяцы в Анкоридже и пройдя через отчаяние и депрессию, Хорас Бун погрузился в уютную апатию. К черту сочинительство и чтение. Он жил ради мелких удовольствий – ящик пива «Роллинг Рок», реалити-шоу и сон. Мечта стать писателем ушла с легким поклоном, без жалоб и сожалений, и он даже не вспоминал о ней до того судьбоносного дня.

Дрожа от холода, наблюдая игру теней на спине Эндрю Томаса, Хорас Бун вспоминал холодный и солнечный апрельский денек, когда самый печально известный автор детективов вошел в книжный магазин в Анкоридже и придал его жизни новое направление.

Приглядываясь последние сорок минут к посетителю, листающему одну за другой книги на полках, я пришел к однозначному и неопровержимому выводу, что это не кто иной, как писатель-убийца, Эндрю Томас. Я узнал его, несмотря на густую всклокоченную бороду и

длинные косматые волосы. Узнал по пронзительным глазам и мягкому рту.

Он подходит наконец к прилавку. Держится, как я и предполагал, настороженно и холодно, что неудивительно для человека, который видел и сам совершил такое, что большинство людей не смогли бы и представить. У меня потеют ладони и пересыхает во рту, язык делается неповоротливым и шершавым, как у кошки. Он кладет на прилавок пять книг в твердом переплете. Мы одни в этом тесном, чуть больше спальни, студенческом общежитии, магазинчике старых и новых детективов, триллеров и загадок. Внутри сумрачно. Пол и книжные полки из старого, сучковатого дерева. Окон нет, но это нельзя считать недостатком, ведь каждая книга – окно...

– Это все, сэр? – с трудом выдавливаю я.

Он кивает, а у меня дрожат руки. Просматриваю покупки: букинистический томик рассказов Эдгара По, Кафка, три детектива одного из современных авторов.

Я прислушиваюсь к ритму его дыхания, глубокого и спокойного. Втягиваю запах танина, идущий от его кожаной куртки. Взгляд Томаса скользит над моей головой по полке с выставленными на ней десятью бестселлерами «Убийства по первому классу».

– Сто три девяносто восемь, – говорю я.

Он указывает на кредитную карточку, которая уже лежит на прилавке. Я беру ее, чуть ли не хватаю, и смотрю на выбитое на пластике имя: Винсент Кармайкл.

Перевожу взгляд с кредитки на ее владельца.

Он смотрит на меня без всякого выражения.

Провожу картой по сканеру и возвращаю ее покупателю. Отрываю чек, кладу на прилавок рядом с ручкой и наблюдаю, как он расписывается – Винсент Кармайкл – легким, летящим почерком, нисколько не похожим на его настоящий автограф.

Мне хочется заговорить с ним, сказать, что я прочел все написанное им. Но приходится держать язык за зубами, напоминая себе, какие слухи окружают этого человека. Если он узнает, что я узнал его, мне конец.

Я кладу пять книг в пластиковый пакет, протягиваю ему чек, и он выходит в холодный аляскинский полдень.

Я вижу, как он пересекает Кампус-драйв и садится на зеленую траву в тени можжевельника, острый, с ароматом джина запах ягод которого проникает даже в магазин. Тут и там вокруг него, под жидким солнечным светом и в тени разбросанных по поляне деревьев и кустов расположились студенты – одни читают, другие курят, третьи дремлют в перерыве

между занятиями.

Я не свожу глаз с Эндрю Томаса, и адреналин закачивается в кровь, и вдохновение поднимает свою прелестную головку.

Я нашел свою историю.

Глава 5

В субботу я проснулся на юконском рассвете, натянул флисовый пуловер и сунул ноги в холодные туристические ботинки фирмы «Васк» – защититься от промерзших половиц. Стоявшая на прикроватном столике бутылка воды «Налджин» накрылась ледяной крышкой. Я посмотрел на камин и увидел, что от огня осталась горка теплого мелкого пепла.

Я вышел к поленнице. Заготовленная в сентябре, она достигала семи футов в высоту и двадцати в длину и занимала пространство между двумя мертвыми тополями, сожженными молнией прошлой весной. Пальцы тут же начали неметь, хотя руки и защищали кожаные перчатки.

Пока я набирал охапку дров, солнце поднялось повыше, и его лучи, пробившись между ветвями, согрели лесную подстилку. Термометр на веранде показывал минус тринадцать. Я подходил к двери, когда за спиной что-то щелкнуло. Я замер и медленно обернулся. Ярдах в двадцати от меня из хвойной чащи вышел здоровущий лось, в гигантских рогах которого застряли сломанные ветки. Неспешно прошеествовав мимо поленницы, он направился, по всей вероятности, к озеру.

В доме я положил на металлическую решетку хворост и обставил растопку поленьями, как делают индейцы в вигвамах. Потом смял пару страниц местной газеты «Сент-Илайас эко» и засунул их под решетку. В камине еще оставались два-три горячих уголька. Бумага вспыхнула от них; от нее, в свою очередь, загорелся хворост – и скоро пламя уже лизало поленья, выпаривая скрытую влагу и распространяя аромат смолы.

Пока беззвучный хаос наполнял дом, я вышел в кухню и вытряхнул старую кофейную гущу из заварочного чайника. Потом поставил на газовую плиту кастрюльку с водой и помолот в ручной мельничке пару пригоршней обжаренных кофейных зерен. Пока готовился кофе, растекаясь по дому густым соблазнительным благоуханием зерен, я устроился у камина и перечитал десять отредактированных накануне вечером страниц. Новая книга шла легко. Я впервые взялся за автобиографию, своего рода исповедь и очищение, подлинную историю моего падения, трагедию успешного писателя, получившего клеймо подозреваемого в убийстве. Как

раз накануне на ум пришло подходящее название. Если дело и дальше пойдет с набранной уже скоростью, второй черновик будет готов ко Дню благодарения. И пусть результатом усилий станет что-то путаное и беспорядочное, впереди вся зима – долгие дни промерзшей тьмы, – чтобы отполировать написанное до блеска.

Возвращение к привычной, но заброшенной работе отозвалось приятным и немного странным ощущением, как будто я взялся за что-то, что делал давным-давно, в другой жизни.

* * *

После завтрака я сел в свой «Си-Джей 5» и отправился в Хейнс-Джанкшн. Дорога туда, даже по допотопной Бореалис-роуд, занимала не более пятнадцати минут. На подъезде к деревне я проскочил через осиновую рощу. Деревья сбросили листья еще месяц назад, и я попытался представить, как выглядела роща тогда, когда еще висели на ветках сухие шафрановые листья, и не походила ли она, если смотреть сверху, на золотую чешуйку.

Поскольку никаких покупок в магазине «Мэдли» я делать на этой неделе не планировал, то припарковался у отеля «Ворон» и зашагал дальше пешком по пустынному тротуару Ключэйн-бульвар.

В летние месяцы деревня кишела туристами. Приезжали главным образом ради гор, поднимавшихся из леса всего в пяти милях к западу. В значительной степени экотуризм стал результатом появления в деревне трех гостиниц, пяти ресторанчиков, двух магазинчиков, торгующих туристским снаряжением, художественной галереи и многочисленных сувенирных лавок «Коренные народы». Но к октябрю, когда дни стали заметно короче, а у подножья гор лег свежий снег, туристы уехали, гостиницы и ресторанчики закрылись, и человек сто, включая меня, остались без работы на всю долгую зиму.

Я остановился под навесом у «Фонаря». За последний час тонкая облачная гряда подобралась ближе, и теперь солнечный блеск рассеивала туманная пленка. В воздухе пахло снегом, и я, хотя и не слышал прогноза, решил бы поставить зарплатный чек – за которым, собственно, и приехал – на то, что со стороны Тихого океана идет буря.

Я вошел в «Фонарь». Джули, миниатюрная представительница аборигенов Эйшихика, открывшая ресторан шесть лет назад, пылесосила в небольшом обеденном зале. Заведение выглядело именно так, как и должно

выглядеть лучшее заведение на окраине Юкона: приглушенный свет, белые бумажные скатерти, пластмассовые цветы и внушительная карта вин – как красных, так и белых. Чтобы работать здесь со всем радушием, пришлось задушить в себе сноба.

Увидев меня возле подиума хостессы, Джули выключила пылесос.

– Твой чек в задней комнате. Сейчас принесу.

Она прошла через вращающиеся двери в кухню и тут же возвратилась с моим последним за сезон чеком.

– Что здесь сегодня? – поинтересовался я.

– Клуб «Лайонс» устраивает банкет. Я бы, Винс, и тебя задействовала, но ты же без телефона, и мне легче позвонить Дугу, чем ехать шесть миль за тобой. – Она протянула мне конверт. – Приходи ко мне весной, если понадобится работа. Сам знаешь, место за тобой.

– Спасибо, Джули. Думаю, зимой еще увидимся.

На улице я перешел на другую сторону. Часы показывали 10:30, и «У Билла» было пусто. А вот в парикмахерской и солярии, зажавших закусочную с обеих сторон (*Завей и Покрась и Продуби Шкуру*), посетителей хватало.

Я заказал пирожное «Медвежья лапка» и чашку черного кофе. Билл был родом из Флориды и в Хейнс-Джанкшн перебрался больше двадцати пяти лет назад. Говорили, что он ветеран Вьетнама, но сам Билл никогда об этом не упоминал, поэтому и я не затрагивал эту тему. Будучи американцем, он не делал многого из того, чего традиционно ожидают от патриотично настроенного гражданина США: не поднимал «Олд Глори»^[4] и не запускал фейерверки на День независимости. Фактически за все время я лишь однажды услышал его отзыв о родной стране. Случилось это прошлой зимой, когда в Вашингтоне разразился какой-то скандал, заинтриговавший даже местных. Тутошний парень, владевший Эй-ти-ви и агентством по продаже снегоходов, находившимся на той же улице, спросил Билла, что тот думает о состоянии дел на его родине.

Билл вытирал стойку, но, услышав вопрос, остановился и пристально посмотрел на клиента, сидевшего перед ним на табурете. Белая шерстистая борода и изрезанное шрамами лицо делали его похожим на измученного жизнью Санта-Клауса.

– Я не для того переехал в рай, чтобы следить за тем, что творится в аду. – Вслед за этим Билл грохнул кулаком по стойке, чем привлек всеобщее внимание. Я сидел в кабинке один на один с тарелкой чили «Черный медведь». – Слушайте! – продолжал он. – Хотите обсуждать текущие события в Штатах – занимайтесь этим где-нибудь еще. В своей

закусочной я это слушать не намерен.

Впрочем, в это тихое утро и Билл настроен миролюбиво и дружелюбно. В заведении играл Бах, а сам хозяин записывал что-то в журнал.

Вручив мне сдачу, он поинтересовался моим мнением насчет того, стоит ли ждать снега. Я ответил, что надеюсь, и он с улыбкой признался, что и сам этого ждет.

Временами я задавался вопросом, а не подозревает ли меня Билл. Когда мы встречались взглядами, в его глазах мелькало что-то родственное. Но Билл меня не беспокоил. Скорее всего, в Хейнс-Джанкшн нас привели разные обстоятельства, но мы оба хотели одного и того же – и получали это здесь. Думаю, мы чувствовали, что можем положиться друг на друга.

Забрав кофе и пирожное, я вышел из закуской и направился к последнему на улице зданию, двухэтажному строению, более напоминавшему лыжную базу, чем публичную библиотеку. С другой стороны, местное пасторальное сообщество такая архитектура вполне устраивала.

Между тем тучи продолжали сгущаться. Холодало.

Я хотел вернуться домой до того, как начнется снегопад.

На первом этаже библиотеки имелось собрание книг, почти умиленное по степени своей неполноценности. Но я пришел сюда не за книгами.

Пройдя мимо стола библиотекаря, я поднялся по винтовой лестнице на второй этаж, где находились архивы периодических изданий, рабочий кабинет и компьютерная лаборатория с единственным в Хейнс-Джанкшн коммутируемым выходом в Интернет.

Я вошел в лабораторию и сел за одну из трех свободных рабочих станций.

Соединение шло медленно.

Я развернул еще теплую «Медвежью лапку» и снял пластмассовую крышку со стакана с кофе, надеясь всем сердцем, что злобный библиотекарь не застукает меня с контрабандой.

Первым делом я проверил почтовый ящик и обнаружил несколько сообщений от друзей в «Живом журнале», так что следующий час ушел на чтение новой почты и ответы.

Несколько лет назад я прикончил бы себя за одну только мысль о том, чтобы завести друзей в онлайн. Я думал тогда, что это будет очевидный признак жалкого одиночного существования. Теперь этот канал был дорог мне как единственный способ серьезного общения с реальными людьми.

Вынужденный в силу обстоятельств скрываться, я сторонился соседей. Как бы кто из местных ни был мне симпатичен, устанавливая более или менее прочную связь, я подвергал бы опасности свою свободу.

Прожив в Хейнс-Джанкшн пять лет, я не принял у себя дома ни одного гостя и сам не ответил ни на одно приглашение. Конечно, я с удовольствием провел бы Рождество или День благодарения с кем-либо из тех интересных людей, которых встретил здесь за этот срок, но это было слишком рискованно. Ценой моей свободы являлось одиночество.

Однако в общении с сообществом «Живого журнала» я мог быть откровенным – пусть и шифруясь, – так же, как и они могли распахнуть душу передо мной. Товарищеские отношения с ними приносили мне огромное удовольствие и успокоение. Я больше не стыдился себя.

Отправив последний за день и-мейл, я оглянулся через плечо и посмотрел в окно. Отличить далекий хвойный задник от серых стен зданий на другой стороне улицы было невозможно, но на его фоне снежная дымка проступала явно.

Я улыбнулся.

Первый снегопад нового сезона все еще волновал того мальчишку-южанина, который жил во мне до сих пор и который провел большинство своих зим в Северной Каролине, где метели – большая редкость.

Прежде чем уйти, я открыл веб-страницу местной новостной станции в Шарлотт, штат Северная Каролина. Я просматривал веб-сайт каждый раз, когда приходил в компьютерную лабораторию, и только таким способом мог убедиться, что с ними – Элизабет, Джоном Дэвидом и Дженной, семьей, которую я лишил мужа и отца, – ничего не случилось.

Впрочем, даже если б с ними и случилось что-то, я никогда об этом не узнал бы, а если б и узнал, то не смог бы предупредить беду. Просмотр новостей о жизни Шарлотт и его пригородов некоторым образом успокаивал, пусть даже это наблюдение за женой и детьми лучшего друга было всего лишь символическим жестом. Просмотрев заголовки новостей и не обнаружив в них упоминания о Лансингах, я ввел в поисковую строку имена Бет, Дженны и Джона Дэвида. Ничего. За все время положительный отклик случился лишь однажды, и касался он Дженны, которой в августе исполнилось тринадцать. Прошлой зимой она, участвуя в школьных соревнованиях, выиграла заплыв на сто метров вольным стилем. Я даже нашел ее результат на сайте школы. Мне так хотелось отправить ей поздравительную открытку. Лансинги по-прежнему жили в том доме на озере Норман. Но, насколько я мог судить, Бет не сомневалась, что ее мужа убил я. Пришлось довольствоваться меньшим. Магнитик в форме нарт до

сих пор прижимал распечатанную страницу с результатами и именем Дженны к дверце моего холодильника.

* * *

Из библиотеки я вышел уже в полдень. К этому времени весь Ключэйн-бульвар, припаркованные автомобили, деревья и крыши домов покрылись дюймовым слоем снежной пудры. Я застегнул телогрейку, натянул на уши черный тобогган и зашагал по тротуару к своему внедорожнику.

Деревня укрылась тишиной.

Я почти слышал, как падает снег, и уже представлял, как вернусь домой, растоплю камин и буду, наслаждаясь покоем и теплом, писать, пока лес наполняется снегом.

Боже, как же мне нравилась эта жизнь...

Глава 6

Карен Прескотт очнулась в темноте.

Она села и ударилась головой о панель из звуконепроницаемого пенопласта.

Сознание вернулось полностью.

Поводив вокруг руками, Карен нащупала знакомые, пусть и невидимые предметы ее крохотной черной вселенной: две пустые бутылки из-под воды возле босых ног, моток веревки, солнцезащитные очки, одеяло.

В голове пульсировала боль, горло пересохло, ныла сломанная челюсть, кровоточили пальцы, которыми она выбирала из волос осколки стекла. Автомобиль стоял на месте, мотор умолк впервые за несколько часов. День сейчас или ночь? И сколько она пролежала в банном халате на жестком вонючем коврикe в лужице собственной мочи?

Далеко ли от манхэттенской квартиры ее увезли?

Куда подевался тот мужчина с длинными черными волосами?

Может быть, машина стоит перед каким-нибудь ночным магазином и похититель отправился в туалет, или стоит за стаканчиком газированной воды, или подписывает счет по кредитной карточке? А может, они припарковались на стоянке «Куолити инн» и он лежит на кровати в номере мотеля и смотрит порно?

Что, если у него случился сердечный приступ?

Поступает ли в багажник воздух?
Что, если похититель не вернется?
Что, если каждый вдох уменьшает запас воздуха?
В конце концов он все равно меня отпустит. Он обещал. Я молчу до...
Какой-то звук.
Детский смех.
Звук приглушенный, но слышимый.
Порвать изоляцию и позвать на помощь?
Но похититель предупредил, что, если она закричит или ударит по крышке багажника – даже хотя бы раз, – он убьет ее медленно.
И Карен ему поверила.
Водительская дверца открылась и захлопнулась. Значит, все это время он был в машине. Проверял ее? Хотел посмотреть, не закричит ли она?
Шаги неторопливо удалились. *Провести пятничный вечер одной в квартире – это не одиночество. Одиночество – здесь, в багажнике.*

Глава 7

Мы с Джошем и Майки играли со слизнем и увеличительным стеклом, которое я взял из комнаты старшего брата. Его зовут Хэнк, и ему одиннадцать. Мне только семь, и это такое гадство...

Майки нашел слизня на подъездной дорожке перед тем, как идти в церковь. Он не боится слизней, поэтому подобрал его и положил в стеклянную баночку в гараже. Я тоже их не боюсь. Просто не люблю до них дотрагиваться.

Мы играли в самом конце нашей улицы, где уже нет никаких домов. Мама говорит, что если меня так тянет играть на дороге, то нужно играть только там, потому что туда не заезжают машины. Она не хочет, чтобы я попал под колеса.

Майки достал слизня из баночки и положил на дорогу. Слизень медленно пополз, и за ним оставался липкий след. Джош сказал, чтобы я навел на него увеличительное стекло. Он такой, любит иногда покомандовать, но он больше меня, и мне приходится делать, что он скажет.

– Уберись, червяк, не заслоняй свет, – сказал Джош Майки, и тот сразу отступил. Майки боится Джоша больше, чем я. Джошу девять, и у него есть пневматический пистолет.

Когда Джош повернул увеличительное стекло к солнцу и поднес к слизи, у того на спине появилось светлая точка.

– Что ты делаешь? – спросил Майки.
– Ничего. Просто смотрю.
– Что ты делаешь? – повторил Майки.
– Заткнись! Я пробую сосредоточиться! Мне Билли показал, как это делать.

Я тоже хотел узнать, что он делает. Смотреть, как Джош держит стекло, не очень-то интересно. Потом слизень начал дымиться. Джош засмеялся.

– Вы это видите?
– Что ты делаешь? – снова спросил Майки.
– Я его поджигаю.

Майки встал и в слезах пошел домой. Ему всего только шесть лет, и мама говорит, что у него слишком доброе сердце. Джош спросил, хочу ли я подпалить слизня, и я ответил, что нет, не хочу. Слизень больше не полз. Или, может, полз, я не заметил.

Кто-то громко свистнул, и Джош вскинул голову.

– Моя мама. – Он бросил увеличительное стекло на землю и побежал по улице. Я посмотрел ему вслед. Джош бежит очень быстро, а еще очень боится свою маму. Она стала злая после того, как умер его папа.

Я встал и на всякий случай – а вдруг ему больно – наступил на слизня. А он взял и приклеился к подошве, как жвачка. Я уже собрался домой, когда из серой машины в конце улицы, возле леса, вышел человек. Очень высокий, с длинными черными волосами. Вышел и пошел в мою сторону. Я испугался, но незнакомец на меня даже не взглянул.

Потом из кармана у него что-то выпало и осталось на дороге, а он не заметил.

Я подошел и поднял. Это была какая-то штучка, блестящая и на вид дорогая.

– Мистер! – крикнул я. Незнакомец обернулся. – Вы обронили вот это.

Он вернулся и посмотрел на меня, но не улыбнулся. Большинство взрослых улыбаются детям.

– Вы обронили...

Высокий протянул руку, и я положил блестящую штуку ему на ладонь.

– Что это?

– Лазерная указка. Она светит лазерным лучом.

У него были страшные зубы, темные и неровные, как будто он никогда их не чистил.

– Как? – спросил я.

– Открой ладонь, я покажу. Ну же, больно не будет.

Я открыл ладонь, и на ней появилось красное пятнышко. Классная штука, я такой еще не видел.

– Ты бы посмотрел ночью. В темноте луч может дойти до другого берега озера Норман. Но с ней надо быть очень осторожным. Посветишь себе в глаз – и можешь ослепнуть. Хочешь попробовать?

– Да, сэр.

Он протянул мне лазерную указку. Я нажал на кнопку и навел луч на его руку.

Незнакомец сел у дороги и забрал у меня указку. Потом достал из кармана желтую конфету и сунул себе в рот. Я тоже хотел конфету, но просить не стал.

– Как тебя зовут? – Теперь он улыбнулся.

– Бен Уортингтон.

– Бен, ты хорошо поступил, когда сказал, что я потерял эту штуку. Ты не смог оставить ее себе. Ты – честный мальчик. Если б я дал ее тебе, ты был бы осторожен и не стал бы светить себе в глаза?

– Я был бы осторожен.

– Сейчас дать ее тебе я не могу. Мне нужно ею воспользоваться, но...

– Почему?

– Я потерял кое-что в туннеле и должен найти с помощью указки.

Я так расстроился, что не могу получить ее прямо сейчас.

– Но, может быть... Нет, лучше не надо. Твои родители, наверное, не разрешат...

– Разрешат.

– Нет, не думаю.

– Они точно разрешат.

– Бен, если я дам тебе указку, не показывай ее папе и маме. И брату не показывай. Он украдет ее у тебя и будет играть с ней. А родители заберут и выбросят.

– Я им не скажу.

– Обещаешь?

– Да, обещаю.

– Обо мне ты им тоже не скажешь.

– Не скажу.

– Вечером, попозже, я постучу в твоё окно. Ты подойдешь к задней двери и откроешь ее, а я передам тебе указку. Сможешь сделать это, Бен?

– Да, смогу.

– Сделать все нужно очень тихо. Если кто-то проснется и увидит меня, мне придется уйти, а ты останешься без лазерной указки. Ты ведь хочешь

ее получить?

– Да, сэр.

– Скажи, что хочешь.

– Я хочу ее получить.

– Скажи еще раз.

– Я хочу ее получить.

– Ты хороший, послушный мальчик. А сейчас мне пора идти.

Увидимся вечером.

– Можно посветить еще раз?

Незнакомец вздохнул. Я подумал, что откажет, но он кивнул:

– Ладно, еще разок.

Глава 8

Лютер Кайт сидит, свесив ноги, на самом толстом суку, в пятнадцати футах от земли. На Шортлиф-драйв тихо – время ужина и детей позвали домой. В каждом доме теплый свет за окном и привычное для воскресного вечера оживление.

Урчит в животе. Он еще не ел. Поест потом, позже, потому что это – Северная Каролина, родина «Уофл-Хаус», которые никогда не закрываются. Там он проглотит горку блинчиков и омлет, связку сосисок, копченый бекон и гритс^[5] и зальет это все кленовым сиропом. Особенно бекон.

Ветер трогает ветви и медленно, как в кино, несет по улице яркие умирающие листья. Небо потемнело, скрыв силуэт водонапорной башни, еще минуту назад нависавшей над ладанными соснами за озером. Теперь на ее присутствие указывает только красный огонек на самом верху.

В октябрьский вечер холодает быстро.

В доме, который он выбрал, будет тепло.

Лютер улыбается, закрывает глаза и прислоняется головой к коре.

Всего-то четыре часа.

Луна поднялась высоко над горизонтом с выписанными на нем каллиграфическими соснами, залила пустую улицу синим серебром. Он спит, сидя на суку совершенно неподвижно, вдыхая запах сока, сладкий и пикантный, как у бурбона.

Глава 9

Информация с кредитной карточки позволила Хорасу Буну отследить

Эндрю Томаса до почтового отделения в Хейнс-Джанкшн, Юкон.

Но спешить с отъездом он не стал.

С апреля до августа Хорас продолжал работать в Анкоридже, откладывая все заработанное. В сентябре он ушел из книжного магазина, сдал свой скудный скарб на хранение и отправился на верном «Лендкрузере» в Юкон – с четырьмя тысячами долларов, чемоданом с одеждой и слепой верой в успех своих поисков Эндрю Томаса.

По прибытии в Хейнс-Джанкшн Хорас расположился в центр городка, наблюдая за редкими прохожими в надежде увидеть того, кто нужен.

На пятое утро, уже одолеваемый сомнениями – а не совершил ли он громадную ошибку? – Хорас увидел того самого длинноволосого мужчину, который несколько месяцев назад удостоил своим посещением книжный магазин «Убийство по первому классу». Теперь он вошел в «Мэдлей» – за почтой.

Настроение поднялось.

На следующий день, свой двадцать четвертый день рождения, Хорас снял выдавший виды трейлер на краю деревни и приступил к подготовительной работе над книгой, которая – в это он свято верил – должна была принести ему богатство и писательскую известность. Спустя неделю он предпринял ночную вылазку к жилищу Эндрю Томаса и некоторое время наблюдал за ним издалека, в бинокль.

Еще через неделю Хорас подкрался к боковому окну и наблюдал, как беглец моет посуду после ужина, а потом пишет что-то допоздна в комнате наверху.

Теперь, в середине октября, на четвертой неделе пребывания в Хейнс-Джанкшн, он решил предпринять первое по-настоящему решительное действие.

Было утро понедельника, и в тени под деревьями еще лежал снег, выпавший два дня назад. Полная, но блеклая луна висела в голубом небе мутным больным глазом.

Хорас сидел за рулем «Лендкрузера», припаркованного на уже привычном месте между деревьями. «Джип» Эндрю Томаса промчался мимо точно по расписанию, оставляя за собой облако пыли. В такое тихое утро пыль могла продержаться в воздухе не меньше часа.

Хорас закрыл фиолетовый, на кольцах, блокнот и положил его на пассажирское сиденье.

Он уже закончил черновик второй главы своих мемуаров с предварительным названием «Охота на Зло: мои поиски Эндрю Томаса». Работа оказалась настолько увлекательной и волнительной, что у него

возникли проблемы со сном. Упустить такой шанс Хорас не мог, потому что был, возможно, единственным человеком в мире, который знал, где скрывается самый печально известный убийца последнего десятилетия.

Хорас Бун вырос в бедности.

Он не был хорош собой.

Не пользовался популярностью в школе.

Писательство было для него всем.

После двадцати четырех лет созерцания в зеркале неудачника с тупой физиономией он заслужил право на успех.

* * *

Выбравшись из «Лендкрузера», Хорас зашагал по тропинке к дому Эндрю, то и дело оглядываясь и проверяя, не оставил ли он следов на лежавшем кое-где снегу.

Вскоре за деревьями показался дом.

Хорас поднялся на крыльцо.

Повернул дверную ручку.

Предположение оказалось верным: люди, живущие в глуши, редко запирают двери.

Он переступил порог. Сердце трепетало в эпилептических конвульсиях, восторг сменялся ужасом. Расстегнув куртку, Хорас положил ее на кушетку и приказал себе успокоиться. «Джип» Эндрю даст знать о себе задолго до того, как достигнет дома.

Он прошел вперед и еще раз оглядел жилище монстра, откладывая в память каждую деталь: горку посуды в раковине, недоеденный пирог на столе, золу в потушенном камине, медвежью шкуру под ногами. В доме пахло дымом, печеной малиной, вяленой олениной и хвоей. Под ногами поскрипывали половицы. *Неужели это не сон?*

Он расшнуровал ботинки, прошел в носках через комнату и поднялся наверх. Первым в глаза бросился постер с Эдгаром Алланом По, его мятежные меланхолические глаза. Потом – приклеенные к балке листочки:

описать ту женщину в толстом розовом жакете, которая слышала крики Орсона в багажнике

Осторожно переступив развернутую дорожную карту Вайоминга, Хорас оказался перед письменным столом Эндрю Томаса с теснящимися на

нем пишущей машинкой, словарем, Библией, тезаурусом и справочником по североамериканским деревьям.

То, зачем он пришел, отыскалось в среднем ящике – стопка страниц, сложенных аккуратно между коробками с красными фломастерами. Хорас сел на стул и дрожащими руками поднял рукопись. *О чем, черт возьми, пишет этот человек?*

Титульная страница выглядела так:

**«Пустошь. Дом страха»
подлинная история
Эндрю З. Томаса**

Какой-то звук снаружи отвлек его от чтения, заставил замереть и прислушаться. Ничего. Наверное, просто ветер в елях. Он положил на стол титульную страницу и прочел короткое предисловие.

Описанные далее события произошли в течение семи месяцев, от 16 мая по 13 ноября 1996 года.

«И спасся я один, дабы известить тебя»

Книга Иова 1:17

Он отложил страницу и перешел к первой главе.

В тот чудесный майский вечер я сидел за письменным столом, наблюдая за тем, как солнце садится за озером Норман. До этого момента день был просто превосходным. Я встал в пять утра, как обычно, и, как всегда, приготовил на завтрак омлет и миску свежих ананасов. В шесть часов я уже сел за работу и не останавливался до полудня...

Глава 10

В Северной Каролине ночь. Лютер слазит с дерева и, оказавшись на земле, проверяет время и стряхивает пыль с джинсов. Потом надевает рюкзачок, в котором у него набор профессиональных инструментов: клейкая лента, латексные перчатки, револьвер калибра.357, маленький магнитофон, сетка для волос, две пары наручников, четыре пакета

«зиплок», точильный камень, нож-боуи, изготовленный из пятидюймового боевого лезвия и костяной рукояти. Нож Лютер забрал семь лет назад из дома Орсона Томаса. Он дорожит им и подумывает о том, чтобы дать ему имя.

Шортлиф-драйв тянется на четверть мили вдоль берега, залитого лунным светом озера, и начинается и заканчивается тупиком. Построенные на просторных лесистых участках, дома погружены в сладкую пригородную тишину.

Идя по дороге, Лютер регистрирует каждый звук: стрекотанье сверчков, которые умолкнут до конца месяца, шум летящего в темной высоте самолета, гудок ползущего вдалеке поезда.

Уортингтоны живут в кирпичном доме в стиле ранчо, с длинными карнизами. От тупика дом второй по счету и окружен со всех сторон высокими раскидистыми дубами. Света нет. Ставни не закрыты, и Лютер думает, что было бы неплохо посидеть на подъездной дорожке, глядя в комнаты, которые он скоро посетит. Но в половине второго ночи на жилой улице так себя не ведут. Лютер проходит мимо «Вольво» и минивэна, бамперы которых украшены стикерами. Мимо боковой стены крадется в задний двор. Трава спускается к самой воде, туда, где в озеро уходит разваливающийся причал. В центре лужайки высится громадный дуб, на могучих ветвях которого, футах в двадцати над землей, разместился домик. Над головой висят веревочные качели. В тихую октябрьскую ночь они абсолютно неподвижны, как минутная стрелка часов, которые не показывают больше время.

Под окном мальчика Лютер опускается на колени. К счастью, старый дуб заслоняет его от яркого света полной луны. Он расстегивает рюкзак и достает латексные перчатки. Потом завязывает в хвост волосы, натягивает сетку и поднимается.

Окно оказывается на уровне пояса.

Он заглядывает внутрь.

Мальчик лежит в постели. На стене, возле открытой двери, ночник рассеивает по комнате оранжевый свет. С потолка тускло мерцают карикатурные звезды.

Лютер нацеливает лазерную указку на подушку мальчика. Красная точка движется по лицу и останавливается на веке. Мальчик дергает головой, трет глаза и снова засыпает. Красное, как кровь, пятно снова находит веко. Мальчик садится.

Лютер дважды стучит по стеклу костяшками пальцев.

Семилетний Бен Уортингтон поворачивается к окну и видит темную

фигуру. Он смотрит на красное пятно у себя на груди, потом снова на Лютера и улыбается, вспоминая.

Лютер тоже улыбается.

Бен машет ему и спускается с кровати. Проходит в пижаме по разбросанным деталям «Лего». На левой щеке у него след от подушки.

– Эй! – говорит он.

Лютер подносит к губам указательный палец и показывает лазерную указку, держа ее между большим и средним пальцами.

Короткий разговор шепотом. Мужчина и мальчик договариваются встретиться у задней двери.

Глава 11

Прошло четыре часа, прежде чем Хорас Бун вернул рукопись в ящик. Секунду-другую он еще сидел, глубоко шокированный, на стуле. Если верить предисловию, утверждавшему, что вся эта история – чистая правда, то Эндрю Томас – несчастнейший из людей.

Хорас спустился вниз, надел и зашнуровал ботинки, застегнул куртку и вышел в преждевременно нагрянувшие сумерки. Возвращаясь к «Лендкрузеру», он думал об Орсоне Томасе и Лютере Кайте, сломавших жизнь Эндрю Томасу.

В душе его зажглась лучина сострадания.

Тому, кто много лет слышал об Эндрю Томасе только ужасное, поверить рукописи было трудно. Может быть, все содержащееся в ней – ложь. Но зачем врать человеку, живущему на краю света и под чужим именем? Что, если на самом деле монстры – Орсон и Лютер?

Теперь Бун уже бежал через лес; глаза слезились от холода. В какой-то момент его осенило, и Хорас рассмеялся.

Забираясь в «Лендкрузер», он уже знал, что должен сделать ради своей будущей книги.

В свой следующий визит Хорас подъедет прямо к дому Эндрю Томаса, постучит в дверь и вежливо попросит предполагаемого серийного убийцу об интервью.

Глава 12

Бен Уортингтон отодвигает засов – за стеклянной панелью ему улыбается Лютер. Как только мальчик открывает заднюю дверь, Лютер

протягивает руку и разжимает длинные тонкие пальцы. На ладони – вожделенная лазерная указка.

– Вся твоя, – шепчет Лютер.

Мальчик выходит на веранду, не сводя восторженных глаз с того, о чем думал всю вторую половину дня и весь вечер.

– Ты плохой мальчик, Бен, – говорит Лютер и одним быстрым движением поворачивает детскую головку на сто восемьдесят градусов.

Хлынувшее из дома тепло обволакивает его. Он закрывает и запирает дверь и с мальчиком на руках входит в кухню, осторожно ступая по линолеуму «Кул-эйд».

В раковине полно грязной посуды. В воздухе запах подгоревшего попкорна. На столе с покрытием из формайки две грязных вазы «Тапперуэр» с еще целыми орехами. Жидкокристаллический дисплей на плите показывает 1:39.

Лютер медлит, прислушивается. Приглушенное дыхание теплого воздуха, проходящего через вентиляционные отверстия в полу. Из крана каждые пятнадцать секунд капает, наполняя бокал, вода. В соседней комнате едва слышно отсчитывает мгновения секундная стрелка. Успокаивающе гудит холодильник. Ледогенератор бросает в корзину очередные кубики, и этот звук в ночной тишине напоминает обрушение в море шельфового ледника.

Лютер опускается на колени и укладывает мальчика под стол. Потом переходит в столовую, поворачивает вправо и проскальзывает под широкой аркой.

Обитая плюшем мебель выстроена полукругом у очевидной фокусной точки комнаты: громадных размеров телевизора с сателлитными громкоговорителями, расположенными стратегически в каждом углу для максимального слухового восприятия. Третья ваза «Тапперуэр» позабыта на полу, между двумя подушечками. Лютер наклоняется, зачерпывает пригоршню попкорна и отправляет в рот.

Осторожно – глаза еще не вполне приспособились к темно-синей темноте – он идет по коридору. Электронное посапывание кухни здесь не слышно. Но есть другие звуки: журчание воды в туалете, капанье воды из душевой насадки в керамическую раковину, тяжелое, но спокойное дыхание трех спящих человеческих существ. На фоне этого саундтрека пригородного сна шепот центрального отопления безопасен и надежен, как биение материнского сердца.

Лютер стоит в коридоре, задумчиво выковыривая застрявшие между зубами остатки попкорна. *Им необходим этот шум. Без него они сошли бы*

с ума. Думают, это и есть тишина, а сами никогда ее не знали.

Он открывает первую дверь справа – ванная. Из медицинского шкафчика над раковиной берет коробочку с пахнущей виноградом зубной нитью. Поработав с зубами и добившись удовлетворительного результата, возвращает нить на полочку и закрывает ящик. Потом выходит, на цыпочках пересекает застеленный коврой дорожкой коридор и открывает первую дверь слева. Черный с оранжевым стикер предупреждает: «Частное владение – не входить!» Чуть ниже вырезанные по трафарету буквы складываются в два слова: «Пещера Хэнка». Комната чистая – игрушек на полу нет, пакетики из-под бобов засунуты в угол. С потолка свисает на проволочках с десятков моделей самолетов и вертолетов.

На письменном столе – почти законченная модель В-25. Осталось прикрепить крылья и пулеметную турель.

В воздухе еще ощущается запах клея.

На комод выстроились призы бейсбольной Малой лиги. Каждый пластмассовый мальчишка стоит лицом к кровати, застыв в движении. Команда Хэнка называется так: Поджарый, Злой, Кибер Боевой.

В прошлом году он получил награду за успехи в спорте.

Лютер снимает рюкзак и ложится на покрывало с картой созвездий. Мальчик спит на боку, спиной к незваному гостю. Лютер смотрит на него в оранжевом свете ночника. Интересно, каково это, иметь сына?

Поскольку Хэнк спит, шея у него ломается легче, чем у младшего брата.

Лютер встает, расстегивает рюкзак и достает револьвер, наручники, магнитофон и нож Орсона. Оружие не заряжено. Глушители достать трудно, а без глушителя стрелять с применением патронов «магнум» в два часа ночи, да еще в таком квартале, он ни за что не стал бы.

Сунув наручники в карман, Лютер выходит в коридор и идет к главной спальне, где спят Зак и Тереза Уортингтоны.

Ночника там нет, и комната полна теней.

Он бы постоял с часок у двери, понаблюдал за ними, находя удовольствие в предвкушении. Но Уортингтоны – не единственный его проект в эту ночь, до восхода солнца всего четыре часа.

Лютер ставит магнитофон на ближайший комод и нажимает клавишу «запись». Потом взводит курок и подносит палец к выключателю.

Зак Уортингтон поворачивается в постели.

– Тереза, – бормочет он. – Трез?

– Что? – отвечает, толком не проснувшись, Тереза.

Лютер чувствует, как просыпается желание.

– По-моему, кто-то из мальчишек встал.

Глава 13

Элизабет Лансинг не могла уснуть. Сегодня она сходила на свое первое свидание с Тоддом Рэмси, и теперь ее переполняли самые разные эмоции, от легкомысленного восторга до неловкости и вины. Тодд повел ее во французский ресторан в Шарлотт – «Плавильный котел». Поначалу она пришла в ужас от перспективы разговаривать три часа за фондю, но Тодд был мил и любезен, и они легко разговорились.

Для начала обсудили юридическую фирму, в которой Рэмси только что стал партнером, а Бет вот уже пять лет работала администратором. От сплетен и слухов какое-то время воздерживались, но «Уомбл и Слуп» славилась своей скандальностью, и устоять перед соблазном почесать язык было невозможно. Вскоре они уже обменялись взглядами на философию работы по найму и выяснили, что ни Бет, ни Тодд не знают никого, чья работа давала бы ему чувство полного удовлетворения. В итоге сошлись на том, что идеальная работа все же существует, но найти ее настолько мучительно трудно, что большинство людей предпочитают на протяжении всей карьеры нести бремя умеренного несчастья.

Ближе к концу, макая арбузные шарики и клубнику в горячий шоколад, они перешли на более интимные темы, подолгу и с удовольствием удерживали зрительный контакт и делились только идиллическими моментами детства. Бет знала, что Тодд недавно развелся. Он был в курсе того, что ее муж пропал семь лет назад при загадочных обстоятельствах, связанных каким-то образом с писателем Эндрю Томасом. Но от проблемных тем и тот, и другая держались на расстоянии выстрела.

После обеда Тодд отвез ее домой. Было уже одиннадцать, и шоссе I-77, по которому они ехали на север, выглядело пустынным. Завороженная светом фар и однообразием пролетающего под ним дорожного полотна, Бет чувствовала себя кем-то другим, незнакомым, и это ощущение новизны освежало и одновременно пугало. Как поступление в колледж и приход осени. Она перестала быть просто тридцативосьмилетней матерью-одиночкой двух детей.

В какой-то момент Бет едва не взяла его за руку.

А хотела.

Но та часть ее, которая прожила одиннадцать лет с другим мужчиной, выносила его детей и перенесла его потерю, возражала, хотя и негромко.

Так что Бет, одевшая по случаю только что купленное черное платье-колокол, отчасти из страха, но главным образом из уважения держала руки на коленях. *В следующий раз, может быть, но не сегодня, Уолтер.*

* * *

И вот теперь Бет поднялась с кровати и, спустившись вниз, стояла возле раковины в кухне и смотрела через окно на темные воды озера Норман и луну, высокую и сияющую, словно солнце из слоновой кости в темно-синем небе.

Озеро уже не казалось безмятежным. Легкий ветер поднял зыбь на черной глади воды и исказил отражение луны. Бет услышала, как задрожали, затрепетали листья, увидела, как слетают они, кружась, со спящих деревьев и падают на прихваченную холодком траву.

На участке соседей, Уортингтонов, закачались веревочные качели – какой-то заблудший дух вернулся посреди ночи на места детства.

Часы на плите показывали 1:39.

Бет достала из шкафчика стакан, налила воды из бутылки. После нескольких бокалов чудесного шираза, в сопровождении которого прошел весь обед, во рту сушило, так что воду она выпила одним долгим глотком.

Вместо того чтобы вернуться в спальню, Бет прошла через столовую в гостиную и свернулась на софе под шерстяным пледом. Она нисколько не устала и лишь подумала с раздражением, что уже наступил понедельник и через шесть часов ей тащиться на работу.

Лунный свет струился через стеклянную дверь, выходившую на веранду, где отбрасываемые адирондакскими креслами тени постепенно вытягивались, следуя движению луны по небу.

На ней был старый атласный халат, давным-давно подаренный Уолтером на Валентинов день. Свет остался только внизу, и когда ткань смялась, по атласу пробежал голубой разряд.

Бет думала об Уолтере. Сейчас он виделся ей яснее и отчетливее, чем в последние несколько лет. Ее чувство к нему не было ни печалью, ни ностальгией, ни даже любовью. Она даже не знала, как его назвать. Уолтер воспринимался как свет, время и энергия, сущность, которую ее приземленная душа даже не начала понимать. Наблюдает ли он за ней сейчас из какого-то непостижимого измерения? Что-то подсказывало, что они еще встретятся как чистые души в межзвездном пространстве. Они передадут один другому свои сущности и сольются, став одной

блистательной сущностью. Вот такой ей представлялась жизнь после смерти – быть снова с ним в некоей непознаваемой форме.

В одной из детских комнат наверху прозвучали шаги. Поднявшись с софы, Бет босиком прошла в переднюю по холодному пыльному деревянному полу и по застеленной ковровой дорожкой лестнице поднялась на второй этаж. Уже на последних ступеньках она почувствовала, что веки начинают тяжелеть. Может быть, теперь-то ей удастся наконец уснуть...

Лестница делила второй этаж на две половинки. Слева находились два бельевых шкафа и спальня Дженны, а в самом конце – ванная с туалетом, за закрытой дверью которой писал Джон Дэвид.

Бет повернула вправо, к собственной спальне в конце коридора. Миновав еще пару бельевых шкафов и игровую комнату, она подошла к открытой двери спальни Джона Дэвида. Перед свиданием с Тоддом Бет взяла с сына обещание убрать в комнате. Теперь она остановилась у порога и даже в темноте увидела разбросанные на полу игрушки и одежду. Вернувшись домой из церкви, брат и сестра весь день играли в «Риск». Игровая доска лежала у кровати, под грязными джинсами.

И тут у Бет перехватило дыхание.

Ее сын спал в своей постели.

Дверь ванной со скрипом открылась.

Бет повернулась на звук.

Свет в ванной погас, и теперь она видела лишь темный высокий силуэт в дверном проеме.

Значит, там была Дженна.

– Милая, – обратилась к ней Бет, и в ее голосе прозвучали нотки сомнения.

Силуэт остался на месте – не сдвинулся и не ответил.

– Дженна? В чем дело?

Сердце глухо ударилось о грудину.

За спиной Джон Дэвид проворчал что-то неразборчиво. Бет закрыла дверь в его спальню. В горле уже появился солоновато-металлический вкус с букетом адреналина и страха.

До двери ее спальни оставалось десять шагов.

Пистолет в шкафу. На верхней полке. В коробке из-под обуви. По-моему, он заряжен.

Ступив на середину коридора, она начала медленно пятиться к своей комнате, не сводя глаз с неподвижной тени. *Я не стреляла из пистолета семь лет и уже не уверена, что еще помню, как это делается.*

Пальцы нащупали дверную ручку, повернули ее, и Бет переступила порог спальни.

Тень в другом конце коридора не шевелилась.

Телефон или пистолет?

Легким не хватало воздуха. В глубине души Бет надеялась, что это лишь повторение одного из тех кошмаров, которые преследовали ее после смерти Уолтера.

Выпускать незнакомца из вида ей не хотелось, но без оружия она была бессильна. Бет повернулась, быстро шагнула к прикроватному столику и схватила трубку. *Господи, нет.* Линия молчала, а сотовый остался внизу, в сумочке. Она метнулась к шкафу и тут же услышала тяжелые шаги по коридору.

Дыхание сбилось.

Только не упади в обморок.

Привстав на цыпочки, Бет потянулась к верхней полке, зацепила ногтями коробку из-под обуви и сбросила крышку. Коробка с патронами была на месте, но пистолет исчез. У ее ног, на полу, валялись другие коробки – значит, он обыскал комнату, пока она была внизу.

Шаги остановились.

В доме стало тихо.

Бет затрясло. Ноги подкосились, и ей пришлось опуститься на пол, но мысль о детях заставила подняться. Она подошла к двери и выглянула в коридор.

Пусто.

– Я позвонила девять-один-один по сотовому! – крикнула Бет. – У меня в руках дробовик, и я не побоюсь им воспользоваться!

– Мам? – позвала Дженна.

– Дженна!

Ее дочь вышла в коридор из своей спальни в фланелевой ночнушке по колено длиной. Дженна была повыше матери и симпатичнее. Унаследовав от отца красоту и спортивное сложение, она упустила материнскую искренность.

– Мам, ты почему кричишь?

– Вернись в комнату и запри дверь!

– Что случилось?

– Быстро, черт бы тебя побрал!

Дженна расплакалась и, забежав в комнату, захлопнула дверь.

– Я не хочу в вас стрелять, но выстрелю! – крикнула Бет в темноту.

– Как ты выстрелишь, если у меня твой пистолет? – поинтересовался

спокойный мужской голос.

Тень вышла из игровой комнаты и направилась к ней.

Бет щелкнула выключателем на стене.

В коридоре, резанув по глазам, вспыхнул свет. Обретя цвет и текстуру, тень стала человеком.

У него были длинные черные волосы, белое, белее, чем у фарфоровой куклы, лицо и улыбающиеся красные губы. На деревянных половицах остались следы его ботинок. Кровавые отпечатки. Пятна крови были и на его лице, на джинсах, на футболке с длинными рукавами.

Ужас лишил ее сил, и Бет опустилась на пол.

Лютер подошел ближе и остановился перед ней.

– Я не тронул твоих детей – и не трону, если ты будешь послушной.

В его правой руке Бет увидела нож с костяной рукояткой.

Очевидно, им недавно пользовались.

Неподалеку открылась дверь. Дженна высунула голову.

– Я в порядке, милая, – дрожащим голосом произнесла Бет. – Оставайся в своей комнате.

Лютер повернулся к девушке:

– Слушайся мать.

– Зачем вы это делаете? – расплакалась Дженна.

– Уйди в комнату! – завопила Бет.

– *Что происходит?*

– Уйди в комнату!

Дженна захлопнула и заперла дверь.

Бет снова повернулась к незнакомцу и увидела, что он сменил нож на дубинку.

– Повернись, – приказал Лютер. – Мне нужно видеть твой затылок.

– Зачем?

– Ударю этой штукой по затылку, чтобы не портить лицо.

– Не трогай моих детей.

– Повернись.

– Поклянись, что не тронешь...

Лютер схватил ее за волосы и ударил по затылку.

Глава 14

Согласно данным официального веб-сайта www.wafflehouse.com, тринадцать сотен заведений «Уоффл-хаус» на территории Соединенных

Штатов совместно продают за двадцать четыре часа столько колбасных лепешек, что из этого мяса можно построить цилиндр высотой с Эмпайр-стейт-билдинг. И каждый год они продают столько полосок брайанского бекона, что ими можно было бы семь раз выложить путь от Атланты до Лос-Анджелеса. Припоминая эти любопытные факты, Лютер спускается с шоссе I-40 по съезду 151 в городе Стейтсвилл, Северная Каролина. Хотя часы и показывают 4:13, два заведения все же открыты. Первое – это круглосуточный «Супер Уолмарт» на его стороне подземного переезда, а второй – расчудесный «Уоффл-хаус»; нужно лишь свернуть налево у светофора и проехать двести ярдов по улице. Его яркий, светящийся знак бодро манит путника. Лютер улыбается. Давненько он не баловал себя посещением этого заведения.

Он въезжает на автостоянку и выключает двигатель своей «Импалы» 85-го года выпуска. Мало того, что машина провоняла луком, так еще и двигатель греется, и есть опасение, что она просто не протянет оставшуюся часть пути. Учитывая спящий в багажнике груз, поломка стала бы непоправимым несчастьем.

На ветровом стекле соседнего автомобиля мороз нарисовал сложный узор, как будто выложил кружевную вышивку. Коснувшись пальцем хрупких кристаллов, Лютер передергивает плечами и поворачивается к затихшему в предрассветной дреме городу. С того места, где он стоит, мир складывается из мотелей, заправок, ресторанчиков быстрого питания, однообразного гула автострады и растянувшегося вдалеке сияющего «Супер Уолмарта». Последний расположен на холме и смотрит на город сверху вниз, грозно, как средневековая крепость.

Для начала Лютер направляется в душевую. Хотя его рабочая одежда и лежит в пакете для мусора на заднем сиденье, возможности помыться у него еще не было. Руки и лицо забрызганы кровью, и он, стоя под душем, видит, как розовая вода, кружась, устремляется в сток.

Даже в этот ранний утренний час в «Уоффл-хаус» шумно, и яркий свет из больших подвесных шаров разгоняет густое облако сигаретного дыма. Гриль шипит и плюется без остановки, в воздухе гуляет фирменный запах несвежего кофе, дыма и перегоревшего жира.

В кабинку Лютера заглядывает официантка:

– Ну что, сладенький, с заказом определился?

Он уже знает, чего хочет, хотя и продолжает листать иллюстрированное меню.

– Ванильную «Кока-колу». Колбасу. Бекон. Гритс. Яичницу. Блинчики. И побольше кленового сиропа. Тех капель, что в диспенсере, мне мало.

– Блинчиков у нас нет, – усмехается официантка.

Лютер отрывает взгляд от меню:

– Ты что, шутишь?

– Ммм... видишь ли, это «Уоффл-хаус». У нас подают вафли.

Держится она дружелюбно, даже немного игриво, но Лютера на это не возьмешь. Он чувствует только одно: унижение. Официантка юная и очень беременная. Была бы даже ничего, если б не кривые зубы. Зовут ее, судя по бейджику, Брианна.

– Терпеть не могу вафли.

– Ну, у нас и кроме них кое-что есть. Мне, к примеру, картофельные оладьи нравятся. Попробуй трипл-хэшбраун. Такую вкуснотищу не забудешь.

– Ладно.

– Так что, попробуем?

– Ладно.

– Остальное, что называл, тоже возьмешь?

– Да.

Брианна уходит, а Лютер откидывается на оранжевую спинку сиденья. Он старается не заикливаться на том, каким разочарованием стало известие, что в «Уоффл-хаус» не подают блинчики. И как же это он так облажался? Официантка, наверное, считает его тупицей. Может, стоит добавить ее в ту компанию в багажнике...

Стены облеплены стикерами, и Лютер, ожидая «Кока-колу», пробегает по ним взглядом.

**СЫР-И-ЯЙЦА: ФИРМЕННОЕ БЛЮДО УОФФЛ-ХАУС
У ТЕБЯ БЫЛ ВЫБОР, И ТЫ ВЫБРАЛ НАС. СПАСИБО
ЧИЛИ БЕРТА: НАШ ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ РЕЦЕПТ
ЛУЧШИЙ КОФЕ АМЕРИКИ**

Одновременно с заказом по звездному небу растекается первый свет утренней зари.

– Потом скажешь, как оладушки понравились, – говорит Брианна. – Но блинчики тоже хороши.

Ничего подобного трипл-хэшбрауну Лютер еще не едал. Основа из резаной жареной картошки покрыта расплавленным сыром, луком, кусочками копченой ветчины, чили, нарезанными помидорами и кусочками перца халапеньо. Это даже лучше блинчиков, и когда Брианна приносит вторую ванильную колу, он благодарит ее за рекомендацию и уже не

смущается из-за того, что заказал блинчики в заведении, не зря названном «Уоффл-хаус».

Расслабленно потягивая напиток, Лютер смотрит на оживающее за заляпанным стеклом небо.

Дела идут.

Где бы ни прятался Эндрю, похищение Карен Прескотт и Элизабет Лансинг не может не привлечь его внимание.

Уже направляясь к выходу, Лютер натывается у одной из ближайших кабинок на старичка лет шестидесяти пяти – семидесяти с болезненно-землистым, посыпанным седой щетиной лицом и налитыми кровью глазами. Старик отводит глаза и рассеянно смотрит в окно. В руке у него дымится сигарета.

На парковке стоит грузовичок. Судя по бейсболке с надписью «Джей. Ар. Тракинг» и общей гигиенической запущенности, грузовик принадлежит старику.

Лютер чувствует его одиночество.

– Доброе утро, – говорит он.

Шофер отворачивается от окна.

– Доброе.

– Ваш грузовик на стоянке?

– Мой.

– Куда путь держите?

– В Мемфис.

– Что везете?

– Сахар.

Старик затягивается сигаретой и давит окурок в нетронутом яичном желтке.

– Одиноко на дороге, а?

– Да уж точно.

Его не раздражают короткие ответы старика. Дело не в грубости и не в плохих манерах, а скорее в унылом, безрадостном существовании. Было бы что сказать, он бы сказал.

Лютер застегивает фуфайку и кивает старику. Тот поднимает чашку с кофе.

Расплачиваясь у кассы за завтрак, Кайт дает Брианне десятку сверху.

– Видишь того старика в кабине? Я плачу за его завтрак.

Он выходит через переднюю дверь и смотрит на рассвет.

Глава 15

Выезжая с парковки возле «Уоффл-хаус», Лютер обнаруживает, что глаза закрываются сами собой. Сейчас понедельник, 6:00, и с вечера пятницы ему удалось поспать всего лишь четыре часа в центре отдыха на окраине Маунт-Эйри, Северная Каролина.

При первой же возможности Лютер сворачивает влево, на Пондсайд-драйв, улицу в жилом районе, до такой степени засаженную деревьями, что когда он смотрит вперед, через ветровое стекло, то видит только кусочки пурпурного неба.

Пондсайд-драйв переходит в Кэттейл, которая уже через четверть мили заканчивается темным тупиком с разбитым тротуаром под слоем алеющих листьев.

Лютер выключает зажигание и перебирается на заднее сиденье. Лежа на холодной липкой виниловой обивке, он достает магнитофон, нажимает кнопку «плей» и засыпает под мольбы мистера Уортингтона пощадить его семью.

* * *

Кайт просыпается в 11:15. Кристально чистый свет октябрьского утра вливается в «Импалу», и винил под щекой греет не хуже бутылки с горячей водой.

В центре Стейтсвилла Лютер выезжает на шоссе 64 и мчится на восток через предгорье Северной Каролины и сонные городки Моквилл, Лексингтон, Эшборо и Сайлер-Сити.

Небо растягивается в бесконечную слепящую голубизну. Возле Питтсборо шоссе 64 пересекает огромное озеро Джордан с пылающей по берегам листвой. Лютер уже не помнит, когда ему было так хорошо.

К полудню снова напоминает о себе голод.

В «Уоффл-хаус» городка Роки-Маунт, штат Северная Каролина, Лютер заказывает свое новое любимое блюдо: картофельные оладьи и охлажденную ванильную «Кока-колу». За окном листья сои золотят рыжевато-коричневое поле.

На середине ланча до него вдруг доходит.

Он допустил небрежность в доме Уортингтонов.

Оставил там кое-что.

Глава 16

Очнувшись, Бет подумала, что умерла и отправилась в ад, который оказался не таким, как ей представлялось. Образ преисподней сложился у нее под впечатлением от картины, выставленной недавно в Художественном музее Северной Каролины. Написанная в 1959 году маслом на мазонитовой доске преподобным Маккендри Робинсом Лонгом, картина называлась «Апокалипсическая сцена с философами и историческими фигурами».

На ней изображено некое подобие пещеры и тьма-тьмущая обреченных душ, гонимых демонами к огненному озеру. Среди философов и исторических личностей – Эйнштейн, Фрейд, Гитлер, Сталин и Маркс. Другие в ужасе цепляются за каменистый берег; на них вечерние платья, как будто их выхватили прямо с роскошного бала. С потолка в кипящее озеро падают обнаженные мужчины и женщины, а в недостижимой дали два сияющих ангела парят вокруг белого креста – постоянное и мучительное напоминание о любви, отвергнутой проклятыми. «Мой ад хуже, – подумала Бет, – потому что он – настоящий».

В этой пустой тьме у нее ужасно болела голова, а еще она плохо помнила последние события. Перед глазами мелькали лица Дженны и Джона Дэвида, а когда она представляла их троих на пирсе, что-то ломалось внутри. Что-то такое, чего уже нельзя собрать.

Бет резко села, ударилась лбом о пенопласт и упала на чью-то безвольную руку.

– Кто тут? – вскрикнула она.

Ей никто не ответил.

Бет нащупала в темноте руку и сжала ее.

– Вы меня слышите? – прошептала она. *Если это труп, меня вырвет.*

Невнятный женский голос пробормотал что-то... вздох... руку отдернули.

– Меня зовут Бет. А кто вы?

– Карен, – прохрипел голос. Звук был такой, словно женщина говорила сквозь зубы.

– Это ад? – прошептала Бет.

– Это багажник машины какого-то психопата.

И все, что она забыла, вернулось в бурном, вихрящемся потоке сознания.

– Где мои дети?

- Ваши дети?
- Что он сделал с ними?
- Я не знаю.

Роняя слезы, Бет постаралась засунуть страх в свой зоб, в ту заглубевшую нишу, которую обнаружила после смерти мужа.

Он забрал только меня. Этот зверь не тронул моих детей. Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы это случилось.

* * *

Лежа на боку, лицом к лицу в крошечной тьме, женщины держались за руки. Они даже чувствовали дыхание друг друга – теплое успокаивающее касание воздуха.

Машина снова тронулась с места, и теперь сила инерции бросала их в темноте то туда, то сюда при малейшем изменении направления или скорости. Внизу, под ними, с шорохом, скрипом и визгом проносилось дорожное полотно, и пленницы придвигались ближе и ближе. Карен гладила Бет по волосам и вытирала ее мокрые щеки. Она уже жалела, что не соврала и не сказала, что ее дети целы и невредимы и им ничто не угрожает.

* * *

Через несколько часов машина остановилась, двигатель умолк, дверца со стороны водителя открылась и закрылась.

Карен напряглась, прислушалась.

Шаги удалялись.

Держа Бет за руку, она сосредоточилась на едва слышных звуках за пределами их мрачной тюрьмы: где-то хлопали дверцы, урчали моторы, плакали дети, скрипели колеса тележек.

– Мы на парковке, – прошептала Карен.

Неподалеку хлопнули сразу три дверцы.

– Шэннон, хватит прихорашиваться, ты отлично выглядишь, – произнес мужской голос.

– Не хочет разочаровать Криса, – насмешливо вставил другой.

– Да пошел ты. И ты тоже.

– Помогите! – крикнула Бет и, вырвавшись из объятий Карен,

прижалась губами к пенопласту. – Помогите! ПОЖАЛУЙСТА!

– Молчи! – прошипела Карен. – Он убьет нас, если...

– ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА! У МЕНЯ ДЕТИ!

Карен обхватила Бет, зажала ладонью рот и оттащила на грязный коврик.

– Все хорошо, милая. Все хорошо. – Бет билась и вырывалась из ее рук. – Все уладится. Но нельзя...

Снаружи опять донеслись голоса:

– Перестань, Шэннон, нет ничего в этом багажнике. Тебе просто показалось. Идем.

– Я слышала звуки. Как будто собака лаяла. Каким же надо быть психопатом, чтобы запирать собаку в багажнике!

– Да ладно. Идем, Крис ждет.

Бет ткнула Карен под ребра, вырвалась и снова закричала. Она кричала и кричала, пока могла, пока не сорвала голос.

А потом, когда сил уже не осталось, в багажнике снова установилась тишина, и Бет слышала только собственное надсадное дыхание и гулкое биение сердца.

Глава 17

Лютер берет тележку из длинной, изгибающейся, как гусеница, вереницы и катит мимо пожилого, в голубом жилете, гритера местного «Уолмарта».

– Ты как, сынок, сегодня?

– Офигительно. – Лютер и впрямь в отличном настроении: «Уолмарт» – его любимый универсам.

Первым делам он направляется в отдел СЛАДОСТИ/ЗАКУСКИ, где бросает в тележку десять пакетиков конфет «Лемонхедс». Потом вскрывает один пакетик и бросает в рот сразу три желтых шарика. В среднем на один день ему требуется два-три пакетика. Конфеты он ест так: высасывает кислый желтый слой и выплевывает белую сердцевину.

Вот откуда гнилые зубы.

Вообще-то пришел он только за конфетами, но потом в голову приходит, что было бы забавно записать на камеру то, что он сделает с Карен. И Лютер сворачивает в отдел ЭЛЕКТРОНИКА. Десятка два выстроившихся у задней стены телевизоров разного размера показывают один и тот же мультфильм. Невыносимый шум со всех сторон: из

громкоговорителей с потолка льется спокойная элеваторная музыка; ближайшая стереосистема выплевывает рэп; какая-то видеоигра разражается пулеметной пальбой и криками жертв.

Лютер останавливается и внимательно смотрит на мальчика, который держит в руках пульт и не сводит глаз с экрана, на котором кровавые сцены сменяются сценами насилия. В игру мальчик ушел с головой, и его остекленелый взгляд отражает смесь сосредоточенности и благоговейного ужаса.

Оставив тележку в проходе между стеллажами с компакт-дисками, Лютер подходит к прилавку, опускается на колени и рассматривает цифровые камеры под стеклом.

Потом поднимается и откашливается.

Сидящий на стуле продавец держит телефонную трубку между ухом и плечом. Зовут его, если верить бейджику на голубом жилете, Дэниел. Он высок и худ, у него короткие выбеленные волосы и аккуратные черные бачки.

– Хочу посмотреть «Сони Сайбершот Р51».

Дэниел закрывает глаза и поднимает палец.

Лютер ждет, мысленно начав отсчет.

Дойдя до шестидесяти, он снова говорит:

– Хочу посмотреть «Сони Сайбершот Р51».

– Меган, можешь подождать секундочку? – Теперь трубка прижата к груди. – Сэр, вы не могли придержать коней на минутку?

– Я уже придерживал коней на минутку. А сейчас хочу посмотреть камеру.

Кровь унижения бросается Лютеру в лицо. Дэниел снова подносит телефон к уху, соскальзывает со стула и поворачивается к покупателю спиной.

– Меган, я тебе перезвоню. Извини. Да, думаю, Джек ведет себя неблагоприятно, но... – Дэниел смеется. – Да, да.

Разговор продолжается.

Лютер снова считает до шестидесяти. Закончив счет, возвращается к тележке, выводит ее из отдела ЭЛЕКТРОНИКА и, не заплатив, катит через переполненную автостоянку к своей серой «Импале». Бросает пакетики с конфетами на заднее сиденье и садится за руль. Из блокнота на пассажирском сиденье вырывает чистый лист, на котором пишет: НЕ РАБОТАЕТ. НЕ ВХОДИТЬ! Из «бардачка» достает скотч, в карман сует пригоршню конфет и возвращается в «Уолмарт».

В магазине Лютер направляется к отделу СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ.

За прилавком стоит грузная женщина с перекрашенными в рыжие черными волосами.

– Скажи, красотка, как бы мне приобрести бейсбольную битку?

– Извини, милоч, летом у нас такого добра не водится. Но нам только что подвезли охотничьи товары, и если...

Отходя от прилавка, Лютер завязывает в хвост волосы и берет с полки охотничьих товаров камуфляжную бейсболку – на случай, если за ним наблюдают камеры.

Следующие два часа он бродит рядом с отделом электроники, наблюдает за порхающим с места на место Дэниелом и посасывает конфетки, пока не получает химический ожог гортани.

В конце концов Дэниел выходит из своего отдела и идет к дверям. Лютер следует за ним. Дэниел останавливается у автомата с газированной водой «Выбор Сэма» и, задумчиво глядя на парковочную площадку, выкуривает две сигареты.

На часах шесть вечера, свет бронзовеет. Лютер стоит возле автоматических дверей, деля внимание между Дэниелом и красным закатом.

Эрекция нарастает.

К тому времени, когда Дэниел возвращается, Лютер уже на пике. Следом за продавцом он идет в левый угол магазина, потом дальше, по ярко освещенному коридору. Дэниел толкает плечом дверь и исчезает в туалете. Лютер подходит к двери, достает из кармана листок и наклеивает на изображение мужчины, после чего и сам входит в туалет.

Три кабинки, два писсуара. Опустившись на колени, Лютер видит пару ног в последней кабинке и улыбается.

Они одни. Лучшего и не придумаешь.

Лютер входит в свободную кабинку, наклоняется, подтягивает правую штанину серых спортивных брюк и расстегивает кожаные ножны. Кладет нож на крышку туалета, снимает кеды и носки, стаскивает брюки и трусы, а потом – толстовку и футболку. Дело обещает быть грязным, а идти по «Уолмарту» в заляпанной кровью одежде было бы неразумно.

С ножом в руке, голый, Лютер выходит из кабинки и открывает два крана. Грохочущее эхо падающей воды заполняет комнату. Он спускает воду в писсуарах и двух кабинках и включает автоматические сушилки для рук. Потом выключает свет и открывает и закрывает дверь, создавая ложное впечатление, что в туалете никого не осталось.

Дэниел сыплет проклятиями. Звук диспенсера едва слышен за шумом воды. В туалете полная темнота, и только под дверью лежит тонкая, как

лезвие ножа, полоска света. Поглаживая себя, Лютер становится у выключателя. Дыхание его глубоко, в темноте он чувствует себя комфортно.

В кабинке Дэниел спускает воду и застегивает «молнию». Лютер сжимает рукоять ножа. Он предпочел бы размазать мозги Дэниела по стене одним ударом битой. Но сгодится и лезвие. В машине он придумал для ножа имя – Зиг, сокращенное от Зиглера, среднего имени Эндрю Томаса.

Дверца кабинки открывается со скрипом.

Осторожные приближающиеся шаги... запах одеколона Дэниела.

Лютер ощущает близость продавца, его руки, тянущейся по стене к выключателю.

В комнате вспыхивает яркий и жесткий флуоресцентный свет.

В глазах Дэниела растерянность, потом ужас.

Два взмаха, два изящных удара.

Дэниел оседает в теплую растекающуюся лужу, ощупывает вспоротый живот и не может издать ни звука.

– А теперь сиди здесь и думай, что означают слова «обслуживание покупателя».

Лютер заходит в кабину и быстро одевается. Потом выключает свет и выходит, отметив свой путь еще одним следом.

Глава 18

«Я больше не в багажнике», – подумала Карен, едва придя в сознание. Хотя она по-прежнему ничего не видела, теперь причиной «слепоты» была повязка на глазах. Лицо ее трогал холодный ветер, сквозь пахнущую чем-то маслянистым тряпку, закрывавшую глаза, пробивался неуверенный свет.

Карен не помнила, как ее переносили. Вполне возможно, что все это ей снилось, хотя прикосновение стального металла к щеке ощущалось вполне реально. Она попыталась пошевелиться, но не смогла – руки и ноги были связаны толстой веревкой. От жажды тяжелела голова.

Шаги... Они приблизились и остановились, мысок ботинка был в нескольких дюймах от ее лица. Карен чувствовала запах прилипшей к нему травы и глины – сырой и землистый.

– Вижу, ты очнулась.

Голос прозвучал ясно, без реверберации. Значит, она действительно была не в багажнике.

– Где я? Пожалуйста, снимите повязку.

– Будет лучше, если мы пока оставим ее. Должен сказать, девушка ты тяжелая. Я даже запыхался, пока тащил тебя вверх, – двести четырнадцать ступенек...

Колючий холодок прополз по спине.

– Где это? – спросила Карен.

– Разве ты не видишь свет? По-моему, ты не могла не заметить... даже с повязкой на глазах.

– Не понимаю...

– Свет здесь усиливается линзами Френеля, которые используются с первого октября одна тысяча восемьсот семьдесят второго года. Позволь, Карен, унять твои страхи. – Он опустился на землю рядом с ней. – Я принес тебя сюда, чтобы отпустить. – Облегчение было столь велико, что она не выдержала и расплакалась. – Но вдову Лансинг мне придется придержать. Ты ведь помнишь ее, да? Вы вместе были в багажнике.

– Да, помню.

– Понимаешь ли, я отпускаю тебя по одной-единственной причине. Я бросил монетку. Ты была орлом, и монета упала орлом вверх. Так что жить выпало тебе.

– Зачем вы это делаете?

Она ощутила на лице отдающее лимонным ароматом дыхание. Слова прозвучали ровно и спокойно.

– Так ты думаешь, все это из-за тебя, заносчивая сука?

– Нет, я...

– Вы обе, ты и Элизабет Лансинг, нужны мне только для того, чтобы привлечь внимание одного человека. Угадаешь, кого?

– Нет, не знаю.

– Должна знать. Ты же трахалась с ним. Да, это всего лишь предположение, но все-таки...

– Я не знаю, о ком вы...

– Эндрю Томас.

– Но что вам от него нужно?

– Семь лет назад Эндрю застрелил меня и оставил умирать в снежной пустоши.

– Мне очень жаль.

– Не надо. Я приготовил для него кое-что, после чего мы будем квиты. И еще одно. Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Ты считаешь себя дурным человеком?

– Нет, я не...

– Почему?

Теплое дыхание похитителя согрело ей губы. Карен попыталась вспомнить, в скольких благотворительных акциях она участвовала за прошлый год, сколько пятниц отработала в бесплатной столовой для бездомных на 54-й улице, скольким новым писателям помогла издать книгу.

– Я – порядочный человек.

– А я? Судя по тому немногому, что ты видела? Я – дурной человек?

– Нет, сэр. Я так не считаю. Я не знаю вас. Не знаю, какими были ваши родители. Может быть, с вами случилась какая-то трагедия. Несомненно, есть какие-то причины, склонившие вас к такому поведению...

– Деструктивному поведению.

– Да.

– А вообще дурные люди есть?

– С людьми всякое случается. Они сбиваются с пути. Но нет, я не верю в зло.

– Понятно. Спасибо, что поговорила со мной так откровенно.

Он снял повязку с ее глаз.

Через железные прутья Карен видела полмили сосен, болот и дюн и дальше за ними – Атлантический океан. С этой высоты и расстояния океан казался немым, хотя в свете желтой луны можно было рассмотреть неровную нить прибоя, растянувшуюся на много миль вдоль береговой линии.

Похититель исчез.

Ей удалось сесть. Оглядевшись, она поняла, что находится на небольшой наблюдательной площадке, окруженной металлическими перилами. За ее спиной лестница поднималась по башне на последние шесть футов – к фонарной башне маяка острова Боди.

Луч слепил. Он вспыхивал на 2,5 секунды. Потом гас на 2,5 секунды. Установленный ритм повторялся от заката до рассвета.

Карен напряглась, пытаясь ослабить веревку, но узлы держались. Протащившись по площадке, она проследила взглядом серую ленту автострады 12, которая, обогнув берег и болотистую низменность, пересекает бурные воды Орегонской протоки. Дальше, на шестьдесят миль, – пустынное побережье с крохотными деревушками, а потом мыс Хаттерас, Окраоук и барьерные острова.

Но их названий Карен не знала.

Она не знала даже, что находится в Северной Каролине, как не знала и того, что ее похититель срезал болторезом два замка и прошел с ней по шаткой винтовой лестнице на самый верх маяка, построенного 131 год назад.

И как, черт возьми, мне отсюда спуститься? Ладно, как-нибудь. Остановлю машину. Доеду до аэропорта. Позвоню Скотту Бойлину – пусть пришлет денег. Какое будет счастье вернуться домой... Первым делом выпью целую бутылку шардоне под Эшли Чэмблис – заслужила. Отныне все будет по-другому. Буду издавать только хорошие книги. И хватит жить на автопилоте. Вообще-то этот случай...

Обойдя фонарную башню, она застыла на месте.

Боже, он здесь. Но почему он сидит на мотке веревки?

Длинноволосый незнакомец оглянулся через плечо и улыбнулся:

– Я сейчас, Карен. Потерпи.

Он повернулся, и женщина увидела в руках у него петлю.

Она попыталась отползти, но он подошел и накинул петлю ей на шею. Потом взвалил ее на плечо и усадил на перила лицом к себе.

Онемев от ужаса, не в силах даже крикнуть, Карен бросила взгляд за спину. Далеко внизу, у гранитного основания маяка, виднелись крыша домика смотрителя и парковочная стоянка для посетителей. К западу, за болотом, расстилались воды залива Памлико, а еще дальше мигали красные огоньки радиовышек.

– Маяк покрашен полосами, черными и белыми, – сказал похититель. – Я отмерил веревку так, чтобы ты повисла на середине белой полосы, лицом к центру для посетителей. Представь выражение того, кто обнаружит тебя первым. Может, это будет какой-нибудь минивэн со Среднего Запада с кучей детишек...

Он рассмеялся.

Карен взглянула на моток веревки у его ног и узел, которым он привязал веревку к перилам. Он держал ее за пояс банного халата, который был на ней со дня похищения.

Она посмотрела ему в глаза и увидела в них ум и логику. Они не были ни безумными, ни бесстрастными, но черными и невозмутимыми. И когда вспыхнули, то уже тлели, словно уголья.

Удерживая ее одной рукой, он другой отбросил волосы назад.

Сила тяготения звала ее.

Карен вырвало на его штормовку, но он не убрал руку.

– Теперь ты веришь?

Он отпустил пояс халата, но не отвернулся, наблюдая, как она падает.

Две секунды Карен кричала, а потом веревка оборвала ее крик.

Она качалась взад-вперед в пятидесяти футах над лужайкой – маятником для маяка.

Глава 19

В два часа ночи «Импала» проносится на юг по острову Окраоук – полоске суши менее чем в полмили шириной. К западу разверзся тьмой залив Памлико. С другой стороны черной кровью под желтушной октябрьской луной блестит Атлантический океан.

В багажнике «Импалы» спит, не видя снов, Элизабет Лансинг.

За рулем, усталый и довольный, улыбается водитель. Стекло опущено, и волосы разметались по бледному лицу. Глубоко вдыхая, он втягивает теплый воздух, благоухающий бурыми водорослями, соленой водой, плавающим и рыбой на разглаженном прибором песке.

И вот за дюнами, скрывающими океан, открывается его родной городок, слабое свечение на черном горизонте.

Ну что, старина Эндрю, придешь ли ты теперь, когда я показал тебе путь?

Вайолет

Глава 20

В последнюю среду каждого месяца баптистская церковь неизменно устраивает вечер запеченного спагетти. Такова традиция, приятная неотвратимость для местного христианского сообщества.

Из кухни паства неторопливо перемещалась в общий зал, следуя обычаю, установленному двадцать два года назад. Каждый прихожанин приносил картонную тарелку с запеченным спагетти, мучным роллом, салатом из латука и моркови и пенопластовый стаканчик сладкого чая.

Обедали братья и сестры во Христе за круглыми складными столиками, с удовольствием поглощая пресные блюда, и зал гудел от разговоров и детского шума, а из громкоговорителей на сцене лилась духовная музыка. Свет заходящего солнца – слабый намек на багрянец в позднеоктябрьском небе – тускнел за высокими окнами.

Вайолет Кинг сидела за столом с родителями, Эбертом и Эвелин, и другом родителей по имени Чарльз. Последнему стукнуло тридцать, он был одинок и страстно увлечен Иисусом. Вайолет не нравилось, как он смотрит на нее и как разговаривает с ней – словно знает некий секрет, который никому не раскрывает, и словно он сам – нечто большее, чем шапочный знакомый.

Последние пять минут Чарльз, не давая никому и рот открыть, повествовал о своей попытке просветить «проблемного чернокожего юнца». Но Вайолет не слушала и только смотрела на порцию запеченного спагетти на своей тарелке.

– ...и я сказал ему: «Брат, Иисус умер за тебя». – Нижняя губа рассказчика задрожала от эмоций, голос смягчился, проникшись искренностью. – И знаете, что он ответил мне? Боюсь разбить вам сердце, Эберт. Он сказал: «А с чего бы Богу любить меня?» И я сказал... я сказал... Вы слушаете меня, Вайолет?

Вайолет подняла голову и посмотрела в одинокие глазки напротив:

– Да, Чарльз, слушаю.

– Я сказал ему: «Господь любит черных мальчиков так же сильно, как Он любит и белых мальчиков».

Четырехлетний мальчонка с шоколадной глазурью вокруг улыбающихся губ подбежал и остановился перед Вайолет.

– Ты красивая, – выпалил он и умчался, крича: —Вот и сказал! Вот и сказал!

Вайолет рассмеялась.

– А где Макс? – поинтересовался Чарльз.

– Там же, где был неделю назад, когда вы задавали мне этот же вопрос, – ответила она без злости и раздражения. – Этой осенью он тренирует команду по бегу по пересеченной местности. Сегодня у них очередная встреча. – «Это тебя устраивает, *извращенец?*» – мысленно добавила Вайолет.

– Просто не хочу видеть, как человек отступает от веры. Начинается с того, что пропускают наши среды, а кто знает, что последует дальше...

– Мой зять не вероотступник, – возразил Эберт. – Я и сам такого не потерпел бы, ты же знаешь, Чарльз. Верно, дочка?

– Да, папа.

Вайолет улыбнулась отцу, крупному и крепкому мужчине с седой бородой и сияющей загорелой лысиной. Работал он на молочной ферме, и за их столом слегка попахивало навозом.

Она отпила чаю и снова почувствовала на себе взгляд Чарльза. В последнее время такое случалось часто, особенно во время воскресной службы. Он постоянно укорял ее за «мальчишескую службу», говорил, что волосы женщинам положено носить длинные и свободные, и советовал Вайолет дать волю ее блондинистым локонам.

На поясе, над лавандовой юбкой, запищал пейджер. Вайолет опустила глаза и, увидев номер, поднялась из-за стола.

– Мам, если придет Макс, скажи, что я скоро вернусь.

– Всё в порядке, Ви?

Эвелин посмотрела на дочь серо-голубыми глазами, в которых словно отражалась седина ее волос. *Как ты можешь сидеть здесь с этим ненормальным?*

– Да, мам.

Вайолет вышла из общего зала в классный коридор. Двойные двери в конце его были распахнуты, и она видела музыкального директора, торопливо расставлявшего стулья на галерее – репетиция хора должна была начаться сразу после обеда. Петь ей сегодня не хотелось. Хотелось пойти домой, забраться в постель с пинтой мороженого «Черри Гарсия» и посмотреть телевизор, желательно что-нибудь документальное от Кена Бернса по Пи-би-эс.

Шум и суeta празднующей паствы отступили на задний план, как только Вайолет вошла в темную классную комнату и закрыла за собой

дверь.

Снова завибрировал пейджер.

Она сунула руку в сумочку, где лежал сотовый.

Глава 21

Развернувшись в тупичке, Вайолет припарковала свой «Джип Чероки» на тротуаре. Часы на приборной доске показывали 7:15. Небо было темным, если не считать туманных пятнышек звездного света, тускнеющих, когда смотришь прямо на них. Заглушив мотор и глядя на суматоху вдалеке, она попыталась представить эту истеричную улицу обычной, без мигающих огней.

Тихой.

Заурядной.

Безопасной.

Вайолет огляделась. С того места, где она находилась, ей были видны молодой сосновый лес, начинавшийся за улицей из выстроившихся вдоль озера и заключенных между двумя тупиками одиннадцати домов; дорога, врезающаяся в Шортлиф-драйв, и черное, невозмутимо-спокойное озеро.

Вайолет не строила догадок и не теоретизировала. Заниматься этим, когда расследование еще только начинается, бесполезно. Пока она знала лишь, что на этой улице, в кирпичном доме в стиле ранчо, убита семья из четырех человек. Добавить к ним другие убийства – зарезанного ножом продавца в «Уолмарте» в Роки-Маунт и женщину, повешенную на маяке Боди, – и получается одна из самых кровавых недель в истории Северной Каролины со времен Гражданской войны.

Большинство следователей никогда и не сталкиваются ни с чем подобным, подумала она, выходя из машины, и, уже обращаясь к себе, мысленно добавила: «Ты недостаточно подготовлена, чтобы заниматься таким делом».

Вайолет ощутила слабость в ногах и прислонилась к джипу. Закрыла глаза, несколько раз глубоко вдохнула, прошептала молитву и зашагала к мигающим голубым огням.

Участок Уортингтонов площадью в пол-акра уже окружили оградительной лентой. Вайолет насчитала три патрульных машины, «Скорую помощь», фургон и две легковушки без опознавательных знаков, припаркованных у тротуара на другой стороне улицы.

На повороте подъездной дороги, охраняя периметр, стоял полицейский

в форме.

– Привет, Рубен, – сказала Вайолет.

– Викинг? Так ты сегодня на вызове?

– Да.

– Повезло тебе. Дом по соседству с тем, где в понедельник случилось похищение. Мы и в дверь стучали, и по телефону звонили – они так и не ответили.

– Шутишь... Ты приехал первым?

– Нет, первым прибыл Брюс. Он сейчас с Барри разговаривает.

Вайолет нырнула под оградительную ленту и зашагала по дорожке к своему сержанту, широкоплечему, крепкому, как дуб, парню с глубоким, как и у отца, голосом. Брюс разговаривал с патрульным, и она прошла между мужчинами.

– Привет, парни.

Сержант посмотрел на нее сверху вниз и покачал головой.

– На этот раз ты точно вляпалась, – произнес он таким тоном, словно вина за случившееся лежала на ней. – Я пойду, потолкую с Чипом и ребятами. Брюс расскажет, что ты получила.

– Ты в доме еще не был?

– Нет. Ордер на обыск только что дали. Бобби как раз этим и занимается.

– Эксперты уже готовы начать видеосъемку?

– Думаю, да.

– Не попросишь их подождать минутку? Поговорю с Брюсом, а потом хочу сама быстренько пройтись.

Секунду-другую сержант Маллинс смотрел на нее. Улыбался он редко. Под его хмурым взглядом Вайолет снова почувствовала себя восьмилетней девочкой. Она знала, что он думает, потому что и сама думала то же самое: справиться с этим делом ей не по силам.

Сержант Маллинс направился к одетым в белые халаты экспертам-криминалистам, а Вайолет посмотрела через плечо на женщину, плакавшую на улице, возле лужайки Уортингтонов.

Затем повернулась к Брюсу.

Он был на год младше и только год назад закончил полицейскую академию. Они ходили в одну и ту же среднюю школу, и, хотя не были знакомы тогда, Вайолет его помнила. Брюс почти не изменился – остался таким же высоким, немного пучеглазым, с испуганным, нервным выражением лица.

Пока Вайолет доставала из сумки блокнот и ручку, он неотрывно

смотрел на плачущую на улице женщину.

– Брюс? – Патрульный посмотрел на нее большими глазами. – Ты в порядке? – Он перевел дух. – Расскажи, что тут у меня. – Они стояли возле минивэна Уортингтона, и он прислонился к задней дверце. – Нет, Брюс, не надо.

Он выпрямился и кивнул в сторону улицы.

– Та женщина, что плачет, – Бренда Мурфилд. Живет неподалеку, через три дома. Сегодня, во второй половине дня...

– Точнее?

– Между половиной четвертого и четырьмя. Она подошла и постучала в дверь. Их дети часто играют вместе, и миссис Мурфилд уже два дня не видела мальчиков Уортингтонов. У нее был ключ от дома, и, поскольку они не отвечали на звонки и не брали почту, а их машины стояли на подъездной дорожке, она решила войти. Уже в передней почувствовала запах и сразу же вышла и набрала девять-один-один. Я приехал в начале шестого. Один мальчишка – под столом в кухне. Второй – в постели. Крови возле детей не заметил. Зак и Тереза Уортингтоны – в постели. Там все плохо... Остаться там долго я не мог. Извини, меня просто...

– Всё в порядке, Брюс. Это не твоя работа. Как звали мальчишек?

– Хэнк и Бен. Одному – одиннадцать, другому – семь. Бен – это тот, который под столом.

– О'кей. Мобильная группа должна быть с минуты на минуту. Периметр остается за Ройбенем. Хочу, чтобы ты подошел к миссис Мурфилд и постарался ее успокоить. Я войду и, пока эксперты не начали съемку, осмотрюсь. Потом, когда они возьмутся за работу, поговорю с миссис Мурфилд, так что позаботься, чтобы она не ушла.

Брюс зашагал к подъездной дорожке. Вайолет потеряла руки. Ее пальто «Барбур» осталось в общем зале церкви, а с озера тянуло холодком, и ветер срывал сухие листья с огромных дубов в переднем дворе. Она постояла еще секунду-другую, а потом направилась к передней веранде, на ступеньках которой ее поджидала шумная, как стадо гусей, группка экспертов. Их присутствие пугало ее, но справиться с ними Вайолет могла. Куда больше она страшилась того, что поджидало ее в доме.

Глава 22

Сбросив туфли на каблуке, Вайолет сунула свои маленькие ножки в матерчатые ботинки, натянула на руки пару латексных перчаток и

поднялась по ступенькам.

Полицейский, стоявший у передних дверей, внес ее имя в список и проставил время. Поскольку задерживаться в доме Вайолет не намеревалась, она прошла одна. Место преступления подобно деликатной экосистеме, и чем больше людей побывает в доме, тем сильнее они повредят картину места преступления.

– Я быстро, ребята, – сказала она.

– Эй, Викинг, хочешь «Викс»? – спросил один из техников. – Судя по тому, что говорит Брюс, приятного там мало.

– Нет, обойдусь.

– Я позвонил Рику и Дону, – сказал сержант Маллинс. – Будут утром, пораньше.

– Хорошо. Дело пойдет быстрее. Каждый возьмет по комнате.

Вооруженная фонариком, блокнотом и ручкой, Ви переступила порог дома Зака, Терезы, Хэнка и Бена Уортингтонов и закрыла за собой дверь. Стоя в передней, она отметила два звука: шум воды в системе центрального отопления и голоса на веранде. Оказаться в тепле после холода было приятно, хотя тепло и усиливает запах.

В доме было темно – так же, как и тогда, когда сюда попал Брюс.

Затаив дыхание, Вайолет прошла в столовую. Глаза постепенно привыкали к темноте. У обеденного стола она остановилась, ожидая, пока в тени оживут формы и детали.

А потом решительно вдохнула.

Запах. Сладковатый. Насыщенный. Запах разложения.

Запах испорченных макарон и сыра.

Настолько острый, что его можно было попробовать на вкус.

Ви вдохнула еще раз, впуслав в себя запах гниения.

На втором месяце службы в Отделе уголовных расследований она столкнулась со своим первым самоубийством – жарким июльским полднем семидесятичетырехлетний больной с Альцгеймером выстрелил себе под подбородок из дробовика. Его нашли неделю спустя в небольшом трейлере без кондиционера. Хотя вонь стояла ужасная, Вайолет с удивлением обнаружила, что не может закрыться от нее, что примет и впустит в себя это жуткое зловоние из уважения и сострадания к мертвым. Висцеральная близость необъяснимым образом связывала ее сначала с жертвой, а уже потом – с разгадкой убийства.

Над озером Норман всходила яркая убывающая луна, и ее свет растекался по покрытому линолеумом полу кухни. Увидев под столом маленького мальчика, Вайолет почувствовала, как в ней что-то дрогнуло.

Опустившись на колени перед столом, она смахнула упавшие на глаза пряди, включила фонарик и посветила сначала на лицо мальчика, потом прошла лучом по всему телу. Ни странгуляционной борозды, ни синяков видно не было, но голова лежала на полу под неестественным углом.

Сломана шея. Луч скользнул сверху вниз по правой руке и остановился на сжатых в кулак пальцах. Вайолет перевела луч на другую руку, пальцы которой сжимали что-то похожее на батарейку.

Она прошла к задней двери и посмотрела через стеклянную панель в задний двор: дуб, домик на дереве, веревочные качели, озеро. Выключив фонарик, вернулась через столовую в гостиную – глаза уже привыкли к темноте и теням. Можно было бы включить свет, но Вайолет хотела увидеть все таким, каким увидел он.

В гостиной запах ощущался острее. Она остановилась и огляделась: чашка с попкорном на полу... коробка из-под кассеты на телевизоре... Киношный вечер. Она шагнула ближе, прочитала название: «Цветок красного папоротника».

Когда зазвонил телефон, Ви невольно затаила дыхание.

Автоответчик сработал после двух звонков: «Это Тереза. И Зак. Хэнк! И Бен!»

Общий смех.

Мальчишеский голос продолжил: «Нас здесь нет. Если хотите, оставьте сообщение».

Потом, после гудка: «Привет всем. Это Джанет. Не дождалась ответа насчет следующего уик-энда, поэтому звоню сама. Надеюсь, вы все-таки выберетесь. Привет от Джека и Сьюзи. До встречи».

Дальше – тишина.

Вайолет вышла в коридор, заглянула в ванную и прошла к комнате старшего из мальчиков. Хэнк Уортингтон лежал на кровати под одеялом. Со стороны могло показаться, что он спит. «Если б не запах смерти, дом выглядел бы вполне нормальным», – подумала она.

Дверь в спальню Зака и Терезы в конце коридора была широко открыта. Осторожно, словно боясь разбудить их, Ви подошла ближе. Сердце колотилось, отдаваясь тяжелой пульсацией в шее.

Она не стала ни проклинать страх, ни притворяться, будто ей не страшно, но, опустившись на корточки, помолилась. *Я не слышу Тебя в этом доме. Пожалуйста, войди со мной в комнату.* Она выпрямилась и, чувствуя себя по-прежнему одинокой, тем не менее подошла к порогу спальни. От идущего оттуда запаха заслезились глаза.

Никаких трюков или приемов, которые помогли бы укрепить дух,

подготовить себя к зрелищу оскверненной невинности, Вайолет не знала. *Оно бьет тебя под дых, и ты либо несешь это дальше с собой, либо уходишь.* Об этом ей и сказал сержант Маллинс. И он был прав.

Кончиком карандаша она дотронулась до выключателя. Комната закричала от боли, и Вайолет жалобно всхлипнула, но все же сделала три шага вперед, чтобы увидеть самое страшное и отвратительное. Внутри у нее все задрожало.

Мистер и миссис Уортингтон смотрели на нее пустыми глазами, лишенные всего – гордости и достоинства.

Ви отвернулась и открыла блокнот.

Потом, закончив, прошла по коридору к передней и толкнула дверь. Никогда еще свежий воздух не приносил такого облегчения. Хотелось открыть кран с горячей водой и долго-долго мыть руки.

Ступив на веранду и плотно закрыв за собой дверь, Вайолет ощутила на себе изучающие взгляды сержанта Маллинса и техников-криминалистов. Ужас, отвращение и ненависть, написанные на ее лице, отразились и на их собственных.

– Родителей изрезали. Выпотрошили, – сказала она так, чтобы слышали все. – Может быть, какой-то ритуал. И еще... Мальчик под столом держит что-то в правой руке.

– Ты же знаешь, за озером одно время жил Эндрю Томас, – сказал один из техников. – Держу пари на десять бутылок пива, это его рук дело. Отсиделся где-то и вернулся. Хотел поставить подпись.

Спускаясь по ступенькам, Вайолет увидела припаркованный в тупике фургончик местной службы новостей. Патрульный стоял на улице, обнимая Бренду Мурфилд, и Ви, успев уже замерзнуть, направилась к ним. По пути она позвонила мужу и сказала, чтобы тот не ждал ее.

Глава 23

В тот день, на который он запланировал интервью с Эндрю Томасом, Хорас Бун проснулся в промерзшей темноте своего тесного трейлера на окраине Хейнс-Джанкшн. Керосиновый обогреватель вырубился посреди ночи, и пять слоев уложенных на матрас одеял и покрывал не спасали – его трясло.

Последние две недели Бун регулярно просыпался от холода и в конце концов пришел к выводу, что в этом жалком убежище юконскую зиму – когда температура падает до минус сорока и ветер с воем пронизывает

тонкие стены – ему не пережить.

Он сбросил покрывала и поднялся, уже полностью облаченный в камуфляж и охотничью куртку, купленную на прошлой неделе в «Вудсмене», одном из местных магазинов туристического снаряжения. Выбравшись из «спальни», в три шага пересек «гостиную» и вошел в кухню. В это утро самой горячей точкой трейлера был холодильник. Открыв дверцу, Бун схватил пакет с апельсиновым соком, встряхнул и сделал глоток кисловатой жижи, после чего приступил к поиску чего-нибудь для завтрака.

Пережевывая черствый пирожок, Хорас прислонился к раковине и оглядел убогое прибежище, которое весь последний месяц называл своим домом. Матрас, телевизор, вонючий диван – вот и вся обстановка трейлера. Сидеть на диване можно было только в левом конце, где пружины еще могли выдержать его вес. А если в ясный день вынести коричневые подушки и попытаться их выбить, в воздух поднялось бы грибообразное облако пыли.

Работал Бун по большей части в деревне, в закусочной «У Билла», где сидел в кабинке у окна, выпивая море кофе. В последние две недели он написал три первых главы будущей книги, в которых рассказал о первой встрече с Эндрю Томасом в книжном магазине в Анкоридже, путешествии в Юкон и проникновении в домик Эндрю в лесу. Фиолетовый блокнот Хорас постоянно держал при себе и лишь на ночь прятал в холодильник – на случай пожара в трейлере.

* * *

30 октября, в седьмую годовщину смерти матери, я узнал, что моя жизнь в Хейнс-Джанкшн, жизнь, которая безумно мне нравилась, закончилась.

Около полудня я сидел в компьютерной лаборатории, читая эмоциональную запись в «Живом журнале» знакомой по Интернету, которую знал только как Тэмми М. Мидуэй. В объемном сообщении Тэмми анализировала свою неспособность поддерживать общение, лишенное социальной глубины. В какой-то момент сидевшая рядом со мной женщина повернулась к мужу и сказала:

– Ты только посмотри, Ральф. Эндрю Томас вернулся.

Адреналин выстрелил мне в кровь. Я почувствовал, как вспыхнули щеки, но, когда взглянул на пару, увидел, что женщина указывает на

новостной заголовок на экране. Почувствовав мой взгляд, она посмотрела на меня.

– Ужасно, не правда ли? – Я молчал, не в силах вымолвить ни слова. – Здесь говорится, что он убил целую семью.

– Где? – выдавил наконец я.

– Не помню, сейчас посмотрю. – Она прокрутила страницу к началу статьи. – Да, вот оно. Дэвидсон, Северная Каролина.

В тот же миг что-то внутри меня умерло. Я отыскал веб-сайт и бегло пробежал глазами статью и список жертв. В третьем параграфе мое внимание привлекли такие слова:

Соседка Уортингтонов, Элизабет Лансинг, была похищена в понедельник. Хотя подробностей этого дела сейчас мало, власти намекают, что убийство и похищение неким образом связаны. Муж похищенной, Уолтер Лансинг, бывший друг предполагаемого серийного убийцы, писателя Эндрю Томаса, также считается одной из его жертв, хотя тело мистера Лансинга до сих пор не обнаружено.

У меня разболелась голова. Опасаясь потерять сознание, я отправил статью на принтер и выключил компьютер. Потом забрал распечатку и вышел из библиотеки в холодный, кусачий холод. Забрался в джип и дочитал статью до конца.

Описание маяка и обстоятельства ужасной смерти бедняжки Карен сразили меня наповал.

Мой безопасный мирок разлетелся к чертовой матери.

* * *

На тот случай, если Эндрю Томас все же окажется психопатом, Хорас Бун остановился у телефонной будки – воспользоваться платным телефоном по пути к трейлеру.

Не сразу, но все же он вспомнил номер.

Будка стояла напротив здания, в котором помещался «Фонарь». День был ясным и очень холодным. Бун посмотрел на часы. Время шло к ланчу, но небо оставалось сумрачным, как бывает обычно часов в девять утра. В осознании того, что так будет еще несколько месяцев, было что-то ужасно гнетущее.

– Алло?

– Мама?

Короткая пауза.

– Здравствуй, Хорас.
– Послушай, я знаю, что должен был позвонить раньше. Я...
– Ты где?
– В Канаде.
– Спасибо. Теперь я хотя бы знаю, что ты жив. Передам эту новость твоему отцу.
– Мам, перестань, просто...
– Нет. Ты не звонишь мне два месяца, а теперь делаешь вид, что ничего не случилось.
– Можешь подождать и послушать хотя бы две секунды? В моей жизни кое-что произошло. Говорить пока не могу, но дело очень интересное. Я просто хотел позвонить и сказать, что люблю тебя.
– Ты в опасности?
– Нет. Не думаю. Послушай, мне нужно идти. Скоро еще позвоню. Обещаю.
– Хорас...
Бун повесил трубку и вернулся к «Лендкрузеру», где посидел еще немного за рулем, отгоняя посторонние мысли и еще раз прикидывая, что скажет Эндрю Томасу – похвалит, задаст вопросы, пригрозит.
Он повернул ключ зажигания и покатыл в сторону леса, стараясь не думать о том, что, вполне возможно, и не вернется.

Глава 24

Трясаясь по проселочной дороге к дому, я обнаружил, что стал невероятным трусом. Сидя за рулем, пытался притвориться, что не читал новостей. Оставаться в лесу, жить в стороне от Хейнс-Джанкшн, писать ради удовольствия – и так до конца дней. Такая у меня была мечта. Здесь я и намеревался умереть старым затворником. В прошлом году я был счастлив, впервые с того времени, как Орсон и Лютер отняли у меня мою прежнюю жизнь. В этом лесу мне было хорошо, как дома. Вот уж не думал, что снова испытаю это чувство...

Я свернул в лес.

Злость унялась, но на освободившееся место пробрался страх, вызвавший вереницу образов, забыть которые я старался на протяжении последних лет, а когда за деревьями мелькнул дом, что-то шепнуло на ухо: *один из них жив.*

Нет, не может быть. Я собственными глазами видел, как мой брат

Орсон получил в грудь полный заряд крупной дроби. Видел пустоту в его глазах, видел, как из него вытекала жизнь. Замерзший, он остался на веранде заброшенного в Пустоши дома. Мой брат-близнец умер и никак не мог вернуться.

Остановившись перед домом, я заглушил двигатель и, глядя в никуда через треснувшее ветровое стекло, подумал о Лютере Кайте, вспомнил, как стоял над ним, приставив к груди дробовик, держа палец на двойном спусковом крючке. Но я не выстрелил, не убил его – лишь швырнул дробовик через комнату и оставил Лютера умирать на холодном крыльце, тяжело раненного, в нескольких милях от ближайшего городка и без какого-либо транспорта. *Он не мог выжить. Он уже умирал, когда я ушел. Господи, ты ведь не мог сохранить жизнь этому чудовищу.* И вслед за этим другая, пронзительная, мысль: *что, если мое нежелание спустить курок стоило жизни всем этим людям, в том числе целой семье?* Принять такое объяснение я не мог. Лютер Кайт умер вместе с Орсоном в той заснеженной пустоши в Вайоминге. Убийца Уортингтонов и Карен – кто бы ни оставил этот кровавый след в Северной Каролине – был подражателем. *Моей вины в этом нет.*

Я открыл дверцу и вышел из джипа. Холодный и молчаливый, кругом стоял лес.

Но зачем убивать в Дэвидсоне, через озеро от моего старого дома? – думал я, направляясь к крыльцу. И зачем похищать Бет Лансинг? При мысли о ней весь мой эгоизм испарился, и я впервые подумал, что если она и не мертва уже, то находится во власти маньяка, сумасшедшего.

На середине ступенек из моей груди вырвался всхлип. Я сел и разрыдался так, как не рыдал давным-давно, виня себя за все невзгоды, свалившиеся на эту неудачливую семью. У Лангсингов все было бы хорошо, если б они не встретили меня. Я забрал у них все. Все. И даже теперь, через семь лет после смерти Уолтера, знакомство со мной причиняло им страдания. Не попытаться помочь Бет я не мог.

Я поднялся и вошел в дом, сознавая, что все защитные механизмы мозга пытаются, образно говоря, вырвать вилку из розетки. Из-за боли, терзавшей меня на протяжении этих мрачных лет, я почти превратился в стойка. Слезы стали сюрпризом. Я-то думал, что их во мне уже не осталось...

К тому времени, когда я, закрыв дверь, сел за стол и положил перед собой распечатку новостной заметки, решение было принято. Пришлось признать, что это мог быть только Лютер.

Я подошел к кровати, вытащил из-под нее чемодан и начал собираться.

В поисках конверта с сотенными купюрами я перебирал содержимое нижнего ящика, когда услышал звук автомобиля, приближающегося к дому по подъездной дорожке.

Задвинув ящик, я выпрямился – и замер в полнейшем изумлении. За пять прожитых здесь лет у меня было лишь несколько посетителей, и сейчас я определенно никого не ждал.

Хотя часы показывали лишь три пополудни, солнце уже соскользнуло за пики гор, погрузив лес в зловещие сумерки. Хлопнула дверца. Стоя у окна, я видел, как кто-то поднимается по ступенькам.

В дверь постучали.

Достав из верхнего ящика комода субкомпактный «Глок» калибра.40, я сунул его в карман флисового пуловера и вышел встречать гостя. Едва я открыл дверь, как пламя камина вырвало из сумерек худощавое лицо молодого человека, которого я несколько раз видел в деревне за последние недели, – невысокого паренька с испещренным угрями лицом и утопающего в огромной куртке. При первом же визуальном контакте юнец мгновенно отвел глаза.

– Чем могу помочь? – спросил я.

Он снова посмотрел на меня, пряча за спиной дрожащие руки.

– Мистер Кармайл?

– Да? – За глазами двадцатилетнего парнишки я ощутил испуганную невинность.

– Можно к вам на минутку?

– Зачем?

– Я хотел бы поговорить с вами кое о чем.

В открытую дверь рвался холод, поэтому я отступил в сторону и предложил ему войти.

Остановившись у стола, гость задержал на мне долгий взгляд. Сглотнул. Руки его по-прежнему дрожали.

– Ну? Или мне самому догадываться?

– Что?.. А, нет.

Он прислонился к столу, и тут наши взгляды одновременно остановились на лежавшей лицевой стороной вверх распечатке новостной заметки.

УБИЙСТВО СЕМЬИ СВЯЗАНО С ЭНДРЮ ТОМАСОМ

Он быстро вскинул глаза.

– Меня прислала Джули Эшберн – узнать, сможете ли вы прийти завтра вечером. Клуб керлинга устраивает обед.

Я поднял руки, собрал волосы в хвост.

– Как вас зовут?

– Хорас. Я лишь недавно начал ей помогать. Вроде как мальчик на побегушках. Повезло, что нашел работу.

– Что ж, Хорас, придется вам сказать ей, что сегодня я не смогу.

– О'кей. Ладно. В смысле... – Он еще раз посмотрел на распечатку, потом снова на меня и задыхался часто-часто. – Я так ей и передам. Сказать, что вы уезжаете в отпуск? Что поэтому не можете?

Я молча посмотрел на него, потом сунул руки в карманы, коснулся холодной стали пистолета и постарался убедить себя не поддаваться паранойе. *Парень ничего не подозревает. Ведет себя странно, потому что и сам чудак. В мире полным-полно чудаков. Не более того. Он не знает, кто я на самом деле.*

– Я потому про отпуск сказал, – продолжал Хорас, – что заметил у вас там... на этой штуке... чемодан.

– Да, собираюсь ненадолго уехать.

– Хорошо, да, тогда я так и скажу Джули. – Не удержавшись, гость в третий раз посмотрел на распечатку.

– Возьмите ее собой, – предложил я. – Мне она уже не нужна. Сумасшествие какое-то, да?

– Да. Прямо-таки... ух. Ладно... э... я передам Джули. – Хорас взял со стола распечатку. – Извините за беспокойство.

Глядя вслед гостю, который уже открыл переднюю дверь, я понял, что стал самым настоящим параноиком. Юнец вышел в предвечерние сумерки, а я задержался у порога, наблюдая за тем, как он забирается в «Лендкрузер» и уезжает по узкой дороге. Звук мотора растворился в тишине леса, оставив после себя лишь шепот ветра в елях.

Я вернулся в дом и занялся укладкой чемодана, размышляя о том, как найти Лютера Кайта в большом-большом мире.

* * *

Возвращаясь домой сквозь холод юконских сумерек, Хорас Бун едва сдерживал переполнявшую его радость. Прочитав рукопись Эндрю Томаса «Пустошь», он хорошо понимал, что сейчас происходит. Если писатель говорит правду, получается, что Лютер Кайт выжил тогда, в Пустоши, и

теперь мстит, а сам Эндрю намерен его найти. И Хорас – пусть даже на это уйдут все его сбережения – намеревался последовать за своим героем.

О такой истории можно было только мечтать.

* * *

До Уайтхорса, к востоку, 158 километров. Оттуда я улечу в Ванкувер, а из Ванкувера – в Америку. В хранилище, в Ландере, штат Вайоминг, находились вещи, которые могли помочь найти Лютера Кайта: дневники моего брата – со стихами, фотографиями и записями о его и Лютера похождениях. Все эти вещи я положил в хранилище семь лет назад, после бегства из дома Орсона, потому что некоторые документы возлагали вину на меня.

И вот теперь что-то подсказывало, что там, в тех записях, я найду указание, как отыскать Лютера. Где-то в записках Орсона упоминалось, что детство Лютера прошло на каком-то острове.

Что-то хрустнуло вдалеке. Этот звук я знал.

В первую осень в Юконе я проснулся однажды среди ночи, напуганный загадочным хрустом в лесу. Уснуть не получалось. Я оделся, вышел, прокрался между деревьями и оказался неподалеку от замерзшего озера, лед которого бил копытом сохатый. В конце концов усилия увенчались успехом, и лось уткнулся мордой в студеную воду.

Услышав теперь тот же звук, я воспринял его как своего рода прощание, которое могло вывести меня из равновесия. Но слез во мне не осталось, они все уже пролились, и я существовал в состоянии шока. Шока от того, что я добровольно покидаю тихую бухту и поднимаю паруса, чтобы вернуться в безумие. Неуверенность и беспокойство за судьбу Бет Лансинг и свою собственную не отпускали меня. Лежа в постели и наблюдая за игрой тени и света на балках моего любимого дома, я не мог отделаться от предчувствия, что уже никогда больше не увижу это место.

Глава 25

Рано утром в пятницу Ви въехала на подъездную дорожку своего нового дома и выключила двигатель. Дальнее левое окно на фасаде уже светилось, и за опущенными наполовину жалюзи виднелся ее поднимающийся с кровати муж. Вайолет вышла, захлопнула дверцу, села

на задний бампер «Чероки» и посмотрела на часы. Без одной минуты пять – получалось, что она бодрствовала уже сорок шесть часов.

Приближался рассвет. Ви окинула взглядом безлесный участок, притихший и замерший в ранний час. Из-за поля, с проходящей в полутора милях и скрытой за полоской сосен федеральной автострады, доносился приглушенный, неумолчный гул. В жизни Аркадия-Эйкрс не было мгновения, когда бы шоссе умолкало. Но Вайолет этот шум даже нравился – странным образом он успокаивал и утешал. Сама заурядность этого квартала вызывала у нее особое, теплое чувство. Оглядывая Бриар-лейн, она видела не однообразные дешевые дома, а себя и Макса, честным трудом зарабатывающих на жизнь. Выросшая не благодаря, а вопреки, Ви стремилась к простым целям: иметь семью, уютный дом, ездить в отпусках в Гетлинберг и Мертл-Бич, найти себя в местном сообществе, в своей церкви, на своем участке.

В холодной туманной тишине Аркадия-Эйкрс она размышляла о том, чем благословила ее жизнь. После осмотра места преступления Ви, как никогда, требовались покой и поддержка.

Направляясь к передней двери, она собрала вместе всё – сломанные шеи Бена и Хэнка Уортингтонов, выпотрошенные животы их родителей, шок Дженны Лансинг – и затолкала в непроницаемую для чувств нишу, которую создала и о содержании которой сама же заботилась. Это и было самым трудным: войти в теплый, уютный дом после тридцати пяти часов в аду. Само существование таких несоответствий представлялось ей невыносимым и вызывало вопрос: *что же здесь иллюзия?*

Муж, когда она вошла, стоял в передней, в трусах. Аромат свежемолотых кофейных зерен обволок ее, и Макс, едва только закрылась дверь, шагнул к ней с раскрытыми объятьями. Но Ви положила руку ему на грудь и покачала головой:

– Это во всех новостях.

Она прошла мимо него и повернула налево, в коридор, все еще заставленный закрытыми коробками.

– Не хочешь поговорить, милая? – спросил он ей вслед.

Войдя в спальню, Вайолет положила на комод сумочку и опустилась на громадную водяную кровать, размеры которой лишь ненамного уступали размерам самой спальни.

Глаза закрылись. Она вполне могла бы уснуть сидя.

Когда Ви открыла глаза, Макс стоял перед ней на коленях и, сняв туфли, массировал ей ступни. Потом расстегнул ее лавандовый жакет, взял его за манжеты и попросил развести руки. Она снова закрыла глаза и развела руки в стороны. Макс стащил жакет и бросил его в угол комнаты, а пока возился с пуговицами блузки, Ви снова отрубилась. Он еще раз сказал ей развести руки и встать. Расстегнул «молнию» и крючки на юбке, которая соскользнула на пол. Стянул вниз и стащил колготки. Достал из ящика комода мягкую серую футболку. Расстегнул бюстгальтер и тоже швырнул его в угол, где уже собралась кучка одежды.

– Руки вверх.

Макс натянул на нее футболку, откинул одеяло и помог ей положить на кровать ноги. Она не брила их два дня, и теперь они напоминали на ощупь ультрамелкую наждачную бумагу.

– Попить? Что-нибудь нужно?

– Нет, – прошептала Вайолет из последних сил.

– Почему не хочешь поговорить?

– Потому что устала и не могу даже думать. Всё, Макс, хватит.

Сидя на краю кровати, муж гладил ее по волосам, пока она не уснула.

* * *

Когда Ви проснулась, снова было темно. Первым, что она увидела, был деревянный крест на стене у двери – единственное украшение, появившееся в комнате после того, как они переехали на прошлой неделе. Ее отец сам вырезал крест из ветви дуба и подарил ей три года назад на Рождество.

В кухне орудовал Макс. Звякали кастрюли, а из коридора в спальню проникал теплый аромат свежее выпеченного хлеба.

Ви сползла с кровати и добралась до соседней со спальней крохотной ванной, где избавилась от футболки и трусиков и включила душ. Она сидела в ванне, а вода падала ей на голову и, разделившись на горячие потоки, стекала вниз, следуя контурам тела.

Ни о чем не думая, Ви тупо наблюдала за кружащимся водоворотом и встала только тогда, когда вода начала остывать.

* * *

Выйдя из ванной, завернувшись в полотенце, Вайолет увидела, что Макс лежит на кровати. В обычных обстоятельствах она попросила бы его выйти из спальни и подождать, пока она оденется. За неделю до свадьбы мать посоветовала ей никогда не одеваться в присутствии мужа, чтобы Макс не привык принимать красоты супруги как нечто само собой разумеющееся.

Сбросив полотенце, Ви натянула синие спортивные брюки и стартую, еще со школы, нижнюю рубашку.

– Я приготовил обед, – сказал Макс, пока она сушила волосы. – И испек ирландский содовый хлеб, как ты любишь.

Ви бросила полотенце в ванную, забралась на кровать и легла на спину рядом с Максом, но не касаясь его. На нем был все тот же синий спортивный костюм, в котором он ходил на тренировку и который сохранил запах пота и холодной свежести. Черные курчавые волосы сплелись в упругие завитки.

Макс сел.

– Принесу-ка я твой обед сюда.

– Полежи со мной.

Муж снова лег. Некоторое время они лежали неподвижно, не разговаривая.

– Я беседовала с той девочкой, – негромко, почти шепотом сказала наконец Ви, глядя в потолок. – Ей тринадцать, зовут Дженна. Хочет быть пловчихой и выступить на Олимпийских играх. Четыре дня назад, посреди ночи, у нее на глазах какой-то мужчина с длинными черными волосами избил ее мать до потери сознания. Перед этим тот же мужчина побывал у их соседей, где сломал шею двум мальчикам и убил их родителей. Пока мать лежала без сознания в коридоре, этот монстр вломился в спальню Дженны. Она спряталась в шкафу. Он открыл дверцу и приказал ей лечь в постель. Говорил, по словам девочки, спокойно и тихо. И был весь покрыт кровью. Дженна думает, кровью ее матери.

Она легла на кровать. Думала, он изнасилует ее и убьет. И знаешь, что он сделал? Подоткнул одеяло. Подтянул до шеи. Его лицо было в считанных дюймах от ее лица. От него пахло лимоном. Он сказал, что заберет ее мать с собой. Сказал очень мягко. Потом добавил, что утопит девочку в ванне, если она поднимется до рассвета. От Дженны он отправился к ее брату и поговорил с ним. Она оставалась в постели до рассвета. А когда вышла в коридор, ее матери уже не было. Дженна рассказала мне все это, сидя в «Чероки». Она не плакала, но очень беспокоилась о брате. Тот ни с кем не разговаривал. Их отца убил Эндрю Томас. Теперь и мать, возможно, мертва.

И мы, может статься, никогда не схватим этого парня.

– Но ты же знаешь, что это Эндрю Томас. Кто еще мог столкнуть его бывшую подружку с маяка?

– Конечно, мы подозреваем его, но улики пока нет. Описание внешности преступника, которое дала Дженна, не совпадает с описанием внешности Эндрю Томаса. На заднем дворе Уортингтонов есть слабый отпечаток обуви. Есть показания, согласно которым во второй половине дня в воскресенье там видели серую «Импалу». Единственная дающая надежду улика – лазерная указка, которую держал в правом кулаке Бен Уортингтон. Криминалисты сняли частичный отпечаток, которые сейчас проверяют. Это наша единственная надежда. И даже если окажется, что отпечаток принадлежит Эндрю Томасу, его еще надо найти. До сих пор ему удавалось скрываться – целых семь лет.

– Ты же сможешь от этого отвлечься? Сколько еще мне ждать свою жену? Я ведь без тебя и неделю не протяну.

– Послушай, Макс, он убил целую семью. Детей, понимаешь? Зверски изрезал родителей. Еще до того, как мы поженились, месячные у меня начинались ровно через двадцать восемь дней, между двумя и пятью пополудни. Мое тело – атомные часы; а теперь опоздание уже на два дня. Такого не было, даже когда дедушка умер.

Макс перекатился на Ви, сжал ее лицо ладонями.

– Знаю, чем тебя отвлечь, – прошептал он, целуя ее над бровями. – Хочешь поиграть?

Его длинное, поджарое тело спортсмена прекрасно устроилось между ее ног. Она ощущала его растущее желание и сама чувствовала то же, но не думать о резне в доме Уортингтонов не могла.

– Не могу избавиться от запаха. Стоит в носу. Как ты можешь...

Макс стащил с нее спортивные брюки, приник губами к бедру, а потом медленно двинулся вверх.

– Ты просто скажи, когда остановиться, и я схожу за твоим обедом.

Он снова заработал языком. Она не стала его останавливать.

Глава 26

На Хэллоуин я прилетел в Рок-Спрингс, штат Вайоминг, взял напрокат машину и к закату уже гнал на север по шоссе 191, все дальше и дальше в бесконечную унылость пустынной равнины. Уже в сумерках свернул к заброшенной автозаправке в Фарсоне, где 191-е пересекается с 28-м,

которое бежит на северо-восток вокруг южной оконечности гор Уинд-Ривер, в семидесяти милях от городка Ландер, моего конечного пункта назначения. Выйдя из машины, я прошел по разбитому дорожному покрытию до середины шоссе 191 и бросил взгляд на север и запад, туда, где краснел вечерний закат.

Цел ли еще дом моего брата? Стоит ли он там, посредине этой Пустоши? Проехав миль тридцать на север, я вообразил, что уже чувствую его мрачное присутствие на горизонте, пробуждающее воспоминания, признавать которые я не хотел. Ветер унялся, автострада была пустынна. Тишина и безлюдье, в полном созвучии с настроением, тяготили дух.

На высоте 7500 футов я поднялся на Южный перевал. Слева, в окне, открылись лавандовые предгорья. Я сглотнул, чтобы не закладывало уши. Шоссе постепенно уходило вниз. Коричневый дорожный знак извещал, что я въехал в страну медведей гризли.

Взошедшая луна осветила холмы.

* * *

Я проехал через центр Ландера, городка, служащего в летние месяцы своего рода воротами к восточной стороне хребта Уинд-Ривер. Но сейчас хребет был занесен снегом и неприступен, а потому большая часть мелких заведений закрылась на зиму, и улицы Ландера выглядели заброшенными и безжизненными.

Склад индивидуального хранения компании «Броули» находился чуть в стороне от шоссе 287, в двух милях к северу от города. Я подъехал к воротам в начале девятого и набрал код доступа на панели. На территории было темно и пусто. Ворота закрылись за моей спиной, и я вспомнил, как приезжал сюда в последний раз, семь лет назад, после бегства из дома Орсона. Я был тогда в состоянии страха и шока и не надеялся пережить Рождество. Жизнь моя казалась во всех мыслимых отношениях законченной, и в изорванных тканях души уже звучали соблазнительные шепотки самоуничтожения.

Минут пять я ездил между рядами хранилищ, пока не заметил свое, и, остановившись, вышел. Заметно похолодало. Луна все еще карабкалась вверх, и на далеких вершинах поблескивали снежные поля. Я открыл дверь и шагнул в коридор с небольшими камерами хранения. Моя камера, размером 3 на 4, находилась в нижнем ряду. Место было арендовано на девять лет за 1200 долларов.

Опустившись на колени, я снял висячий замок и потянул дверцу.

В воздух поднялась пыль.

Я закашлялся.

Верхнего света в коридоре и лунного, проникающего снаружи, не хватало для адекватного освещения. Я вытащил из камеры грязный чемодан, вынес его из хранилища и поставил на капот «Бьюика». Расстегнул замки.

Что-то ужасное заключалось в этих оставшихся от Орсона артефактах. Сидя на капоте, я достал из тайника картонную папку и блокнот. Чего бы это мне ни стоило, я намеревался просмотреть все фотографии и прочитать все написанное, погрузиться в извращенный мир моего брата, чтобы узнать как можно больше о его сообщнике, Лютере Кайте, и, возможно, понять, где его искать.

Глава 27

Стартовый пистолет выстрелил ровно в тот момент, когда Ви открыла заднюю дверцу «Чероки» и взяла сложенное одеяло, которое всегда приносила на соревнования по бегу по пересеченной местности с участием Макса. Она прошла по тропинке к линии старта/финиша, поглядывая сквозь рощицу высоких сосен макандерсонского парка на бегунов, уже штурмовавших первый холм на маршруте протяженностью 3,1 мили.

Был первый понедельник ноября, умеренно прохладный день под ясным синим небом. Листья еще неделю назад прошли пик красоты: багряный цвет сменился багровым, золотой – красно-коричневым. В воздухе стоял запах сосновых иголок и выхлопных газов от шести желтых автобусов, доставивших для участия в соревновании шесть команд.

Пройдя по пешеходному мостику, Ви направилась к собравшемуся у старта кружку людей в синей с белым форме. Макс, в спортивных шортах и майке, стоял среди восьми худощавых, долговязых парней, подбадривая их перед последним стартом сезона. Утром, бреясь в ванной, он разбудил Ви своей вдохновляющей речью.

Сбросив туфли и расстелив на траве одеяло, она с интересом слушала мужа, заинтригованная его горячностью.

– Сегодня, джентльмены, у нас особенный день. Каждый из вас имеет возможность вписать славную страницу в историю нашей школы. Знаю, мы не числимся в фаворитах; вы считаете «Рейдеров» потрясающей командой – и это так, – но в чемпионате случиться может всякое. Что самое главное?

Кто скажет?

– Словить кайф? – спросил низенький паренек.

– Есть такое дело. Но кроме кайфа что еще?

– Дыхание, – сказал Патрик Маллинс, старший сын сержанта Барри Маллинса и истинный спортсмен. В следующем году он собирался продолжить обучение в Дэвидсоне, и его уже ждала спортивная стипендия.

– Точно, – подтвердил Макс. – Дышите, джентльмены. Это главное, о чем вам нужно думать. Наполняйте легкие восхитительным кислородом. До старта еще тридцать минут. Разомнитесь. Согрейтесь.

Мальчишки потянулись в сторону от стартовой линии, а Макс, повернувшись, побежал к Ви:

– Пришла все-таки...

– Не могла пропустить.

Это было так, да не совсем так. Ви не пришла бы, если б сержант Маллинс не прислал сообщение с предложением встретиться на соревнованиях, чтобы «обсудить дела».

– Ты так вкусно выглядишь, милый... Смотри только, хозяйство не растеряй – уж больно шортики короткие.

– Вайолет Кинг, приглядывайте лучше за этими губками, – ухмыльнулся Макс и, наклонившись, поцеловал ее, после чего потрусил к мостику, туда, где собралась его команда.

Не успела Ви проводить мужа взглядом, как ее окликнули:

– Вайолет! Здравствуй, моя дорогая. Как ты?

Она оглянулась – от судейского столика к ней спешила Джуди Хардин, большая любительница поболтать и мама Джоша Хардина, члена школьной команды и самого быстрого, не считая Патрика, бегуна. Ви поднялась и шагнула на траву, а в следующее мгновение оказалась в крепких объятиях высокой рыжеволосой Джуди.

Спортивный джемпер болельщицы украшала вышитая крупными буквами надпись «МУРСВИЛЛСКАЯ МАМА», а на обеих щеках сверкал ярко-голубой призыв: «Вперед, Голубые Дьяволы!»

– Наконец-то ты пожаловала на соревнования. Для «Голубых Дьяволов» сегодня большой день, а?

– Да уж. Знаешь, Макс...

– Джош сегодня почти не спал. У него сегодня отличные шансы попасть в сборную лучших бегунов. Мне только об этом все и говорят. Я так за него переживаю, так переживаю... как будто это мне бежать, понимаешь? С ума сойти, да?

– Да, нервы они нам...

– Ты так чудно выглядишь в этом костюмчике! – Джуди ухватила манжет черного блейзера Ви и потеряла ткань между пальцами. – Это что же, официальная форма?

– Нет, что ты! Просто...

– Признайся, разве это не взрыв мозга, что ты преследуешь Эндрю Томаса? Кто бы только мог подумать, что ты, малышка Вайолет, будешь замешана в дела этого чудовища! Боже мой, я ведь учила тебя в воскресной школе... Ты еще прославишься на всю страну, когда это закончится. Будешь писать книгу или сниматься в кино, не забудь и меня!

– Вообще-то, Джуди, я ни о чем таком и не думаю.

– В новостях тебя теперь каждый вечер показывают. Говорить не дают, но постоянно показывают возле дома той несчастной семьи. – Джуди подмигнула и толкнула Вайолет локтем в бок: – Не поделишься секретной информацией?.. Да шучу я! А ты что подумала? Ха-ха! Знаю, детали дела не разглашаются! Не такая уж я наивная!

Ви увидела идущего в их сторону Барри Маллинса. «Ну, шагай же побыстрее», – взмолилась она про себя.

– Джуди, извини, мне нужно...

– У Макса так хорошо получается с мальчишками... Джош признался мне недавно, что «Коуч Кинг» – так они его называют – нравится ему куда больше, чем тот чудак, что тренировал команду в прошлом году.

– Здравствуйте, дамы, – громко приветствовал их сержант. Пожалуй, впервые Ви испытала облегчение при встрече с боссом. – Извините, что вмешиваюсь в ваш разговор, но, Джуди, мне нужно поговорить с Вайолет с глазу на глаз.

– Угу. Перетереть детали большого дела, да?

Маллинс только улыбнулся. Ви тоже улыбнулась. И лишь у Джуди улыбка скисла, обратившись в досаду. Повернувшись, она направилась к судейскому столику.

– Пойдем, Викинг, прогуляемся.

Сержант и следователь зашагали по траве подальше от линии старта.

Лидеры чемпионата среди девушек заканчивали первую милю дистанции, и Ви слышала, как кто-то объявляет время каждой бегуни.

Маллинс по-родительски взял спутницу за локоток.

– Только что разговаривал с Брэдли. Получили ответ от АСРОПа^[6] по тому частичному отпечатку на лазерной указке. Есть совпадение.

– Не может быть!

– Некий Лютер Кайт. Белый мужчина. Тридцать два года. Последний известный адрес – дом родителей, Килл-Девил-роуд, тринадцать, Окраоук,

Северная Каролина. Бывала в Окраоуке?

– Никак нет, сэр.

– Ну вот, завтра выезжаем.

– Выезжаем?

– Так точно, мэм.

– Тогда я добуду ордер на обыск. Это к тому, что открыть дело можно даже на основании отпечатка. Потом покажем Дженне и Джону Дэвиду Лансингам фотографию из АСРОПа. Возможно, проведем идентификацию. Если получится, то уже будет на чем строить дело.

– Полегче, Викинг. Пока что мы хотим всего лишь поговорить с родителями. Насколько нам известно, они уже несколько лет не видели своего сына. Что нам точно не нужно, так это вламываться в дом с полицейским спецназом и разносить там все в щепки. После такого ни на какую помощь от них можно уже не рассчитывать.

Мимо них пробежала девушка с покрасневшимся лицом из команды Мурсвилла. Ви улыбнулась.

– Отличная работа! – подбодрила она.

– Ты как, держишься? – спросил сержант, чем застал ее врасплох. Никогда прежде ничего похожего на заботу от Маллинса не исходило. Все те два с половиной года, что Вайолет работала в Отделе уголовных расследований, он постоянно сохранял суровое непроницаемое выражение. И вот теперь этот намек на доброту тронул ее настолько, что она остановилась и посмотрела на него:

– Я в порядке, сэр. Спасибо.

Поглаживая густые темные усы, сержант взглянул на нее сверху вниз, и ей показалось, что в его глазах мелькнуло сомнение.

– Хотите забрать у меня дело, да? Думаете, что я не...

– Викинг, я бы не забрал у тебя дело, даже если б ты попросила меня об этом. Только позаботься, чтобы я не пожалел, что позволил заниматься этим женщине.

Сержант Маллинс зашагал прочь, а Ви осталась смотреть соревнование.

На другой стороне ручья Мак проводил с командой разминку, выполняя упражнение «прыгающий Джек».

У одного из спортсменов свело судорогой ногу, и он, кривясь от боли, со слезами на глазах, проковылял мимо.

Вообще-то Ви хотела, чтобы сержант Маллинс поручил расследование кому-то другому, и теперь ее лицо горело от презрения к себе и стыда.

Глава 28

Просматривая картонную папку с надписью «ПРОТОКОЛЫ», я наткнулся наконец на цепочку коротких записей.

Часы показывали половину второго ночи, и глаза болели от напряжения. Луна висела над головой, и я, приткнувшись к холодному ветровому стеклу, приступил к чтению каракулей Орсона.

Вудсайд, Вермонт, 1 ноября 1992

Всю вторую половину дня просидел в пабе, читал документы, самые жуткие из всех, оценивать которые мне выпало несчастье (кофе сегодня лучше). Основное внимание уделено гладиаторам. Много любопытных подробностей казней. Исследована тема хорошо. Автор досконально изучил предмет. Хмм. Дал ему С+, потому что, чего уж там, дерьмо все равно остается дерьмом.

Вудсайд, Вермонт, 6 ноября 1992

Зашел сегодня к нашему эксперту по казням. Больше не буду. Он покраснел, мне не отвечал, даже не смотрел. На выходе из класса остановил его, извинился, что поставил в неловкое положение. Странный парнишка. Спросил, любит ли он пиво. Он ответил, что нет, не любит. Кофе? Нет. В конце концов спросил напрямик, что же, черт возьми, он любит. Мальчишка застенчиво улыбнулся и сказал, что любит блинчики. Завтра пойдем на блинчики.

Вудсайд, Вермонт, 7 ноября, 1992

Встретился сегодня с тем пареньком, Лютером, в закусочной «Шамплейн». Взяли завтрак на обед. Думаю, он отнесся ко мне с подозрением – мол, с чего это кому-то встречаться с ним вне школы. В первые двадцать минут я довел его до слез вопросами, типа, откуда он, где живет в Вудсайте, нравится ли ему в школе. Бедняга измучился так, что пришлось упомянуть, как мне понравилась его семестровая работа. Это его немного успокоило. Начал расспрашивать про гладиаторские бои, Калигулу. Рассказал ему про свою работу, поделился кое-какими своими теориями. На него это произвело сильное впечатление. Мы ждали официантку с чеком, когда эта женщина прошла мимо нашего столика. Настоящая красotka. Я наблюдал за тем, как Лютер смотрит ей вслед, и увидел... Описать это словами трудно. Скажу так, я почувствовал в нем что-то за те три секунды, пока он следовал взглядом за этой вудсайдской прелестницей. Когда Лютер снова повернулся ко мне, я не удержался от улыбки. В его черных глазах появилось что-то... змеиное. Мне показалось,

что парень хочет в чем-то признаться, но он только покраснел.

Подойдет.

Вудсайд, Вермонт, 9 декабря 1992

Последний день занятий. С мистером Кайтом не разговаривал, наверное, с месяц. После занятий сказал, что буду ждать встречи с ним в следующем семестре. Он ответил, что не вернется. Исключен за неуспеваемость. Снова тот же стеснительный, робкий паренек. Взял его домашний адрес. Может быть, следующим летом возьму его с собой в Пустошь.

Остров Окраоук, Северная Каролина, 11 июня 1993

Два дня следил за ЛК, ездил за ним по острову. Забавно! Парень живет с родителями в старом каменном доме у залива. Прошлым вечером, в половине одиннадцатого, ходил на прогулку. Один. Если пойдет сегодня, я его возьму.

Глава 29

В Суон-Куортер Ви успела попасть на последний паром. Едва судно отвалило от пристани, как она, прихватив буханку несвежего хлеба, взяла который предложил Макс, вышла из «Чероки» и направилась к корме, где расположилась стайка крикливых чаек. Вскоре причал и деревянные пилоны скрылись из виду, и Ви отщипнула кусок хлеба. И тут же, как только она протянула руку, жирная птица спикировала вниз и схватила клювом ее подношение.

Подкармливая чаек и глядя на превращающуюся в зеленую полосу береговую равнину Северной Каролины, Вайолет благодарила Бога за любимых людей: молилась за Макса, за своих родителей, за данную ей силу и, наконец, за выздоровление сержанта.

Накануне, после победы в чемпионате по бегу по пересеченной местности, Барри Маллинс взял своего сына, Патрика, на барбекю. А уже сегодня утром оба оказались в больнице с пищевым отравлением, так что беседовать с Кайтами ей предстояло одной, без поддержки.

Какой-то маленький мальчик подошел и остановился рядом. Ви спросила, не хочет ли он покормить чаек. Мальчик кивнул, и она дала ему кусок хлеба.

– Поднимай руку и держи его вот так. Они будут прилетать и хватать.

Мальчик поднял заплесневевший ломоть и ахнул, когда его сцапала

слетевшая с неба чайка. Он посмотрел на Ви и улыбнулся. Она отдала ему то, что осталось, и направилась на нос парома.

Приближались сумерки, и материк был уже не виден. Восточнее серой зыбью уходил в горизонт залив Памлико, и ничто не указывало на лежащие впереди барьерные острова.

Ви снова подумала о женщине, повешенной на маяке острова Боди. Ужасная картина не выходила из головы весь день благодаря попавшей ей на глаза безвкусной фотографии на первой странице какого-то таблоида. Интересно, меняет ли что-то молитва за умершего?

Крепко ухватившись за поручень, она смотрела на убегающую под паром воду.

Стук двигателя, крики чаек, соленый запах залива. Решив, что молитва имеет и обратную силу, Вайолет закрыла глаза и в пятый раз помолилась за то, чтобы повешенная женщина не страдала.

Солнце опустилось в залив.

Ви посмотрела на часы – паром был в пути уже более двух часов. До деревни оставалось недолго. Без солнца небо и вода утратили все краски, кроме серой, тона мокрого сланца. Она постаралась представить рядом с собой Макса или даже Маллинса. Сейчас компания сержанта была бы отнюдь не лишней. «Все шло хорошо, пока не село солнце. В детстве, когда мне было десять и меня оставляли с бабушкой и дедушкой, тоска по дому приходила с темнотой, и тогда я плакала, звонила папе и просила его приехать, а он отвечал, что не приедет и что утром все будет хорошо».

На востоке мигнул свет – маяк Окраоука.

Ви повернулась и направилась к джипу.

В портфеле на заднем сиденье лежали фотографии – бородатого, лысого, располневшего, похудевшего, с усами и гладко выбритого Лютера Кайта и Эндрю Томаса.

Глава 30

Одна из стюардесс на рейсе в Шарлотт была уроженкой Северной Каролины, и ее характерный диалект тронул меня до слез. Истинно южный акцент, с нарочитой медлительностью и растянутостью гласных, я не слышал несколько лет. Это совсем не та гнусавость трахающей овечек деревенщины, которую пытается изобразить Голливуд. Подлинный северокаролинский акцент мягок и приятен, а для того, кто не слышал его семь лет, он звучит как возвращение домой.

Самолет совершил посадку в Международном аэропорту Шарлотт-Дуглас за несколько минут до полуночи, а в час ночи вторника я уже мчался на север во взятом напрокат «Ауди» по пустынной автостраде I-77. Никакой ностальгии я, вопреки ожиданиям, не испытывал, как не чувствовал вообще ничего, кроме жжения в желудке, где после отъезда из Хейнс-Джанкшн проснулась язва.

На съезде 28 я свернул с федеральной трассы и покатыл по знакомым дорогам в направлении озера Норман. Вскоре за деревьями замелькала вода. Увидев наконец вдалеке свой почтовый ящик и высокие сосны, выстроившиеся, словно стражи, вдоль старой подъездной дороги, я съехал на обочину, выключил двигатель и зашагал по Лоблолли-лейн к почтовому ящику. Моя гравийная дорога была вымощена на всем протяжении, и в конце ее, в двух сотнях ярдов от начала, стояли, отражая теплый свет фонаря мягким блеском хрома, несколько автомобилей. Интересно, кому хватило дерзости поселиться в доме предполагаемого серийного убийцы? Как им спится по ночам? Неужели им не приходит в голову, что Эндрю Томас может однажды вернуться? Я мог бы поклясться, что мой дом достался им по дешевке.

Я пробежал по дорожке, но потом опомнился и остановился. Стоя на ровном покрытии, вдохнул запах сосен и вспомнил, как десять лет назад, в декабре, шел здесь с Бет и Уолтером, расставляя по пути рождественские бумажные фонарики.

Часть меня, глядя на мой старый дом, думала: *К черту его. Я теперь не тот, что был.* Но другая половина хотела подняться на крыльцо, снова увидеть озеро Норман и голубой свет на воде в конце причала Уолтера Лансинга; хотела просто прогуляться по Лоблолли-лейн и подняться по лестнице в старую спальню, чтобы утром, может быть, снова быть тем писателем и вернуть свое настоящее имя. Чтобы мать и Уолтер были живы, а события семилетней давности обернулись сюжетом последнего романа, и не более того. Эта половина хотела ощутить себя, пусть ненадолго, Эндрю Томасом, Почти-Знаменитым-Писателем, вернуться в то время, когда имя было самым лучшим из того, чем он владел.

* * *

Утром я проехал по автостраде I-40 через Роли, потом по шоссе 64 в восточную часть Северной Каролины и, наконец, промчался по береговой равнине через небольшие города – Тарборо, Плимут и Скапперонг. На

закате пересек реку Аллигатор и заливы Кроатан и Роанок. К востоку побережье раскисло, превратившись в череду растворяющихся в океане топей и болот. Шоссе закончилось у Внешних отмелей^[7] в городке Уэйлбоун, откуда я мельком увидел выступающий из-за сосен маяк острова Боди. Записи в дневнике Орсона и тот факт, что мою бывшую любовницу нашли повешенной на маяке, окончательно избавили меня от сомнений в том, что здесь орудует Лютер Кайт. Свернув на шоссе 12, я проехал семьдесят миль на юг – через Роданте, Литл-Киннакит, Бакстон и Хаттерас-Виллидж.

В девять вечера я прошел на паром, идущий к острову Окраоук, а когда лопасти винтов взбурлили воду, встал у правого борта.

Бывать на Окраоуке мне еще не доводилось. В брошюре, которая попала мне в руки на заправке в Бакстоне, говорилось, что это пустынный остров длиной в шестнадцать миль и шириной до полумили. В деревне на южной его оконечности проживает семьсот человек. В брошюре хвастливо утверждалось, что это самое привлекательное поселение на всех Внешних отмелях.

Паром пересекал бухту Хаттерас, когда мне в голову пришла тревожная мысль и вместе с ней полное осознание того, что я делаю. Принимая во внимание открытый, показатель характер расправы над Карен, я вдруг подумал: «Что, если мое появление на Внешних отмелях – совсем не сюрприз для Лютера, а именно то, что ему нужно от меня? Что, если все эти убийства – послание, адресованное мне? Что, если они – приманка?»

Паром приближался к острову. Холодный и соленый, с моря дул ветер. Прислонясь к поручням, я вглядывался во тьму.

Окраоук

Глава 31

В среду, в шесть часов утра, на третьем этаже мини-отеля «Харпер касл», Вайолет склонилась над унитазом в своем номере, пережидая очередной приступ тошноты. Через пятнадцать минут, в течение которых ее сотрясали сухие позывы, она вернулась в постель и проспала до десяти.

Снова проснувшись, Ви обнаружила, что ей полегало. Повернувшись на левый бок, она уставилась в окно на бухту, вокруг которой строилась деревня Окраоук. Облачное, безветренное утро навевало меланхолию, и бухта Силвер-Лейк застыла в поистине сверхъестественной неподвижности.

Подтягивая черные колготки, Вайолет обратила внимание на жизнерадостный декор крошечной комнаты: выполненная в пастельных тонах картина с изображением пятимачтовой шхуны среди бурного моря – над спинкой кровати, коралловые обои с плоскими морскими ежами. Макс здесь понравилось бы, подумала она, кладя в сумочку маленький магнитофон и прилаживая плечевую кобуру со «Смит-и-Вессоном» калибра.45. Кожаную кобуру ей подарил Макс – на Валентинов день в прошлом феврале.

В ванной Ви привела себя в порядок: подрумянила щеки, перетянула волосы фиолетовым замшевым ободком – в тон костюму. Потом повесила сумочку на плечо и направилась вниз – через деревянный «замок», по дубовому полу, между кипарисовых стен – в столовую, соблазненная обещанием бесплатного континентального завтрака.

Буфет, похоже, подвергся серьезному набегу. Ви взяла один из трех оставшихся маффинов с отрубями и стакан клюквенного сока. Не считая старичка, дремавшего с открытым ртом и зажатой в руке местной газетой «Окраоук обсервер», в столовой никого не было.

Вайолет села у окна, откуда открывался вид на небольшую бухту с древними причалами. На противоположной стороне паром «Суон куортер» пробирался через узкое горлышко в открытые воды залива Памлико, держа курс на материк с грузом отбывающих туристов.

Ви посмотрела на часы – 10:50. У Макса перерыв. Она достала сотовый и набрала номер, а попав на голосовую почту, оставила короткое сообщение: «Привет, малыш. Простая проверка. Готовлюсь к встрече с

Кайтами. Надеюсь, у тебя все хорошо. Позвоню попозже. Люблю».

Снаружи «Харпер касл» выглядит по-детски причудливым – остроконечная крыша, асимметричное правое крыло и внушительный фасад с семью мансардными окнами. Глядя из окна «Чероки» на купол четвертого этажа, пентхаус этого оригинального заведения, она на секунду задумалась: интересно, во сколько обойдется проведенная там ночь? Может быть, ей удастся убедить Макса приехать сюда на их годовщину в следующем июне. Здесь столько такого, что хотелось бы посмотреть: маяк, Британское кладбище, остров Портсмут, пони-банкеры...

Ви свернула на Силвер-Лейк-драйв, дорогу, окружавшую бухту. Путеводитель предупреждал о дорожных «пробках» в деревне в летние месяцы, но сейчас, этим хмурым ноябрьским утром, деревня на все сто процентов оправдывала свою репутацию самого уединенного поселения на всем побережье Северной Каролины.

На углу Силвер-Лейк и шоссе 12 какой-то мужчина продавал с платформы грузовичка морские ракушки – по пять долларов за штуку. Ви подъехала бы и купила одну, но ее уже глодало чувство вины за то, что встала так поздно. К тому же сержант Маллинс ждал к вечеру ее отчет.

Хотя ширина острова Окраоук не превышает полторы мили, Ви понадобилось тридцать пять минут, чтобы найти почтовый ящик Руфуса и Максина Кайта. Увидеть дом из тупика Килл-Девил-роуд было невозможно, а заросшая травой частная дорога растянулась на сотню ярдов через дубовую рощу.

«Чероки» катил по узкому съезду, бородастый мох свисал гирляндами с низких веток и подметал ветровое стекло, и его серо-зеленые нити образовывали живую занавесь. Отсюда до бухты (туристского гарнизона поселка) было всего десять минут езды, но по ощущениям выходило гораздо дальше, как будто дом существовал в своей собственной, вневременной вселенной.

Проезжая мимо старых, печальных деревьев, Ви почувствовала, как внутри нее что-то уходит вниз. Этот нетронутый участок суши испускал сонное южное уныние, и оно пропитывало ее душу.

Грунтовая дорога выныривала из чащи – к заливу, серому небу и более темному серому граниту, из которого и был сложен огромный дом Руфуса и Максина Кайта, готическое строение, выглядевшее так, словно его перенесли из угрюмой вересковой пустоши где-то в Англии.

Подъездной дороги не было. Лужайка заросла песколюбом; дом охраняли два старых дуба с кривыми, шишковатыми ветвями, напоминавшими пораженные артритом пальцы и почти касавшимися

разваливающейся каменной кладки третьего этажа. Островки выложенной камнем и развороченной корнями тропинки вели, петляя между деревьями, к передней двери.

Дом представлял собой трехэтажный камень, словно Бог отломил гигантскую гранитную глыбу и бросил ее на край залива. Из каждого конца, словно рога, торчали здоровенные каминные трубы.

Ви подумала, что все строение напоминает череп «чужого», пришельца из космоса, а его многочисленные окна – пустые глазницы, порталы в тьму.

Глава 32

Вайолет оставила машину под одним из дубов, рядом с единственным транспортным средством на участке, ржавеющим пикапом «Додж», старичком лет, может быть, шестидесяти. Направляясь по тропинке к передней двери, она с опаской посматривала на высокие черные окна и купол.

Дом прямо-таки источал пустоту.

К накотившему вдруг страху добавилось чувство вины. Она же обещала сержанту Маллинсу, что свяжется с местными правоохранителями и на встречу с Кайтами отправится в сопровождении шерифа или, по крайней мере, его заместителя. Не связалась. Не хотела, чтобы ее сопровождал какой-нибудь доброхот с Востока, заботливый и снисходительный покровитель.

Ви остановилась перед дверью, поправила одежду, пригладила короткие блондинистые волосы и постучала.

Что-то метнулось по траве у нее за спиной.

Обернувшись, она увидела худющего серого кота, взлетевшего по стволу ближайшего дуба. Устроившись на обезображенном суку, животное не сводило с нее больших желтых глаз. Другого кота Ви уже видела на парковочной площадке возле «Харпер касл». По словам консьержа, остров кишел одичавшими представителями семейства кошачьих.

Ви снова повернулась к двери и вздрогнула.

Дверь уже открылась, и на пороге стоял высокий старик, благообразное лицо которого морщинили прожитые годы. Слегка горбясь, он смотрел на нее глубоко запавшими черными глазами из-под длинных, но редких седых волос.

– Кто вы? – спросил старик.

Ви полезла в сумочку, достала жетон и протянула руку, чтобы он мог прочитать.

– Сэр, меня зовут Вайолет Кинг. Я – детектив из управления полиции Дэвидсона. С вами можно поговорить?

Руфус Кинг оторвал взгляд от жетона и беззубо улыбнулся:

– Входите, юная леди.

Переступив порог, Ви сунула руку под пальто и расстегнула кобуру.

Передняя дверь закрылась, и ей пришлось немного подождать, прежде чем глаза привыкли к тусклому освещению. В воздухе, наполняя весь дом, плавали зловонные испарения – букет возрастного старения, небрежения, гниющего красного дерева и сырого камня. Туфли скользили по пыльному полу.

Руфус помог гостье снять пальто и повесил его на шаткую вешалку у двери. Потом провел детектива через сумрачную переднюю в гостиную и предложил расположиться в кресле возле массивного спящего камина. Сам он опустился на обитый бархатом, продавленный диванчик, некогда золотистый, а ныне выцветший до соломенно-желтого. Через высокие окна в комнату сочился жидкий, безрадостный свет.

– Красавица! – воскликнул Руфус.

– Что? – Голос скатился вниз по лестнице.

– У нас гости!

– Сейчас иду!

– Не желаете ли чего-нибудь выпить или...

– Нет, спасибо. – Опасаясь утонуть в кресле, Ви поспешно переместилась на оттоманку. – Подожду миссис Кайт, чтобы не начинать потом все заново.

– Конечно. – Руфус улыбнулся, обнажив десны; Ви улыбнулась в ответ. Старик потянулся к накладному карману фланелевой рубашки и достал зубы, которые тут же надел, и еще раз улыбнулся. – Вы в Окраоуке впервые?

– Да. У вас симпатичный остров.

– Есть на что посмотреть. Сейчас, когда все эти противные туристы разъехались, особенно хорошо. Извините, а вам сколько лет? В моем возрасте задавать неуместные вопросы не так опасно.

– Двадцать шесть.

– Боже мой, да вы совсем ребенок.

Шаги на лестнице привлекли внимание к Максин Кайт, осторожно спускавшейся по поскрипывающим ступенькам. Внизу она остановилась перевести дух и поправила воротник-гребешок канареечного цвета

толстовки с аппликацией кролика на груди.

Ви поднялась и вернулась в переднюю. Рассказывать слабенькой старушке о том, что ее сын подозревается в преступлениях, ей было совсем не по душе.

При росте в шестьдесят два дюйма Ви редко случалось возвышаться над кем-либо, но сейчас она вдруг обнаружила, что смотрит сверху вниз в добрые, немного удивленные глаза Максин Кайт.

Представившись хозяйке, детектив помогла ей добраться до дивана и сесть рядом с мужем, после чего вернулась на оттоманку.

– Мистер и миссис Кайт, вы не будете возражать, если я запишу наш разговор? – спросила она, доставая из сумочки магнитофон.

– Вообще-то я против, – возразил Руфус, – поскольку мы не знаем, о чем пойдет речь.

– О... Ладно. – Ви вернула магнитофон в сумочку и скрестила ноги. – Когда кто-либо из вас в последний раз видел вашего сына, Лютера, или разговаривал с ним?

Руфус и Максин переглянулись. Потом Руфус взял жену за руку и снова посмотрел на Ви.

– Вот уже семь лет, как мы не поддерживаем с сыном никаких контактов.

– Вам известно, где он?

– Нет, мэ.м.

– Когда вы видели его в последний раз?

Руфус откинулся на спинку дивана и обнял жену. Она опустила голову ему на грудь и уставилась в камин, а он поглаживал ее по худенькому плечу старческими, с пигментными пятнами пальцами.

– Я люблю моего мальчика, – сказала Максин. – Но, видите ли, он не такой, как большинство людей. Непоседа. Ему не нужно то, что нужно нам. К примеру, семья и...

– Стабильность, – вставил Руфус. – В нем этого нет. Желания остепениться, пустить корни. Такое не для него. Он и сам знает. В каком-то смысле это замечательно – знать, что тебе нужно.

– Он хороший, хороший мальчик. Думаю, одному ему лучше. Он – настоящий одиночка. А что, мисс Кинг, Лютер что-то натворил?

Ви вздохнула. Из кухни потянуло рыбой.

– Дело в том, что мы пока не знаем. На месте преступления нашли отпечатки пальцев Лютера, так что мы хотели бы поговорить с ним, задать несколько вопросов и...

– И что же это за место преступления? – спросила Максин.

– Это... э... Извините, детали я пока разглашать не могу. Так где вы видели его в последний раз?

– Здесь. На Рождество. До этого мы долго от него ничего не слышали, но не удивились. После школы Лютер вообще появлялся редко и не задерживался. – Старушка смахнула со щеки седую прядь, которая переместилась на грудь ее супругу. – Мы с Руфусом чистили в кухне креветок. Всегда готовим на Рождество что-нибудь особенное... Слышу, в камине какой-то шум, бегу – а там он, мой мальчик, шурует кочергой. И спрашивает: «Ничего, мам, если я проведу Рождество с вами?»

Максин улыбнулась, глаза ее запечалились. Она сглотнула, как будто к горлу подступил комок.

– Он ушел следующим утром, – сказал Руфус. – И с тех мы ничего о нем не слышали. Иногда мне кажется, что он умер.

– Нет, сладенький, он не умер. Просто Лютер воспринимает время по-другому, не так, как мы. Думаю, семь лет для него не так уж и много. Он придет, когда пожелает. Все по-своему делает.

– У Лютера есть друзья в Окраоуке?

– Завести друзей – это его никогда не интересовало. Как я уже сказала, он – одиночка.

– Нет, красавица, помнишь Скотти?

– Скотти Мэннинга?

– Нет, сына Клода и Хелен.

– Кто это? – спросила Ви.

– Приятель. Скотти Майерс. Из местных. Живет на Бэк-роуд. Рыбачил, когда на это можно было прожить. Сейчас, по-моему, работает официантом в «Ховардсе». Они с Лютером одного возраста. Когда в школе учились, то вместе за крабами ходили по выходным.

– Не знаю, Руфус; по-моему, они вовсе и не были такими уж близкими друзьями.

– Я же просто стараюсь помочь мисс Кинг. Вам ведь это пригодится, да?

– Да, конечно. Вы сказали, что он работает у «Ховардса». Это что?

– Паб на Двенадцатой, куда все местные ходят. Да и туристы тоже. Вот уж откуда голодным не уйдешь. – Старик развел большой и указательный пальцы примерно на дюйм. – Жареные устрицы – вот такие, не меньше.

– Сладенький, я устала, – пожаловалась Максин.

– Мисс, не знаю, есть ли у вас еще вопросы, но, может быть, мы закончим на этом?

– Я могу зайти к вам завтра.

– Если только попозже, – сказала Максин. – После пяти.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Ви. – Послушайте, вы очень мне помогли. Спасибо. Знаю, вам было нелегко...

– Не за что.

Ви поднялась и взяла сумочку.

– У вас один из самых интересных домов, которые мне довелось повидать. Когда его построили?

– В восемьсот семнадцатом, – ответил Руфус. – Одна из старейших построек на острове. Если подняться на купол, можно увидеть маяк.

Ви повесила сумочку на плечо.

– Вы не сочтете меня чересчур навязчивой, если я попрошу вас провести меня по этому замечательному дому?

– Может быть, в другой раз, мисс Кинг, – сказала Максин. – Я как раз собиралась вздремнуть, когда вы постучали.

Руфус поцеловал жену в лоб и с натугой поднялся.

– Позвольте проводить вас до машины. Я и сам показал бы вам дом, но у меня на кухне четыре камбалы, и они наверняка испортятся, если я не поспешу к ним.

Ви уже открыла дверцу джипа и бросила на сиденье сумочку, когда старик сказал:

– Хочу поблагодарить вас, мисс Кинг.

– За что?

Руфус прислонился к грязному автомобилю.

На щеку Вайолет упала капля дождя.

– За то, что не сказали моей жене, какое преступление там произошло. Максин нездорова. Слышать неприятные детали ей ни к чему, и я благодарен вам за сдержанность. Вы ведь из Дэвидсона, да?

– Совершенно верно.

– Я знаю, почему вы здесь. Наш мальчик... Это он убил ту семью?

Ви закрыла дверцу, протянула руку, коснулась его плеча.

– Мистер Кайт, на данный момент мы действительно ничего не знаем. Это правда. – Руфус кивнул и похлопал ее по руке. – Но вас не удивит, если это он?

Старик негромко вздохнул.

– Приходите завтра, – сказал он и, повернувшись, пошел по траве к воде.

Отъезжая от жутковатого, разрушающегося дома, Вайолет следила за Руфусом Кайтом через зеркало заднего вида. В падающем тумане старик стоял на берегу, всматриваясь в серые, свинцовые воды залива.

Глава 33

Потолок в моей маленькой комнате был покрашен краской цвета «деревенский сыр». В это утро, мое второе утро на Окраоуке, меня пробудило завывание пылесоса в соседнем номере. А еще это было шестое подряд утро, когда я просыпался в незнакомом месте. Дома, в Юконе, открывая глаза, я прежде всего видел потолочные балки, ставшие со временем привычными, как знакомое дыхание спящей супруги.

Не видеть те самые балки, проснуться не дома, в юконской глуши, а в угрюмой комнате с плоскими морскими ежами на обоях, сентиментальной картиной с изображением парусника в бушующем море и прозрачной стеклянной лампой на комодe с заполненным ракушками основанием – в этом было что-то гнетущее.

В дверь постучали.

– Уборка номеров! – крикнул кто-то с испанским акцентом.

Я выбрался из постели и тоже крикнул через дверь:

– Не сегодня, спасибо!

Мой номер находился на третьем этаже, и из окна я видел и бухту, и деревню. Дождь, негромко шумевший всю ночь, к утру прекратился, и на Силвер-Лейк-драйв уже проступили кое-где сухие участки. Накануне я с разочарованием выяснил, что обещанный в меню бесплатный континентальный завтрак не стоит энергии, необходимой, чтобы спуститься в столовую и потребовать его. А поскольку прошлым вечером я объелся пятнадцатидесятицентовыми креветками и пивом в ресторане «Пеликан», то решил пропустить завтрак и перейти к делу.

В офисе «Харпер касл» я взял напрокат велосипед, на котором и выехал из гостиницы под мрачной, готовой разродиться дождем тучей.

Утро выдалось сырое и ветреное. Я катил вдоль бухты на неуклюжем велосипеде. У пристани, пытаясь причалить, врезался в пилоны паром. В полумиле от меня пронзительно закричали чайки, эти пиявки каждого судна.

Оглянувшись, я увидел выступающий над дубами маяк. Не такой уж и высокий – всего лишь шестьдесят три фута, – он поднимался над деревней побеленной кирпичной башней, стоящей на этом месте с 1823-го; второй старейший маяк в стране.

На углу Силвер-Лейк и шоссе 12 снова торговал ракушками тот же, что и накануне, старичок. Проезжая мимо, я улыбнулся и дружелюбно кивнул ему, но получил в ответ сердитый взгляд.

Миновав несколько ресторанов, коттеджей и мини-отелей, я свернул на Олд-Бич-роуд, потом на Миддл-роуд и снова оказался в жилом квартале Окраоук.

Эти улицы, обсаженные кустами рвотного чая и виргинским дубом, были, похоже, единственным, что осталось от души острова.

Килл-Девил-роуд, улица разбитая, с потрескавшимся покрытием, усеянная панцирями от устриц, закончилась более чем в миле от ближайшего жилья.

Накануне вечером, оставив машину в нескольких сотнях ярдов от мини-отеля, я прошел через дубовую рощу на участке Кайтов до самого края леса. Лежа на песке, среди липких листьев, под холодной, просачивавшейся сквозь одежду моросью, я наблюдал за каменным домом, пока день не скатился в сумерки.

Никто не вошел.

Никто не вышел.

С наступлением ночи я пробрался, прячась за дубами, к окну и заглянул в гостиную. Желтоватое пламя камина освещало двух стариков, мужчину и женщину, застывших в статичной позе на диване и погрузивших взгляды в огонь.

Проведя за наблюдением час – они так и остались сидеть, – я отполз к лесу, скрываясь в сорной траве, покоровшей уже переднюю лужайку. Возвращаясь к «Ауди», я знал, что буду делать дальше, и хотя сама идея мне не нравилась, поскольку подразумевала вовлечение в большую игру, ничего другого не оставалось.

И вот теперь, днем позже, я проехал мимо почтового ящика Руфуса и Максина Кайт по дороге, которая вела к их дому на берегу залива. Чувствовал я себя неважно – во рту пересохло, скрутило живот, – а все потому, что не предпринимал ничего подобного уже несколько лет. Моя жизнь в Северо-Западной Канаде строилась на недопущении какого-либо риска, и теперь я опасался, что мне не хватит духу для такого рода вещей.

На выходе из дубовой рощи моих волос коснулась борода испанского мха. Стараясь не обращать внимания на тревожный трепет в груди, я прошел через колышущийся песколюб и там, за старинным каменным домом, мне открылся вид на зияющий темнотой залив Памлико.

С воды налетел бурный северный ветер.

Волны вскинулись белыми шапками.

Старенький «Додж»-пикап, лишь накануне стоявший под одним из дубов, исчез.

Оставив велосипед в траве за кованными железными перилами, я

поднялся на четыре ступеньки, жалея, что не ощущаю в кармане кожаной куртки вселяющей уверенность тяжести «Глока». Хотя, судя по наблюдавшейся вчера картине, Руфус и Максин доживали жизнь в апатии и уединении.

Постучав в дверь, я уловил запах дыма и поднял голову. Из гранитной трубы поднималось серое облачко.

Постучал еще.

Прошла минута.

Никто не ответил.

Я протянул руку, взялся за потускневшую дверную ручку и с удивлением обнаружил, что она поворачивается.

Широкая дубовая дверь открылась вовнутрь.

Глава 34

Я переступил порог дома Руфуса и Максина Кайт и закрыл за собой дверь. Еще совсем недавно у меня и в мыслях не было входить сюда без приглашения, и теперь страх перед возрастающим риском настойчиво требовал дать задний ход.

– Кто-нибудь есть?

Справа от меня, за сводчатым проходом, открывалась длинная гостиная с камином, на решетке которого пламенели угли. В ближнем углу темнели высокие напольные часы, секундная стрелка которых делала шаг каждые четыре секунды.

Взглянув влево, в столовую, я увидел обеденный стол, накрытый на троих. Потрогав пальцем блюдо, обнаружил на нем слой пыли. Пыль собралась и на бокалах, и на тарелках, и на пожелтевшей скатерти.

Повсюду висели гирлянды паутины.

Мимо уходящей в темноту лестницы я направился дальше, в глубь дома. Передняя, сужаясь, перешла в коридор, и под ступеньками лестницы обнаружилась небольшая дверца в стене. Воздух сырой и застойный, с неприятным запахом плесени.

Я вошел в кухню.

За окнами позади раковины виднелся залив. На столе, на разделочной доске, – несколько разделанных серовато-голубых рыбных тушек и филейный нож с тонким лезвием. Рядом стояла глубокая стеклянная миска, наполовину заполненная кукурузой.

Остановившись у раковины, я посмотрел в заросший сорной травой

задний двор, спускавшийся под уклон к воде. Ближе к дому находился вскопанный участок, возможно, бывший когда-то затененным садом, хотя теперь там ничего не росло.

Уходивший в залив причал прогнил до основания, и его обрушение представлялось неизбежным при ближайшем шторме.

Уходи. Потом вернешься. Тебя здесь быть не должно.

Я направился к передней двери.

У входа в кухню стояла маленькая хрупкая женщина. Похоже, она только что проснулась, и ее отливающая перламутром грива пребывала в таком беспорядке, который был, скорее, результатом взрыва, а не послеобеденной дремы. Под обветшалой тканью халата проступал силуэт хрупкой фигуры.

Босоногая старушка прошла в кухню, открыла шкафчик и взяла жестянку с молотым кофе.

– Хорошо поспал? – спросила она.

– Э... я...

– Не стой у меня на пути. Иди, сядь.

Я сел за стол, а старушка наполнила кофейник водой из-под крана.

– Никаких деликатесов тебе здесь не будет. Так что если превратился в одного из тех денди, которые не могут обойтись без свежемолотого кофе и еще бог знает чего, то говори прямо сейчас.

– Меня вполне устроит «Максвелл хаус».

Заметив на разделочной доске потрошенные рыбы тушки, миссис Кайт воскликнула:

– Черт бы его побрал! – Она сердито хлопнула кофейник на подставку и ткнула пальцем в сырую рыбу. – Руфус лишит тебя ланча! Нельзя бросать рыбу на столе. Нельзя! Бросать! Рыбу! На столе! – Старушка вздохнула. – С кофе придется подождать, Лютер.

Она села за стол напротив меня и взяла одно филе.

– Поверить не могу. В кукурузе нет перца. Знаешь, я начинаю думать, что твой отец понятия не имеет, как жарить луфаря. А кроме того, луфаря вообще не жарят.

Старушка выронила рыбину и поднялась, схватила с полочки со специями пластиковую бутылочку и вернулась на стул. Вытряхнув на кукурузу половину молотого перца и помешав содержимое миски пальцем, она повернулась и растерянно посмотрела на меня.

– Кто вы? – Передо мной был совсем другой человек.

– Меня зовут Алекс. Алекс Янг. Я пришел...

– Кто вас впустил?

– Вы, миссис Кайт. Я знал вашего сына, Лютера. Мы учились в Вудсайдском колледже.

– Лютера? Он здесь?

– Нет, мэм. Я давно его не видел. Мы дружили. Он сейчас в Окраоуке? Хотелось бы встретиться с ним.

Сознание миссис Кайт прояснилось, и вслед за этим растерянность в ее глазах сменилась печалью. Она подняла руку и сжала переносицу, как будто у нее заболела голова.

– Извините. У меня иногда такое случается – мозги путаются... Как вас зовут?

– Алекс. Вам известно...

– И вы дружили с моим сыном?

– Да, в колледже. Я хотел бы повидаться с ним.

– Его здесь нет.

– Хорошо. А вы знаете, где он? Я хотел бы...

– Я не видела сына семь лет.

Она быстро моргнула несколько раз, взяла пригоршню кукурузы и высыпала ее на филе. Потом вдруг похлопала по столу, и у меня подпрыгнуло сердце.

– Лютер, слезай со стула и принеси мне воды.

Я встал и подошел к раковине, полной грязной, вонючей посуды.

– Когда ты отправляешься на Портсмут? – спросила она, пока я мыл грязный стакан.

– Не знаю. – Я налил воды из-под крана и подал стакан ей.

– Что это?

– Вы же попросили воды...

– Черта с два. Убери это от меня подальше. – Я поставил стакан на стол. – Если собираешься сегодня на Портсмут, то отправляйся пораньше, пока не стемнело. На воде ночью делать нечего. И вот что еще я хочу сказать. Домик должен остаться в безупречном состоянии. Мы с твоим отцом думаем поехать туда на уик-энд, и я не желаю тратить время на уборку твоего дерьма.

Миссис Кайт взялась за еще одно филе, а я, наблюдая за ней в унылом свете кухни, подумал о своем отце, Александре, сраженном Альцгеймером, когда ему было под восемьдесят. Симптомы я знал хорошо и уже через пять минут понял, что мозг Максина Кайт разрушает некая форма деменции. Ужасно, что в таком состоянии ее оставили одну.

Я направился к двери.

– Куда ты? – спросила она.

– В ванную, мама.

* * *

Оставив мать Лютера наедине с луфарями, я вышел из кухни в темный коридор. В конце его я увидел приоткрытую дверь и направился к ней. Дом снова наполнился тревожной тишиной. Я не слышал ни миссис Кайт в кухне, ни стога ветра снаружи.

Дойдя до двери, я толкнул ее и вошел в небольшую библиотеку, где не было ни одной книги. Комнату обогревал догорающий камин, но на пустых полках лежал серый слой пыли.

За стеклом на одной из стен был выставлен старый, засаленный американский флаг – выцветший, почти бесцветный, потертый, с дырками от огня, и такой грязный, что мне было стыдно смотреть на него.

Мое внимание привлек снимок в рамке на каменной полке над камином. Подойдя ближе, я с удивлением обнаружил, что это фотография Внешних отмелей, сделанная со спутника, и даже узнал остров Окраоук по бухте на его южной оконечности.

Однако еще больше меня заинтересовали необитаемые острова в нескольких милях к югу, за мелким заливом. Я прочел их названия: Кейси, Шип, Уэйлбоун, Портсмут.

Портсмут. Отвернувшись от фотографии, я ощутил приятное возбуждение от сделанного открытия. Но тут мой взгляд упал на противоположную стену, и сердце едва не остановилось. На меня смотрели черные, жестокие глаза Лютера, изображенные гротескно с помощью любительского тонирования. На этой картине он был тинейджером, но пустота в глазах уже предвещала, кем он станет.

Я торопливо вышел из библиотеки, пробрался мимо кухни, где миссис Кайт все еще возилась с рыбой, тихонько проскользнул через переднюю и выскочил в холодную, туманную ночь. Подняв лежавший в траве велосипед, сел на мокрое сиденье и покатил прочь между деревьев.

Глава 35

Дождь застиг меня на обратном пути к «Харпер касл» – колючая металлическая морось. Заехав на стоянку, я бросил велосипед, открыл багажник «Ауди» и достал из чемодана дневники Орсона. Дождь усилился,

и меня уже трясло от холода. Не теряя времени, я сразу перешел к последнему пассажиру, вот уже шесть дней – со времени первого знакомства с ним в хранилище в Ландере – не дававшему покоя моему подсознанию.

Закончив читать записи Орсона, я испытал одновременно облегчение и страх.

Сомнений больше не оставалось.

Я нашел Лютера Кайта.

* * *

Вайоминг, 4 июля 1993

День независимости. Сегодня вечером мы с Лютером отправились в Рок-Спрингс – выпить пива в баре «Кран». Встретили там паренька, Генри, примерно одного с Лютером возраста. Посидели вместе. Генри сказал, что все лето работал на ранчо возле Пайндейла. К концу он «нагрузился», как выражаются в тех местах, и когда отправился в туалет, Лютер спросил, не можем ли мы взять его домой. Какая прелесть, а? Он называет домом хижину в Пустоши...

Итак, сейчас два часа ночи. Генри в гараже. Горюет и плачет – ведь эта ночь, несомненно, станет самой худшей, самой длинной и последней в его короткой жизни.

Лютер переоделся в рабочую одежду, а я сижу на передней веранде. Луна сейчас полная и яркая, что позволяет мне делать записи в дневнике.

Сегодня вечером, на обратном пути в хижину, Лютер пригласил меня провести пару рождественских недель с ним в Окраоуке. Хочет, чтобы я познакомился с его родителями. Сказал, у них там есть домик на одном отдаленном островке, идеальное место для отправления ритуала боли. Да, он так это называет – отправление ритуала боли... Не знаю.

Сейчас Лютер идет к гаражу. Поскольку это наша последняя ночь в Вайоминге, он попросил отдать Генри в его полное распоряжение. Пожалуйста, сказал я.

Допускаю, что в этом деле успех превысил ожидания.

* * *

Замерзший, промокший насквозь, я доехал на велосипеде до местного универсама и прошел пешком до лачуги в конце причала.

Дверь была закрыта, но из-за стены доносился треск радиопомех и голос диктора, читающего прогноз погоды. На вывеске над дверью значилось: ТЕЙТУМ. ЛОДОЧНЫЕ ТУРЫ.

Я постучал. Подождал.

В четверти мили, за полоской воды, виднелся нелепый фасад мини-отеля «Харпер касл», а дальше, в туманной дали, – маяк Окраоук.

Дверь наконец открылась, и возникший на пороге белобородый старик, настоящий морской волк, смерил меня оценивающим взглядом и улыбнулся.

– Ну и видок у вас, – сказал он с прибрежным каролинским акцентом, чуточку разбавленным мэнским.

– Чарли Тейтум?

– Всю жизнь им был.

– Мистер Тейтум, скажите, вы можете отвезти меня сегодня на Портсмут?

Он рассмеялся так широко, что я увидел амальгамные пломбы в его коренных зубах.

– В такой-то чудесный денек? – Тейтум кивнул в сторону бухты, серой, скрытой пеленой холодного дождя.

– Да, понимаю, условия не самые подходящие, но...

– Может быть, я туда и пойду... в следующий раз... послезавтра... К тому же в такую погоду вам и самому на Портсмуте не понравится. Полагаю, дождь продлится еще несколько часов. Я как раз слушал прогноз погоды, когда вы постучали.

– Мистер Тейтум, мне нужно попасть на Портсмут сегодня.

– До субботы он никуда не денется.

А вот Бет Лансинг может и не продержаться до субботы.

– Да, но...

– Послушайте, дело даже не в дожде. Часа в три пополудни ветер переменится и будет дуть с залива со скоростью в тридцать узлов. Пойдут волны в три-четыре фута высотой. В такой лодке, как у меня, будет небезопасно. – Тейтум указал на тридцатифутовую моторку «Айленд хоппер», пришвартованную к разваливающемуся причалу. – Вы же не хотите выходить в море в такой посудине? Конечно нет.

– Мистер Тейтум...

– Чарли.

– Чарли. Сколько вы берете за поездку на Портсмут?

– Двадцать долларов с головы.

– Отвезете меня сегодня – получите две сотни.

Тейтум оторопело уставился на меня и моргнул.
– Не могу, – сказал он, но нотка неуверенности подсказала, что цена у него есть.
– Пятьсот долларов.
Он усмехнулся.
– Семьсот пятьдесят.
Тейтум рассмеялся.
– Хорошо. Но если вам все равно, я предпочел бы переправить вас поскорее. Пока ветер не переменился.
Я вытер запотевший циферблат.
– На моих час. Вернусь через два часа.
Возвращаясь от Тейтума, я заметил, что что-то следует за мной в воде – бурый американский пеликан с искалеченным крылом. Пеликан смотрел на меня маленькими черными глазами. О чем он думал? Вспоминал ли былые деньки, когда еще мог летать? Скучал ли по тем временам – или списал их, как бесплодные мечтания?

Глава 36

В своем номере в «Харпер касл» я принял горячий душ и не выходил из наполнившейся паром ванной, пока не изгнал из костей холод и дрожь. Сидя на кровати и завязывая шнурки промокших кедров, я вдруг понял, что совершенно не готов к поездке на Портсмут.

Я ничего не узнал об острове, не подобрал одежды, подходящей для сырой ноябрьской погоды, и отправился охотиться на безумца без всякого оружия. Разрешения на оружие у Винсента Кармайкла не было, а везти «Глок» скрытно, даже в разобранном виде, было бы слишком рискованно, поскольку багаж подлежал досмотру.

Я спустился и вышел через заднюю дверь на раскисшую парковочную площадку. Если верить путеводителю, на шоссе 12, у северной окраины деревни, находился магазин рыболовных принадлежностей, где можно было купить все необходимое.

* * *

Через три минуты я въехал на автомобильную стоянку возле магазинчика «Бабба: Наживка и Снасть». Дальше по шоссе, примерно в

сотне ярдов, деревня внезапно кончалась, хотя автострада – я видел это в забрызганное каплями стекло – тянулась дальше, на все оставшиеся тринадцать миль Окраоука, сопровождаемая лишь заливом, дюнами и морем.

Войти и выйти из магазина, оставшись равнодушным, было невозможно – с потолка свисали три каяка, синий марлин и красное каноэ. Вдоль задней стены выстроилась фаланга удочек. Под стеклом переднего прилавка поблескивали спиннинговые катушки. Один стеллаж был отдан рыболовным снастям, другой – болотным сапогам.

Над кассой, на стене, висела футболка с надписью на груди:

ВЕСЬ ДЕНЬ РЫБАЧИЛ НА ЗАЛИВЕ ОКРАОУК А ПОЙМАЛ ТОЛЬКО КАЙФ

Появившийся из-за прилавка паренек-толстячок спросил, чем может мне помочь. Одет он был в камуфляж, нижняя губа распухла от табака, в глазах застыло провинциальное недоверие, дыхание отдавало жевательным табаком «скол».

– Вы – Бабба? – спросил я.

– Сын Баббы. Меня зовут Брайан.

Я сказал Брайану, что собираюсь сегодня на Портсмут с ночевкой и хочу купить все необходимое, чтобы не отморозить задницу под этим холоднящим дождем.

– Вы собираетесь на Портсмут при северо-восточном? И кто же согласился вас туда отвезти?

– Покажите мне туристическое снаряжение, ладно?

Через сорок минут я стоял у прилавка, а Брайан за кассой пробивал чеки за гору невероятных покупок. Следуя его совету, я обзавелся дождевиком «Мунстоун», двухместной палаткой «Сьерра дизайн», спальником «Мармот», бутылками «Налджин», мультитопливной горелкой «Уиспер лайт», двумя емкостями для топлива «Эм-эс-ар», фильтром для воды «Пур», флисовыми штанами и курткой «Патагония», ботинками «Асоло» и вещмешком с внутренней рамой «Оспрей» на 5500 кубических дюймов.

– Карты Портсмута у вас есть? – спросил я, когда Брайан провел моей кредитной карточкой по ридеру и вернул ее мне. Он сунул руку под прилавок и достал карту. – Жаль, что вы уже подвели итог.

– Мистер, вы только что потратили... – Брайан ухмыльнулся и бросил взгляд на чек, – чуть меньше пятнадцати сотен долларов. Так что карта за

мой счет.

Он оторвал квитанцию и вручил мне. Я расписался.

– Хотелось бы заправиться горяченьким до отъезда... Что можете порекомендовать?

– На той стороне улицы есть заведение. «Ховардс». Кто не поел там по меньшей мере дважды, может считать, что побывал на Окраоуке зря.

– Что ж, проверю. – Я посмотрел на гору покупок на полу, потом на Брайана, который открыл жестянку и захватил внушительную щепотку «скола». – И еще. Вы хотите сказать, что все это поместится в мой рюкзак?

Он встряхнул табак на ладони, заложил его в рот, между нижними зубами и десной, и провел языком по нижней губе.

– Конечно.

– Покажете?

Глава 37

Вайолет хотела поговорить с ним по-настоящему, лично, глаза в глаза, но сомневалась, что продержится так долго – интервью со Скотти Майерсом и Кайтами, доклад сержанту Маллинсу и девятичасовое обратное путешествие в Дэвидсон. Вот почему, сидя в «Чероки» на парковочной площадке паба «Ховардс», она достала из сумочки телефон и набрала номер мобильного Макса.

Не ответит, подумала Вайолет, услышав звонок. Вторник, 2:15 пополудни, начало шестого урока в одиннадцатом классе. Английский – его любимый. Макс как раз заканчивал цикл о По (он всегда рассказывал о По перед Хэллоуином). Утром, перед тем как отправиться на Окраоук, Ви видела, как он просматривает усеянный примечаниями текст «Черного кота».

Его молчание не удивило ее, поскольку Макс вполне мог выключить телефон на время урока. И она вовсе не ощущала какой-то особой безысходности, чтобы оставлять голосовое сообщение. В результате Ви отложила сотовый и, сидя за рулем, под стук дождя по крыше стала перебирать варианты изложения новости. *Макс, я беременна... Ты станешь папой... Макс, я собираюсь стать мамой... Знаешь, раньше на тестах на беременность появлялась только одна линия; ну вот сегодня, малыш, их две.*

Щеки теплели, наливаясь радостью. «Как странно, – думала она, – что именно здесь, на этом угрюмом острове, в этих ужасных обстоятельствах, я

испытала самый счастливый в моей жизни момент».

Даже дождь стал прекрасен. Даже ближайший мусорный контейнер. А особенно преобразилась ванная в номере в «Харпер касл», где она и сделала тест, провозгласивший ее матерью.

Поблагодарив Господа, Вайолет грелась в теплых, накатывающих одна за другой волнах эйфории, постепенно размывающих ложь, в которую она верила сама: *из тебя не получится хорошей матери, ты сама еще ребенок, ты недостойна и не заслуживаешь этого.*

Ви видела свои проблемы в ясном, безжалостном свете и чувствовала, что способна справиться с ними и не отступить. «Жизнь была бы чудесной, если б я всегда чувствовала себя такой, если б не поддавалась страху неудачи».

* * *

Открыв дверь и ступив под дождь, Вайолет представила самый дорогой, самый милый сердцу образ: крепкие, мозолистые руки своего отца, держащие изгибающегося, пищущего внука.

Паб «Ховардс» встретил ее запахом жареной рыбы и застоявшегося дыма. Хостесса, девушка-тинейджер, вышла из-за стойки, где смотрела какую-то мыльную оперу по одному из полдюжины телевизоров.

– Привет, – сказала она, беря меню. – Вы на ланч?

– Вообще-то я пришла повидать Скотти Майерса. Он ведь сегодня работает?

– Да, он в кухне. Сейчас схожу за ним.

Хостесса отправилась на поиски Скотти, а Вайолет прошла в обеденный зал – познакомиться и оценить атмосферу этого непритязательного заведения, которое, за время ее пребывания в Окракоуке, получило уже пять рекомендаций. В одном углу она обнаружила настольный футбол, в другом – мишень для дартса. С потолочных балок свисали вымпелы всех видов университетского и профессионального спорта. С обеденным залом соседствовала веранда, где, за столиком под комнатным обогревателем, обедал один-единственный клиент – длинноволосый мужчина.

«Ховардс», казалось, источал ту же энергию, что заключена в старой бейсбольной перчатке. Словно ступица колеса местной жизни, паб никогда не закрывался – даже на Рождество или во время шторма. Вот и сейчас, в холодный дождливый день, когда здесь все замерло, Вайолет могла

услышать смех и соленые байки, звучавшие за тарелкой с крабами и кувшином с пивом. И смех, и байки въелись в потемневшие от дыма стены, в гладкие половицы, в выдавшую виды мебель. За пабом закрепились теплая история. Это чувствовалось. Людей тянуло сюда. Для многих это место было любимым.

Из-за вращающихся дверей кухни появился долговязый мужчина лет тридцати пяти. Подходя к Ви, он вытер руки о фартук, испачканный рыбьими внутренностями. Только бы не протянул руку, подумала она.

– Чем могу помочь, мисс?

– Мистер Майерс?

Скотти пригладил темные усы и с вызовом вскинул голову:

– Да, а что?

– Меня зовут Вайолет Кинг. Я – детектив из Дэвидсона. – Она порылась в сумочке, показала жетон. – Разрешите задать вам несколько вопросов?

– Что-то не так?

– Нет, сэр. Вы ничего такого не совершили. – Вайолет улыбнулась и дотронулась до его руки. – Давайте сядем. Много времени я у вас отнимать не стану.

Они устроились в углу, и Ви без вступлений спросила, знает ли он Лютера Кайта. Скотти на секунду задумался, снова погладив усы и уставившись на впечатляющую, около пары сотен, шеренгу пивных бутылок, растянувшихся на стеклянных полках, где следовало бы стоять напиткам более крепким.

– Да, – ответил он наконец. – Помню его. Натворил что-то?

– Этого я вам сказать не могу, но... Вы не знаете, где он сейчас может быть?

– Нет, не знаю. Не видел Лютера... Господи... лет, наверное, десять. Да и тогда я знал его не очень-то хорошо. Понимаете, о чем речь? Лютер был парень тихий, одиночка, держался в стороне от всех. В средней школе мы иногда ездили с ним за крабами, когда отец нас брал. Мы только потому и знакомы-то были, что отец работу ему давал. Но близко не сошлись. Вообще-то он мне даже не нравился. Там вся семейка чудная.

– Мистер Майерс, мне пригодится все, что вы можете рассказать.

– Даже не представляю, что рассказать... Я знаю его не лучше, чем, к примеру, вас. А кто сказал, что мы так уж хорошо знакомы?

– Его родители.

– Извините, но помочь вам ничем не могу.

Скотти взглянул на ближайший телевизор. На экране безупречно

ухоженная пара в купальных костюмах целовалась в полутьме у камина.

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Двадцать шесть.

– И вы уже детектив? Такая молодая? Пользуетесь успехом, мисс Кинг?

– Иногда.

– Держу пари, что пользуетесь. Кто бы сомневался.

Что-то шевельнулось в его глазах. Где вначале был страх, там расцветало сладострастие.

– Спасибо, что уделили мне время, мистер Майерс. – Ви соскользнула с барного стула.

– Вы так многого добились, – сказал Скотти. – И работу свою делаете хорошо, это сразу видно. Никогда не позволяйте мужчинам грубить вам, о'кей? Мы вас недооцениваем. Уже перекусили?

– Нет, но...

– Тогда позвольте угостить вас ланчем.

– О, мистер Майерс, вы не обязаны меня угощать.

– Нет, но я хочу. Жаль, здесь нет моей сестренки. Вот бы ей с вами познакомиться. Хороший был бы урок. Вышла замуж за настоящего сукина сына, который считает, что женщины ни на что не способны... Любите устриц?

– Э... конечно.

– Я сейчас приготовлю несколько штучек и угощу вас закуской. А вы пока просмотрите меню и определитесь с главным блюдом. – Он указал на нишу в противоположном углу зала. – Видите, там шнурок свисает с потолка? А на шнурке – кольцо. Вам нужно взять кольцо и постараться набросить его на крюк. Каждый, кто приходит в «Ховардс», обязан сыграть в «Кольцо на крюк».

Скотти отправился в кухню и исчез за вращающимися дверьми. Ви посмотрела на часы. До встречи с Кайтами оставалось еще два с половиной часа, а она так разволновалась утром после теста на беременность, что даже забыла позавтракать.

В ожидании обещанного ланча Вайолет перешла к нише в противоположной стене и сыграла в «Кольцо на крюк». Никакой вины за бездельничанье она за собой не чувствовала. След был слабый, и все указывало на то, что Лютер давно не ступал на родную землю. К тому же сам Окраоук был полной противоположностью всякой спешке и торопливости, островом, где в дождливый осенний день вы полдня сидите дома, обращая в добродетель ничегонеделанье.

Глава 38

Официант поклялся, что заказанные устрицы собраны в заливе Памлико не ранее сегодняшнего утра. Я попросил двойной «Джек Дэниелс» и был проинформирован, что округ Хайд объявлен «полусухим». Пришлось ограничиться сладким чаем. Откинувшись на спинку стула, я наслаждался теплыми волнами из обогревателя и этой последней интерлюдией покоя.

Я выбрал столик на веранде паба «Ховардс», рассчитывая спокойно пообедать под шум дождя, падающего на бамбуковую ограду. Переодевшись в теплые флисовые штаны, я был готов отправиться на Портсмут сразу же после ланча.

Расстеленная на столе карта предлагала ознакомиться с кратким очерком по истории Портсмута. К немалому моему удивлению, выяснилось, что некогда остров был обитаем и на протяжении значительной части XVIII и XIX веков служил главным портом ввоза в Северную и Южную Каролину и являлся соответственно крупнейшим поселением на Внешних отмелях. В 1846 году пронесшийся ураган открыл протоки Хаттерас и Орегон. Более глубокие и безопасные, чем протока Окраоук, они стали популярными морскими путями. С упадком морского судоходства на следующую сотню лет Портсмут сам пришел в упадок. Два последних жителя покинули остров в 1971 году, и с тех пор он пребывал в состоянии забвения – деревня-признак, посещаемая лишь туристами да сотрудниками Службы национальных парков.

Сам остров, насколько я смог разобрать, складывался из отмелей, обширной береговой полосы и зарослей кустарника на всей внутренней территории. Через лесистые районы проходили кое-где зарастающие тропы, а на северной оконечности сохранилось двадцать строений – все, что осталось от старой деревни. Крошечный кусочек суши, всего лишь полоска земли, отделяющая пролив от моря. Если Лютер там, найти его не составит труда – в этом я не сомневался.

Дверь главного обеденного зала скрипнула, и порог переступила закутанная в «барбуrowsкое» пальто молодая женщина. Войдя, она села за столик под комнатным обогревателем.

Наши взгляды встретились, и я улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ.

Южанка, – подумал я. Кто еще станет улыбаться чужаку?

Официантка принесла ей закуску – большую тарелку устриц

«Рокфеллер», за которые маленькая блондинка и принялась, изучая одновременно меню. Лет ей было не больше двадцати пяти. Живет на острове? А если нет, то что делает здесь, на Окраоуке, одна?

Я снова обратился к карте, пытаюсь разобраться в топографии Портсмута. Вскоре официантка принесла и мне тарелку жареных устриц с капустным салатом и кукурузными клецками «Хашпаппи». Обслужив меня, она направилась в обеденный зал, а я снова посмотрел на симпатичную блондинку.

Она ответила обворожительным взглядом и вернулась к меню.

Я вернулся к карте.

Со мной уже давно никто не флиртовал, и ощущение было потрясающее, тем более что сигнал подавала роскошная молодая женщина.

Я взял устрицу. Попробовал. Вкус был восхитительный – солоновато-хрустящий.

Скрипнул стул.

Я поднял голову. Блондинка поднялась из-за стола и шла ко мне – стук каблучков по половицам отдавался глуховатым эхом.

Перед моим столом незнакомка остановилась и улыбнулась мне – прелестная, немного робкая жеманница.

– Извините за беспокойство. Можно позаимствовать у вас соус с хреном?

Никаких сомнений ее акцент не вызывал. Она, несомненно, была из тех же мест, что и я сам.

– Конечно. Мне он все равно не нужен.

Незнакомка потянулась за бутылочкой, и я заметил, как волнуется под пальто ее грудь.

– Вижу, вы тоже взяли устрицы, – сказала она и перевела дух.

– Изумительные, правда?

Блондинка отвела за уши короткие, с золотинкой, волосы, взглянула на карту Портсмута и снова на меня.

– Вы из Окраоука?

– Нет, приезжий.

– Я тоже. – Странно, но она почему-то запыхалась. – Я тоже. Ммм... спасибо за кетчуп. То есть за соус.

Незнакомка направилась к своему столику, а я, глядя ей вслед, заметил, что на нем, рядом с тарелкой, уже стоит такая же, еще не открытая бутылочка.

Я задумался и вдруг понял. В ее взгляде, когда она в первый раз посмотрела на меня, не было обольщения.

В нем было узнавание.

Глава 39

Ви вернулась к столику сама не своя: сердце колотилось в груди, перехватило дыхание.

Господи. Это же он. Съешь что-нибудь, чтобы не заподозрил, что ты его узнала.

Она заставила себя проглотить устрицу и сделала все возможное, чтобы только не смотреть на него. Не смотреть на Эндрю Томаса. Одна из лежащих в ее портфеле цифровых фотографий показывала его с длинными волосами и растрепанной бородой. Человек с гривой тронутых сединой волос, сидевший за столиком в пятнадцати футах от нее, был двойником того, на фотографии.

Вышедший из кухни Скотти Майерс принес ее главное блюдо – жаренного на решетке дельфина. Поставив тарелку перед гостьей, он сказал:

– Думаю, эта рыба понравится вам больше всего, что вы когда-либо ели. Давайте, попробуйте, а потом скажите, что вы думаете.

Отправив в рот кусочек, Ви выдавила из себя улыбку:

– Да, мистер Майерс, это чудесно. – *Ну же, Скотти, уходи. Не стой здесь и не болтай со мной. Если ты упомянешь, что я детектив...*

– Да. И я знаю рыбака, который ее поймал.

– Прекрасно.

– Послушайте, я тут подумал о том, о чем мы говорили... Этот парень, Лютер...

– Минутку, Скотти. – Ви поднялась со стула. – Пожалуйста, покажите, где у вас дамская комната.

– Конечно. Через ту дверь, в углу, сразу за бильярдным столом. Вы в порядке, мисс?

Изо всех сил сдерживая шаг, Ви прошла через застекленную дверь в обеденный зал. *Я не могу арестовать Эндрю Томаса на Окраоуке. Или все же арестовать? Нет. Позвони сержанту Маллинсу. Расскажи, что здесь происходит. Потом в 911. Свяжись с департаментом шерифа округа Хайд. Пока будешь ждать, держи его на мушке. Вернись туда. Наставь на него пистолет. Ни с места! Полиция! На пол! Заставь его приковать себя наручниками к обогревателю.*

Туалетная комната была грязная, стены украшены афишами и

сувенирами автогоночной серии NASCAR. Руки дрожали так, что Ви едва справилась с «молнией». Стоя перед треснувшим зеркалом, она расстегнула пальто. Нержавеющая сталь пистолета блеснула в жестком флуоресцентном свете. Ви сунула руку в карман, но телефона там не было. Мысленно она увидела его на пассажирском сиденье «Чероки».

Всё в порядке. Пока он ничего не подозревает. Просто выйди на улицу и позвони Маллинсу из «Чероки». Нет, Эндрю Томас увидит, что ты уходишь не расплатившись. Может сорваться. Сначала возьми его. А потом пусть Скотти позвонит из ресторана. Этот парень был в бегах семь лет. Он – монстр. Готов на все. Возможно, вооружен. Дыши, Ви. Дыши. Тебя же этому учили. Ты справишься.

Она расстегнула кобуру, достала «сорок пятый» и вставила обойму. Сделала три глубоких вдоха и подождала двадцать секунд, пока руки не перестали дрожать. Потом опустила руку с пистолетом в карман и шагнула к двери. Приоткрыла, бросила взгляд через обеденный зал на веранду...

Сердце полетело вниз.

Эндрю Томаса за столом не было.

Она открыла дверь и переступила порог.

Что-то швырнуло ее назад, в туалетную комнату и пригвоздило к стене.

Время замедлило ход, разделившись на сюрреалистические фрагменты: закрывающаяся дверь, гаснущий свет, попытка крикнуть через накрывшую рот ладонь и достать оружие (его уже не было), холодок дула за левым ухом, его губы за правым и шепот, едва слышный из-за ее шумного, прерывистого дыхания.

– Вы кому-то позвонили?

Ви покачала головой.

– Знаете, кто я?

Тот же жест.

– Не лгите мне.

Она кивнула.

– Руки за спину. Малейший звук, и вы не выйдете отсюда. – Эндрю Томас достал наручники из кармана пальто и сковал ее руки за спиной. – Как вас зовут?

Она на секунду задумалась.

– Вайолет. – Голос звучал незнакомо, как будто принадлежал не ей.

– Мы выйдем отсюда вместе, Вайолет.

Он открыл ее сумочку, достал ключи от машины.

– Которая ваша?

– Джип. Я – детектив, сэр. У вас будут большие неприятности...

– У меня уже большие неприятности. Когда выйдем, я открою вам дверцу. Вы сядете за руль.

У нее онемели руки. Эндрю Томас застегнул до подбородка «молнию» пальто. В темноте она ощутила прижавшееся к ребрам дуло «сорок пятого».

– Чувствуете? Что-то пойдет не так, и первая пуля – ваша. Остальные достанутся тем, кто встанет у меня на пути, и их кровь будет на ваших руках. Я не хочу этого, но выстрелю без колебаний, поскольку терять мне нечего. Вам все ясно?

– Да.

Он открыл дверь и подтолкнул ее в спину.

Они вышли в обеденный зал. Эндрю обнял ее за талию.

Глядя прямо перед собой, Ви молила об одном: чтобы Скотти Майерс, или хостесса, или кто-то из официанток стоял у выхода. Они увидят ужас в ее глазах, они не дадут этому случиться.

Едва не плача, она молилась: «Пожалуйста, Господи, пусть кто-нибудь стоит у кассы».

Из кухни долетел смех, громкий и веселый, но никто так и не увидел, как они с Эндрю Томасом спустились по ступенькам под холодный дождь.

Знать, что тебя ждет неминуемая смерть, – такого испытания на ее долю еще не выпадало. От страха дрожали колени. Вайолет упала и почувствовала, как Томас тащит ее к джипу. Мокрый гравий обдирал кожу через колготки.

Она облажалась и скоро заплатит за свою ошибку. Как Элизабет Лансинг и все будущие жертвы Эндрю Томаса.

Только теперь, перед лицом близкой смерти, Вайолет осознала, что никогда не верила в это. Смерть была чем-то, что случалось с другими. Стариками и неудачниками.

Теперь она верила. Верила потому, что, когда садилась в «Чероки» с Эндрю Томасом, этого снова никто не увидел. В прошлом году, выступая перед школьниками, она говорила, что нужно сопротивляться, делать все возможное, чтобы не дать нападавшему затащить тебя в машину. Нужно было отбиваться, и пусть бы лучше он застрелил ее прямо здесь, на парковке. Но она забралась в джип под дулом пистолета, сделав это по той же самой причине, что и большинство людей в таких же обстоятельствах, – из-за страха. Ей не достало духа рискнуть жизнью, хотя, садясь с ним в машину, Вайолет практически гарантировала себе ужасную смерть в одиночестве.

Портсмут

Глава 40

Детектив заехала на парковку возле универсама на Силвер-Лейк, неподалеку от причала Чарли Тейтума, остановилась и выключила двигатель. Я сидел за водительским креслом. Всю дорогу от паба «Ховардс» она проплакала – и продолжала плакать теперь, отдав мне ключ от машины и опустив голову на руль.

Детектив плакала, а дождь стучал по крыше джипа и стекал струйками по ветровому стеклу.

«Сорок пятый» дрожал в моей руке.

– Еще раз, как вас зовут? – спросил я.

– Вайолет, – всхлипнула она.

– Сядьте прямо, Вайолет. И перестаньте плакать.

Женщина вытерла глаза и посмотрела на меня в зеркало заднего вида. Я передвинулся на среднее сиденье.

– Положите руки на руль и не убирайте.

– Я беременна, – жалобно пробормотала она и снова расплакалась. – Узнала только сегодня утром. Если вы меня убьете...

– Замолчите. Меня это не интересует. Дайте ваш бумажник и жетон. – Она взяла сумочку и передала ее мне. – И телефон тоже. Пейджер есть?

– С собой нет. – Вайолет подняла лежавший на пассажирском сиденье сотовый и протянула мне. Я взял его, бросил на пол и растоптал каблуком. Потом открыл бумажник и достал водительские права. Женщина была из Дэвидсона, Северная Каролина, моя землячка, а исполнилось ей всего-то двадцать пять лет.

– Я же сказал держать руки на руле. Вы сюда за мной приехали?

– Нет.

– Нет?

– Нет. Клянусь.

– Тогда какого черта вы делаете на Окраоуке?

– Я разыскиваю мужчину по имени Лютер Кайт. Здесь живут его родители, и это место – последнее, где...

– Вы расследуете убийство той семьи в Дэвидсоне?

– Да. А также похищение Элизабет Лансинг.

– Ну и ну... подгадили вы мне крупно.

Часы на приборной доске показывали 3:05. Скоро начнет темнеть, и Чарли Тейтум уже ждал меня. Через ветровое стекло я видел, как он выходит из лачуги в конце причала и ступает в лодку. Ожил двигатель, забурила вода.

Обернувшись, я увидел, что Вайолет смотрит на пистолет. Скорее всего, на нее еще никто не наставлял заряженное оружие.

– Значит, сделаем вот так. Прокатимся на лодке. Вы – моя жена, и зовут вас... Энджи. Не разговаривайте. Не плачьте. В лодке сидите и смотрите в океан. Как будто мы поругались.

– Куда мы...

– И вот что я вам скажу. Жизнь старика, который повезет нас, – в ваших руках. Потому что, если вы начнете плакать, устраивать сцены и у него появятся какие-то подозрения, я застрелю его и сброшу в море. Это вам понятно?

– Понятно. Вам не придется ни в кого стрелять.

– Это зависит от вас. Я скрываюсь уже семь лет и в тюрьму садиться не намерен.

Я повернулся, взял ее красное пончо и маленькие, еще сырые туристические ботинки. Потом затащил на заднее сиденье купленный в магазине у Баббы рюкзак.

– Возьмите. – Я протянул ей пончо и ботинки. – Там, куда мы отправляемся, будет мокро и холодно.

– Вы меня убьете? – спросила Вайолет.

Я хотел сказать, что нет, ей ничто не угрожает, и все, что она знает обо мне, – ложь. Но заставить ее отправиться со мной на остров я мог только страхом. Вайолет должна была понимать и верить в две вещи: во-первых, что я застрелю ее при малейшем сопротивлении, и, во-вторых, что у нее все еще есть шанс спастись и выйти из переделки живой.

Поэтому я просунул ствол между передними креслами, направил на нее и пригрозил самыми страшными карами.

Глава 41

Мы сели на идущую вдоль планшира скамью. Я крепко обнял Вайолет, и Чарли Тейтум повел «Айленд хоппер» от причала на середину Силвер-Лейк. Палуба отдавала плесенью и протухшими на солнце рыбьими потрохами.

– Ветер уже переменился, – предупредил Чарли. – Вот выйдем из

бухты и попадем в передрагу.

Силвер-Лейк выглядела пустынной. Я видел растянувшиеся вдоль берега мотели и мини-отели и поднимающиеся кое-где из труб змейки дыма.

Дождь усилился. В какой-то момент мелькнула мысль: не тронулся ли я рассудком, решившись на такое предприятие. Я отогнал ее и больше об этом не думал.

Впереди, за узким выходом из бухты, виднелся пролив, где воды уже вспучивались под яростным напором северного ветра. Чарли дал газу. Лодка устремилась вперед, спеша к открытой воде, и наш капитан указал на Тич-Хоул, небольшую бухточку в мутной дали, где Эдвард Тич (он же Черная Борода) укрывался до того, как ему в 1718 году отрубили голову.

Пройдя южную оконечность Окракоука, мы добрались наконец до протоки, где океан и залив сходились в столкновении течений и потоков. Волны били в борта лодки, ветер сметал с волн белые шапки. Теперь мы в полной мере ощутили на себе силу стихии. Дождь хлестал в пластиковую заслонку с такой силой и яростью, что мы не видели ни Окракоука, ни маяка, ни водонапорной башни, находившейся всего лишь в нескольких сотнях ярдов у нас за спиной. Воющая серая мгла окутала все вокруг, сжав наш мир до холодного рассерженного моря.

Лодка взлетела на гребень волны и рухнула вниз, едва не сбросив нас со скамьи. Чарли оглянулся, посмотрел на меня и покачал головой.

– Хуже, чем я думал! – крикнул он, перекрывая рев мотора. – Не надо было выходить! Не знаю, смогу ли причалить!

Я взглянул на Вайолет. Ее пончо промокло, руки покраснели от холода. Как и было велено, она смотрела в сторону, беззвучно шевеля посиневшими губами. Уж не молится ли?

Я легонько пожал ей руку, и она взглянула на меня. Такая хрупкая...

– Замерзли?

Она молча кивнула. Я подтянул вниз рукава ее пончо и едва не сказал, что ей ничего не угрожает.

Мы пробивались сквозь бурю. Волны вставали одна за другой.

Вайолет дрожала, а я смотрел вперед, в этот потоп, в это хаотическое небытие шторма и моря со страхом и тревогой, которых не испытывал уже давно. Но вкус адреналина был не по мне. Я предпочел бы скуку и уединение юконской глуши.

Прошло минут двадцать, когда вдалеке вдруг появился Портсмут. Вблизи берега виднелось несколько деревянных строений, выглядевших давно заброшенными. Всмотриваясь в призрачную деревню сквозь

проливной дождь и сосны, раскачивающиеся под ветром, словно армия помешанных, я все более проникался дурным предчувствием. Северный край острова выглядел совершенно диким и глухим. Даже не зная историю Портсмута, одного взгляда на эти покинутые жилища хватило бы, чтобы понять все.

Мною овладел страх.

Я не хотел сходить на этот остров.

Проклятый и брошенный.

Глава 42

Я бросил рюкзак Чарли, ступил на планшир и перебрался на причал. Ветер налетел порывом и стих.

– По-моему, вы тронулись, – сказал старый моряк. Дождевая вода стекала по его капюшону и сбегала по лицу в густую чащу бороды.

Море бушевало, снова и снова бросая лодку на опоры.

– Увидимся завтра во второй половине дня.

– Надеюсь. Позвольте помочь вашей супруге. Хочу поскорее вернуться в бухту, пока хуже не стало.

– Секундочку, мистер Тейтум. Эти постройки – то, что осталось от старой деревни, – они ведь в государственной собственности, так?

– Так. Сейчас деревня числится в Национальном реестре исторических мест.

– Вы знаете весь остров?

– Большую его часть.

Я оглянулся на Вайолет. Она оставалась на месте.

– Я ищу жилье. Такое, которым кто-то еще пользуется. Скорее всего, за пределами деревни.

– Есть несколько старых охотничьих домиков.

– Где?

Чарли вытянул руку:

– В тех руинах, примерно в полумиле к югу от Холоувер-Пойнта.

– А где Холоувер-Пойнт?

– Там, где вы и стоите сейчас. Дойдете до конца причала – увидите дорогу. Без укрытия в такую дерьмовую погоду не обойтись.

– Послушайте, через три дня мне нужно вернуться на работу. Я эту поездку весь год планировал, так что пережить шторм позволить себе не могу.

Чарли ухмыльнулся, покачал головой и смахнул капли с ресниц.
– По-моему, ей это все не слишком по вкусу.
– Да, Энджи предпочла бы остаться в гостинице. Вам – благополучного возвращения.
Он похлопал меня по плечу и прошел к концу причала.
Детектив поднялась, дрожа от холода.
– Тебе помочь, милая? – спросил старик.

* * *

Вайолет стояла в конце причала, провожая взглядом уходящий в бурливое море «Айленд хоппер». Стон мотора терялся в грохоте бури, и вскоре единственным звуком шторма остался плеск волн да стук дождя по гнилым доскам у нас под ногами.

– Надо идти, – сказал я.

Она повернулась, обожгла меня злым взглядом и снова расплакалась, но потом зашагала по длинному причалу. Я последовал за ней.

Сойдя на берег, мы двинулись по песчаной тропе вдоль узкой бухты. Вдалеке, среди сосен, кренились под ветром ветхие строения, пребывающие в разной степени обветшания. Вокруг, клонясь и шурша, ходила медленными волнами мокрая болотная трава.

Вайолет прибавила шагу, шлепая в ботинках по лужам и всхлипывая.

Тропа разветвлялась. Мы могли либо идти на юг и углубиться во внутреннюю территорию острова, либо повернуть влево, через ручей, и попасть в деревню.

Детектив остановилась и повернулась ко мне. Ее трясло, и она ничего не могла с этим поделать.

– Я з-з-замерзла.

Идти нужно было на юг, к деревенским руинам, но я сомневался, что у моей спутницы хватит сил. Похоже, ей угрожала гипотермия.

В центре деревни, над окружающими соснами, возвышался шпиль небольшой церкви.

– Сейчас мы вас согреем.

Пройдя по мосту, мы направились к церквушке. Дождь шел с такой силой, что я не слышал ничего, кроме непрерывного барабанищего стука по капюшону. Часы показывали четыре. Небо затянуло тучами, так что сумерки обещали наступить раньше времени.

В одной из прочитанных мною брошюр для описания деревни

Портсмут использовались такие прилагательные, как «затейливая» и «прелестная», но ничего хотя бы отдаленно прелестного я в ней не обнаружил. Более всего она напоминала унылое кладбище в агонии упадка. Возможно, будь я беззаботным туристом, приехавшим сюда теплым, солнечным днем, деревня произвела бы на меня более приятное впечатление. Но сейчас мы будто вошли в селение мертвецов, меньшинство из которых освежили краской и обеспечили более надежной подложкой, большинство же оставили и дальше гнить среди болотной травы.

Зачем люди приезжали сюда? Что они надеялись здесь увидеть? Руины не таили в себе никакой загадки, не обещали никакого объяснения. Города приходят в упадок. Люди уезжают. Вымирают. Их жилища ветшают и рушатся. Вот и вся история, единственный сюжет. Дом Сэмюэля Джонсона. Он был сапожником и умер в 1867 году. Ты тоже умрешь. И что? Это не новость. Так устроен мир.

Мы добрались до ступенек методистской церкви, небольшой готической часовни в состоянии практически нетронутым, если сравнивать с развалившейся усадьбой через дорогу.

Я тронул дверь, и она открылась.

Пропустил вперед спутницу, вошел сам и закрыл дверь.

Царившая здесь тишина внушала благоговейный страх. Скамьи источали запах древней пыли. По оконным рамам стучал дождь. Половицы прогибались и скрипели у нас под ногами. Стены постанывали под напором ветра.

Я провел Вайолет к передней скамье и помог ей стащить промокшее насквозь пончо. Сказал, чтобы села. Она, несомненно, пребывала в состоянии шока. Черная юбка и блузка тоже промокли.

Расстегнув ремни, я снял рюкзак и прислонил его к скамье. Из нижнего отделения вытащил компрессионный спальный мешок. Потом расстелил на полу воздушный матрас и положил на него спальный мешок.

– Эй! Вам нужно снять мокрую одежду. – Я опустился на колени перед Вайолет. Она посмотрела на меня остекленелыми глазами и покачала головой; от холода у нее стучали зубы. – Можно вам помочь? Позвольте мне...

– Нет!

Вайолет попыталась отстраниться. Я взял ее за руки:

– Перестаньте! Хватит! Ничего я вам не сделаю. Знаю, у вас есть основания мне не верить, но и выбирать тоже не приходится.

Она молча уставилась на меня.

Я отпустил ее руки, расшнуровал ботинки и помог ей подняться.

Детектив расстегнула юбку, и та сползла на пол. Я стащил с нее колготки, блузку и бросил мокрые вещи на скамью, потом снял дождевик и флисовую толстовку, которую предложил ей. Отказываться она не стала и жестом попросила меня отвернуться.

Потом я подвел ее к спальному мешку. Не знаю почему, но Вайолет доверилась мне. Возможно, плохо соображала из-за шока. Когда коврик «Термарест» наполнился воздухом, я расстегнул спальный мешок. Она забралась в него, а я застегнул «молнию».

Ее все еще трясло. Я лег рядом с ней на голые, холодные доски.

Какое-то время мы молчали.

Снаружи продолжал бушевать шторм. Видневшееся за арочными окнами небо потемнело с наступлением сумерек. Я смотрел вверх, на легкий, изящный потолок восьмидесятилетней церкви. Незатейливая, но приятная глазу архитектура. Я приподнялся на локте и посмотрел на свою пленницу. Лицо у нее было бледным.

– Согрелась?

– Еще нет.

Мой – точнее ее – пистолет лежал на ближайшей скамье. Быстро темнело.

– Не бойтесь.

Она наблюдала за мной. В слабющем свете я не мог определить цвет ее глаз. Может быть, зеленые? Изумрудные?

За дверью снова взвыл ветер.

– Вайолет, я не сделаю вам ничего плохого. Клянусь. Вы ведь знаете, что я – Эндрю Томас, да?

Произнесенное вслух – впервые за несколько лет – мое собственное имя прозвучало странно.

Она кивнула и, похоже, немного успокоилась. Во всяком случае, дрожала уже не так сильно.

– И в пабе я никого не тронул бы. Мне просто нужно было вас припугнуть. А теперь вам придется поверить мне. И Чарли тоже ничего не угрожало. Но вы поставили меня в трудное положение... Не знаю, что вы думаете обо мне. Что читали или видели в новостях. Но вот что я вам скажу. Скажу один раз и повторять не стану. Семь лет назад я никого не убивал. И свою мать тоже. На Внешние отмели нас с вами привела одна и та же причина.

– То есть убийца – Лютер Кайт? – спросила Вайолет с недоверчивой ноткой в голосе.

– Он имел отношение к некоторым убийствам, но я не знаю, до какой

степени. Настоящим убийцей был мой брат, Орсон Томас.

Я закрыл глаза, сдерживая набухающие слезы. За окном висела завеса дождя. Сумерки наступили снаружи. Сумерки пришли в часовню. Семь лет оно точило меня изнутри, выедало душу, и вот, нате вам, я уже был готов рассказать все перепуганной двадцатипятилетней полицейской, которую сам же фактически и похитил.

Я поднялся и прошел между скамьями к окну. Никого. Только скелеты домов, раскланивающиеся, словно безумцы, деревья, качающаяся трава, лужи на лугу, выходящий из берегов залив, мигающий вдалеке, за протокой, маяк – и узел у меня в животе.

– Эндрю? – окликнула детектив. Я обернулся – теперь, когда сумрак накрыл часовню, она была всего лишь тенью на полу. – Пожалуйста, поговорите со мной.

Я вернулся к Вайолет и сел на переднюю скамью.

– Вы боитесь меня?

– Да.

– Хочу рассказать, что со мной случилось.

– А я хочу послушать.

Наверное, она лишь старалась успокоить своего похитителя, но меня это не остановило. Я рассказал все, от начала до конца. Даже то, что случилось в Пустоши. Не знаю, поверила она мне или нет, но, по крайней мере, выслушала. К концу рассказа мой голос звучал не громче шепота. Когда вся ваша вербальная коммуникация сводится к редкому и нерегулярному обмену репликами с посторонними, голос атрофируется от бездействия.

Однако Вайолет слушала. Я не спрашивал, верит она мне или нет. Хотел бы сказать, что, мол, неважно, но это не так. Важно было то, что кто-то услышал правду.

Вы представить не можете, как мне полегчало.

Глава 43

Теперь Вайолет сидела в моем спальном мешке, прислонившись к перилам между скамьями и алтарем. Мне удалось разжечь походную плитку, пропановую «Уиспер лайт». Она стояла в проходе, и вода в котелке уже начала закипать над шипящим голубым пламенем.

Я вскрыл два пакета лазаньи «Маунтин пэнтри» и расположил замороженные обеды около плиты. Потом взял рукавичку и снял крышку. В

лицо мне ударили влажные клубы пара. Я опустил крышку и налил в каждый контейнер кипящей воды. Через десять минут лазанья была готова, и мы поели. Часовня уже погрузилась в полную тьму. Порывшись в аптечке, я нашел свечу, запалил и поставил на пол между нами.

– Неплохо, а?

– Хорошо.

Дождь прекратился. Ветер стих. Впереди была облачная ночь на острове без электричества и в полной темноте.

– Давно в полиции?

– Полтора года.

Я поставил на пол горячий контейнер и сделал глоток воды из бутылки.

– В машине вы сказали, что беременны.

Короткий вздох. Вайолет шмыгнула носом, сдерживая слезы, и отвернулась к двери.

– Послушайте, я не могу сейчас обсуждать такие вещи. Если не хотите, чтобы я совсем расклеилась, пожалуйста...

Я присмотрелся к ней в свете свечи. Красивая. И такая юная... Ребенок. Вполне могла бы сойти за выпускницу. Вайолет вытерла щеки рукавом моей флисовой толстовки.

Покончив с лазаньей, моя спутница снова переключилась на официальный тон, снова стала копом:

– Вы сказали, что нас привела сюда одна и та же причина. Эта причина – мистер Кайт?

– Да. Я приехал сюда, чтобы найти его. Та женщина, которую повесили на маяке острова Боди... я знал ее. А Бет Лансинг, соседка Уортингтонов, которую похитили, она – жена моего лучшего друга, Уолтера. Я рассказывал вам о нем. Думаю, Лютер убил всю семью, чтобы привлечь внимание к похищению Бет Лансинг. И Карен Прескотт повесил на маяке с той же целью. Все эти убийства демонстративны. Он хотел, чтобы я узнал о них. Чтобы я понял, кто их убил. Это не какое-то бессмысленное помешательство. Полагаю, ему было нужно привести меня сюда. И именно это больше всего пугает меня сейчас. А вдруг Лютеру уже известно, что я здесь?

– Что вы имеете в виду? Где «здесь»? В этой церкви?

– Нет, на Окраоуке. И да поможет нам Бог, если он знает, что мы здесь.

– А действительно, Эндрю, почему мы на этом острове?

– Интересный вопрос. Вам сейчас лучше?

– Мне тепло.

– И ваше пончо высохло. У меня в рюкзаке запасные флисовые штаны и длинная фуфайка. – Я посмотрел на часы. – Сейчас четверть восьмого. Дождь перестал. Да, нам пора.

– Пора куда?

– Я почти уверен, что Бет Лансинг где-то на острове. И Лютер тоже.

– Нет, Эндрю, нет. Пусть этим занимаются правоохранители. Мы можем сообщить, и...

– А как же я? Меня ведь объявили в розыск.

– Ну, я, конечно, могла бы...

– Что? Расскажите, какой я на самом деле невиновный и...

– Нет, конечно. Что бы я ни сказала, никто...

– А если нет, то что остается?

– Вас будут судить.

– Судить... Думаете, мне это нужно?

– Вам нужно что-то. Разве вы не хотите покончить со всем этим дерьмом? Так или иначе подвести черту под прошлым? Обрести покой?

– Я уже обрел покой. Мой дом далеко отсюда, в прекрасной дикой пустыне. Я счастлив там настолько, насколько это возможно. Это рай...

– Так может говорить эскапист.

– Судя по тому, что я видел и как понимаю человеческую натуру, мир вполне заслуживает того, чтобы сбежать от него. Впрочем, не думаю, что вы это понимаете. – Я поднялся со скамьи. Свет и тени вальсировали на лице Вайолет, единственном источнике тепла в этой церквушке. – Кроме того, то, что вы называете «подвести черту», может означать для меня «пойти в тюрьму».

– А вы безвинны?

– Я не заслуживаю тюрьмы.

– Откуда вам известно, чего вы заслуживаете?

– Вы еще слишком наивны. Думаете, что если стараться поступать правильно, то в результате все сработает как надо. Ведь думаете так, да?

– Это называется надеждой. А если и думаю, то что?

– А я надеюсь, что вам никогда не придется сталкиваться с решениями, которые приходилось принимать мне. Когда проигрываешь все.

Я взял со скамьи пистолет и засунул его за пояс, планируя выйти, как только соберу рюкзак.

– А вот оптимизм вам нужен – защищает от того ужаса, который вы видите. Разве убийство Лютером Уортингтонов – не стопроцентное зверство?

- Оно отвратительно.
- Но вы уже нашли что-то, чем утешаете себя? Светлую подкладку у тучки?
- Если они верили, то сейчас уже в раю.
- Уверен, именно об этом и думал мистер Уортингтон, когда его убивал Лютер Кайт. Как я был бы рад иметь такую веру... – Я взглянул на деревянный крест на стене за алтарем. – Вы – христианка?
- Да.
- Тогда скажите, где сейчас Бог? Где Он был, когда Лютер убивал ту семью?
- Вайолет сердито взглянула на меня, и ее влажные глаза блеснули.
- Не знаю.

Глава 44

Безлунный и безветренный, холодный, молчаливый и темный, остров хмурился. Оставив в церкви рюкзак, мы прошли по тропе к старому универсаму и на перекрестке повернули на юг и на другую тропу, чтобы выйти к руинам в середине деревни, в глубине острова. Перейдя Докторский ручей, миновали пустующее здание школы и вступили в оливковую рощу. Вайолет шла впереди.

Тишину нарушали лишь шорох мокрого «гортекса» и шлепки ботинок по воде.

Тропа сужалась.

Мы не разговаривали.

Со всех сторон нас окружал буйный, непроходимый подлесок, совершенно дикий, анархический, с мокрыми дубами и цепляющимися за руки и ноги ветвями. Я едва видел Вайолет, а она едва видела вьющуюся перед ней тропинку и порой сбивалась с пути, но, вздохнув, возвращалась на правильный курс. Можно было бы вернуться за фонарем, но от этой мысли я, подумав, отказался. Мы уже прошли четверть мили, и до деревни, если верить карте, оставалось не так уж и много.

В какой-то момент я поймал себя на том, что вполне доверяю Вайолет как проводнику и смотрю не на нее саму, а на задники ее ботинок.

Чего я боялся больше: того, что мы найдем Лютера, или того, что мы его не найдем?

Наконец мы выбрались из чащи и оказались на краю широкого травяного болота.

Я шепнул Вайолет, чтобы та остановилась.

Перед нами лежали руины.

Слева от тропы я заметил останки какого-то строения – разваливающуюся каменную трубу в куче гниющих досок. Другие следы исчезнувшего поселения были разбросаны по ближайшему лесу. Еще одна труба высывалась прямо из болота, а вот от дома, который она согревала более ста лет назад, ничего не осталось.

Дальше тропа шла по переброшенному через заболоченный участок хлипкому мостику. Где-то шумно плеснуло, над водой пролетел громкий пронзительный крик. На память пришли сказанные Чарли Тейтумом слова: «Есть несколько старых охотничьих домиков». И тут же вспомнился отрывок из дневника Орсона: «У них там есть домик на одном отдаленном островке, идеальное место для отправления ритуала боли».

По другую сторону топи нас снова встретила чаща. Только здесь виргинские дубы сменились виргинскими соснами. Тропинка опять разделялась, и Вайолет остановилась.

– Куда? – шепотом спросила она.

– Не знаю. Попробуем держаться юга.

– А что именно мы ищем?

– Какое-нибудь жилье.

– Мне кажется, Эндрю, на этом острове никого больше нет.

– Да. Я и сам начинаю склоняться к такому же выводу.

Мы продолжили путь на юг. В воздухе все острее ощущался запах влажной сосны, и наше дыхание срывалось с губ облачками пара.

Часы показывали начало десятого, когда тропинка оборвалась, доставив нас на берег топи, отделявшей Портсмут от острова Эвергрин. Я мысленно представил карту, и мне стало не по себе. Если домик Кайта находится на Эвергрине, нам придется прокладывать путь через заросли, а потом еще и обходить топь по береговой линии. Это могло занять едва ли не всю ночь. Я посмотрел на восток, где за далекими дюнами лежало море.

– Смотрите, – шепнула Вайолет.

Я повернулся лицом к лесу.

– Видите?

Вдалеке, между соснами, мелькнул оранжевый огонек. Лодка в заливе? Шаровая молния?

– Идем, – сказал я. – Опустите капюшон, чтобы лучше слышать.

Она откинула капюшон и убрала волосы за уши.

Сойдя с тропы, мы углубились в лес в поисках источника света. Ботинки чавкали в грязи, и это звучало оглушающе, а пятнышко света не

приближалось. Что-то подсказывало, что оно вот-вот погаснет и мы останемся без дороги и в темноте.

Теперь мы шли быстрее, и оранжевое свечение за соснами как будто стало приближаться.

Я достал пистолет из внутреннего кармана дождевика.

– Вижу, – прошептала Вайолет.

Мы притаились в олеандровой рощице.

Между дубами в самом конце ручья затерялась деревянная хижина. В единственном окне мерцал какой-то источник света, фонарь или свеча. У маленького причала покачивалась на воде лодка.

– Оно? – спросила Вайолет.

– Понятия не имею.

Мы двинулись дальше. Я вспотел под тяжелым дождевиком.

В двадцати ярдах от хижины мы укрылись за деревом.

– Ждите здесь и оставайтесь на месте.

Я сдвинул предохранитель и осторожно направился к хижине, но на середине пути остановился и прислушался. Ветер стих, и в полной тишине слышался лишь стук сердца в моей груди.

Я подобрался к окну, но домик стоял на фундаменте в несколько футов над землей, так что заглянуть внутрь не получилось.

Сделав три ровных вдоха, я подошел к ступенькам, которые вели к единственной, передней двери.

Достигнув верхней, я оглянулся – Вайолет стояла, пригнувшись, за деревом – и, прижав ухо к двери, прислушался.

Ни звука.

Я взялся за ручку и медленно повернул ее, чувствуя, как катится по левому боку ледяная струйка пота. Дверь слегка приоткрылась, и я подтолкнул ее мыском ботинка.

Скрипнули петли.

Ничего. Только тени от огня прыгали по стенам и потолку.

Всю обстановку составляли изъеденный крысами матрас, карточный столик с грязными тарелками, чашка с шелухой от фисташек и кувшин с водой. В хижине воняло тухлыми яйцами и рыбой. На подоконнике догорала свеча, единственный источник света.

На секунду я опустился на колени, пытаясь унять дрожь в руках и ногах.

Господи... Какое-то движение в правом углу.

Я обернулся – и едва не выстрелил в Бет Лансинг, привязанную к складному стулу. Зрачки ее расширились от ужаса, голова тряслась, волосы

спутались, а щеки потемнели от синяков и грязи.

Я опустил пистолет, шагнул к ней и уже протянул руку, чтобы сорвать со рта полоску клейкой ленты, но остановился и прошептал:

– Бет, Джон Дэвид и Дженна в безопасности. Я пришел сюда за тобой, чтобы отвезти домой. Не кричи, когда я сниму ленту.

Она закивала.

Я сорвал полоску скотча.

– Энди, он ждет тебя.

– Что?

– Человек с длинными черными...

Из леса донесся крик. Вайолет звала меня по имени.

Чьи-то шаги быстро приближались к хижине.

Прежде чем я успел что-то сделать, дверь захлопнулась.

Глава 45

Я окликнул Вайолет и рванул дверь.

Она не открылась.

Снаружи снова вскрикнула Вайолет.

Я подбежал к окну – длинноволосая тень метнулась к лесу. Сняв с подоконника свечу, я поставил ее на пол и рукоятью «сорок пятого» выбил стекло. Размеры окна не позволяли мне выбраться из домика, но Вайолет могла забраться в него.

Я бросился к двери и врезался в нее плечом. Дверь в дюйм толщиной едва сдвинулась. Похоже, кто-то подпер ее снаружи.

Я поднял свечу и перенес ее на карточный столик. Взял с грязной тарелки обвалочный нож и вернулся к Бет.

– Сейчас перережу веревки.

– Куда он ушел?

– Со мной здесь детектив. Молодая женщина. Наверное, пошел за ней.

– У нее есть оружие?

Я показал на стол:

– Вон оно.

Я перерезал ленту у нее на запястьях, потом на лодыжках.

Бет поднялась и повернулась ко мне, изможденная, полуголая, в одной рваной сорочке.

Я снял дождевик и флисовую фуфайку и помог ей одеться.

– Поверь, смерть Уолтера не на моей совести.

– Не надо. Просто уведи меня отсюда.

– Не знаю, получится ли.

– Стреляй в дверь.

Я взял со стола пистолет и нажал кнопку выброса. Обойма выскочила. Я пересчитал патроны.

– Девять. Потрачу три на дверь, но не больше. – Я вставил обойму на место.

– Подожди, – шепнула Бет. – А если он не знает, что у тебя есть оружие?

– И что?

– Пусть он и дальше так думает. Откроет дверь – тут ты его и подстрелишь.

– Ладно. Давай сядем. Стоять мне как-то не хочется.

Я подумал о Вайолет. Как она там? Как выживет в лесу? Удастся ли ей выжить? В это мне как-то не верилось. *Если она погибнет, ее смерть будет на моей совести.*

В домике было холодно, и я не знал, что сказать Бет.

Вдове моего лучшего друга.

Столько между нами осталось недосказанного, столько вопросов ждали ответа... Я сидел рядом с ней, чувствуя на себе давящий груз прошлого.

– Что он с тобой сделал?

– Ничего такого. Где мы?

– На Внешних отмелях. Ты давно здесь?

– Нет. Только лишь с сегодняшнего вечера. Где он держал меня до этого, не знаю. Помню только темноту и камень вокруг. Какой сегодня день?

– Четверг, шестое ноября.

– Десять дней.

– Что?

– Десять дней дети без меня. – Она поежилась, и пламя задрожало.

Мы снова замолчали.

– Расскажи, как он умер, – сказала наконец Бет.

– Не надо...

– Я хочу знать, Энди. Хочу услышать это от тебя. Но сначала подай мне тот кувшин. Он позволил мне сделать несколько глотков, но я все равно умираю от жажды.

Я принес ей наполовину пустую емкость, и Бет жадно приникла к горлышку, а потом вернула кувшин мне.

Мы молча сидели в углу, время от времени прикладываясь к кувшину. Вода была прохладная и чуточку сладкая.

В конце концов я сдался: рассказал Бет об Орсоне и Пустоши, об угрозах по адресу ее семьи, ее детей. Рассказал, как мы с Уолтером нашли и похитили Орсона из его дома в тот пятничный вечер семь лет назад.

– Чуть раньше мы выкопали яму и теперь повезли моего брата к ней. Сначала в багажнике, потом на заднем сиденье. Мы хотели узнать, где Лютер, тот человек, который похитил тебя. Орсон уже тогда отправил его найти тебя. Вернувшись, брат разозлил Уолтера рассказом о том, что Лютер намерен сделать с тобой и детьми. Уолтер хотел застрелить его на месте. Просто голову потерял. Но я знал, что если мы не вытянем из Орсона, где скрывается Лютер, то тебе и детям грозит смертельная опасность. Без вопросов.

Я сглотнул. Бет слушала, не спуская с меня глаз. Даже в тусклом свете она выглядела так, словно состарилась намного больше, чем на те семь лет, что мы не виделись.

– Уолтер навел оружие на Орсона. Я сказал, чтобы он не стрелял. Уолтер не послушал. Он как будто обезумел. Глупо, конечно, но я прицелился в Уолтера. Сказал ему – я хорошо это помню, – что, убив Орсона, он убьет и свою семью. И тут, совершенно неожиданно, Орсон пнул меня сзади ногой, и мой «Глок» выстрелил. Уолтер умер мгновенно. Клянусь тебе, Бет.

Она закрыла глаза, едва слышно вздохнула и затихла.

Теперь я слышал только, как шумят, качаясь под ветром, сосны.

Тишина давила.

– Ты похоронил его? – прошептала она после долгой-долгой паузы.

– Я отвезу тебя туда, когда мы выберемся отсюда.

– Ненавижу тебя, Энди, – со слезами в голосе произнесла она. – Знаешь, как я ненавижу тебя?

– Да. Знаю.

Бет прислонилась ко мне, и я обнял ее за плечи.

Пока она тихонько плакала, свеча догорела и погасла, и в хижине стало так темно, что я не видел уже ничего, кроме прямоугольника темно-синего неба в окне.

Из-под двери и через трещины в полу поползли сквозняки.

Я ждал, что глаза в конце концов адаптируются к темноте, но ничего такого не случилось.

– Энди, – прошептала Бет, и голос ее прозвучал странно, глухо, словно она звала меня со дна глубокого колодца.

- Да?
- Что-то не так.
- Ты о чем?
- Голова... кружится... и такая тяжелая...

Теперь, прислушавшись к себе, я обнаружил, что и с моей головой что-то не так.

Может, это просто от голода?

Лишь когда взгляд упал на стоящий между ногами пустой кувшин, до меня стало доходить, что именно с нами случилось.

– Ох, Бет, похоже, мы облажались по полной.

Глава 46

Эндрю вошел в хижину, и Вайолет, прислонившись к дубу, стала ждать. Окаймленный болотной травой, черный ручей убегал на запад, извиваясь между соснами. Будь ночь ясной, Ви видела бы, как он расширяется перед тем, как соединиться с далеким заливом.

Краем глаза она уловила какое-то движение – черная тень оторвалась от леса и быстро преодолела расстояние до хижины.

В первый момент Ви подумала, что это олень, но уже в следующий миг ее застыла, словно при виде демона. Онемев от ужаса, она наблюдала, как тень приближается к ступенькам, и наконец разлепила губы:

– Эндрю!

Существо с длинными черными волосами захлопнуло дверь и щелкнуло замком. Из хижины долетел крик Эндрю:

– Вайолет!

Тварь повернулась и посмотрела на нее.

Рука машинально потянулась к бедру...

Ви еще не успела подняться, как тень уже слетела со ступенек и устремилась к ней.

Она вскрикнула, вскочила и помчалась в лес. Деревья пролетали мимо, а хриплое, как у загнанного зверя, дыхание заглушало даже шаги преследователя.

Ви бежала и бежала, не оглядываясь, ожидая, что вынырнувшая из темноты рука вот-вот схватит ее за плечо и бросит на землю.

Дубовая роща обратилась чащей.

Вайолет зацепилась ногой за лозу.

И упала, распластавшись на земле.
Где-то вдалеке рыскал, ломая ветки, длинноволосый преследователь.
Потом и он притих.
Вайолет задержала дыхание.
Тишина.
Прислушалась.
Теперь она ясно слышала и его дыхание. Куда более близкое, чем ей казалось.
Только бы лес был таким же непроглядным для него, как и для нее...
Сердце успокоилось, и теперь она слышала, как моргают глаза, – и ничего больше.
Мгновение... другое... И шорох, словно шаги по хрупким листьям.
Вывернув шею, Вайолет оглянулась и увидела тень, осторожно пробирающуюся через чащу. Тень остановилась футах в пятнадцати от нее, за высоким голым кустом между ними.
Поможет ли куст? Скроет ли от него?
Тварь подошла к кусту так близко, что Ви чувствовала ее запах. Ветка под ней хрустнула с оглушающим, как ей показалось, треском.
Монстр вздрогнул и убрал волосы за уши.
Несколько секунд, растянувшихся для нее в часы, он стоял неподвижно, вслушиваясь в тишину леса. Потом повернулся и направился к хижине.
Вайолет осталась лежать, не в силах подняться даже после того, как его шаги слились с другими ночными звуками острова.
Она не хотела ни вставать, ни шевелиться. *Если только я сдвинусь с места, он услышит, вернется, найдет меня и убьет. И все же с острова нужно убираться.*
Еще с час Вайолет пролежала в чаще, моля Бога даровать ей силу, чтобы подняться и идти.

* * *

Минут тридцать Ви пробиралась через лес, но потом вдруг остановилась и села в подлеске. Закрывает глаза и сжала переносицу, стараясь избавиться от адреналина и паники, свести ситуацию к фактам и плясать уже от них. Именно так поступил бы на ее месте опытный коп.

Она несколько раз медленно и глубоко вдохнула, потом снова поднялась и двинулась дальше, отгоняя мысль о том, что впереди у нее

мили и мили пути через чащу.

В полном соответствии с трендом дня, дела шли не лучше, а хуже. Трава и кусты хватали за лодыжки, так что на каждый шаг тратилось секунд по тридцать, и выпутаться из колючего лабиринта становилось труднее и труднее.

Столкнувшись с очередным, особенно цепким и неуступчивым выюнком, она шлепнулась лицом в грязь.

И уже не встала.

Вайолет лежала и плакала. Потом лежала и злилась на себя саму за эти слезы, пытаясь не поддаться отчаянию и не позволить тяжкому бременю этого «чертовски поганого дня» сломать ее. *Не думай об этом. Встань и займись делом, Викинг. Могло быть хуже. Намного хуже. Тебя могли убить. А теперь... Вставай.*

Преодолевая себя, она поднялась и побрела дальше. Обессиленная. На грани срыва.

Еще десяток шагов... Еще... И Вайолет вырвалась из чащи. Из давящих, обступающих со всех сторон зарослей на растянувшееся вширь открытое пространство с далекими дюнами, из-за которых ветер приносил соленый запах моря. Призрачные черные растения поднимались из солончаковой почвы – сформированные солью скульптуры, загадочные и демонические, как свидетельства случившегося ядерного апокалипсиса. С севера на юг равнина расстилалась насколько хватало глаз, от горизонта до горизонта, ботинки утопали в грязи, и ветер холодил спину. Вайолет бежала, активно работая руками и хватая ртом воздух. За тонкой, рваной паутинкой облаков вынырнул рожок луны.

Ясная ночь принесла холод. Звезды вспыхивали то здесь, то там, а Вайолет все бежала – строго вперед, к невысокой гряде дюн, хотя о том, что это дюны, она даже не догадывалась. Не знала, что за ними лежит море, не знала, что пересекает береговую линию. У Вайолет, прожившей всю жизнь на континенте, знания о море ограничивались Гранд-Стрендом в Мертл-Бич. Буфетами с морепродуктами «Все-Что-Вы-Можете-Съесть». Забрызганными грязью киосками с лимонадом. Бипланами, растягивающими рекламные баннеры поперек выцветшего денима неба. Обрюзгшими телами. Пивом «Корона» с лаймом и зонтиком за 25 долларов в день. Вечерними прогулками по пляжу с Максом, туманным мерцанием отелей, отмечающим изгиб южнокаролинского побережья.

Вся суть лета. Каждая последняя неделя июля. Вот что такое берег и пляж.

Здесь берег был совсем другой. Дикий. Отсюда не вернешься в мотель,

чтобы посмотреть телевизор.

Дюны были уже близко. Полынь и песколюб цеплялись за склоны песчаных холмиков, причудливо белевших в лунном свете.

Забравшись наверх, Вайолет увидела море, мерцающее, пенящееся, накатывающее на берег и отступающее. Даже после всего случившегося за последние восемь часов зимняя красота этого заброшенного побережья очаровала ее.

По выровненному прибоем и затвердевшему склону она спустилась вниз, на песок. Весь берег был покрыт раковинами моллюсков и панцирями крабов, водорослями, раздавленными морскими ежами и серыми деревяшками, жертвами северо-восточного ветра.

Ветер дул, сметая шапки песка и гоня белую пургу у нее между ног. Шорох этого песка заглушал даже шум моря.

На севере мелькнул свет.

Полной уверенности не было, но источник света, похоже, находился на берегу.

Смертельно уставшая, Вайолет направилась на свет – сначала шагом, потом бегом. Под ногами хрустели раковины, от песка слезились глаза. Сил могло и не хватить. Если источник света не приблизится, если окажется, что это маяк Окраоука и до него несколько миль да еще залив, то придется найти тихое местечко у подножия дюны, свернуться калачиком и проспать до утра. Утром ситуация предстанет в ином свет. Не такой сюрреалистической.

Через какое-то время свет, к которому стремилась Вайолет, погас, но теперь она уже видела его источник.

Неподалеку, на мягком песке, куда не долетали брызги прибоя, трепыхалась под ветром белая палатка.

Глава 47

Подойдя ближе, Вайолет услышала голоса. На песке лежал «Бостон уэйлер», оснащенный небольшим внешним мотором. Ярдах в пятидесяти от берега, за линией прибоя, на тихой воде покачивалась яхта.

У входа в палатку Вайолет остановилась и прислушалась. Вжикнула «молния» спального мешка.

– Я поставил возле тебя ведро, – произнес мужской голос. – Почему бы тебе не постараться воспользоваться им?

– Я в порядке. Просто не могла больше оставаться на яхте и... –

Женщину вырвало.

– Черт побери, Глория.

Глорию снова вырвало. Она застонала.

– Я вынесу ведро.

Ви отступила.

Снова вжикнула «молния», и из палатки, держа красное ведро, вышел пожилой мужчина с хохолком седых волос.

– Сэр?

Мужчина вздрогнул и обернулся.

– Господи, ну и напугали же вы меня...

– Всё в порядке, сэр. Я из полиции.

– Сэм, кто там? – донеслось из палатки.

– Оставайся на месте.

– Кто там?

– Черт возьми, Глория! Я же сказал, оставайся на месте!

Вайолет шагнула вперед. Мужчина затянул пояс халата.

– Сэр, меня зовут Вайолет Кинг. Я – детектив из Дэвидсона, Северная Каролина. Могу я воспользоваться вашим сотовым?

– Что вы здесь делаете?

– Это долгая история. Мне необходим телефон.

– Здесь нет связи. Я всю ночь пытался дозвониться...

– Это ваша лодка?

– Да, а что?

Вайолет взглянула на яхту.

– Сэр, мне нужно, чтобы вы доставили меня на Окраоук.

– Что?

– Будь это дорога, я бы реквизировала ваш «Лексус». Извините, но случай чрезвычайный.

– Сэм, что там происходит? – снова вмешалась Глория.

– Да помолчи же хотя бы минуту! – Сэм взъерошил пальцами волосы. – Мэм, мы только-только прибыли сюда. Собираемся ложиться. У моей жены последние двенадцать часов морская болезнь. Каждые пять минут ее выворачивает наизнанку.

– Понимаю, но...

– Мы идем от Джексонвилла к Норфолку. Утром, с первым светом, подбросим вас куда надо.

– Мне нужно было быть там час назад.

– У вас есть жетон?

– Номер моего жетона шесть-ноль-девять-два. И я не могу позволить

себе...

– У вас нет жетона? Откуда же мне знать, что вы – коп?

Ви отступила на шаг, села на песок и опустила голову на колени. Сон мог одолеть ее в считанные секунды.

– Сэр, вы не представляете, какой у меня был день.

– А вы не понимаете, о чем просите. Хотите, чтобы я отвез вас на Окраоук? Сейчас? Посреди ночи? Через тот мелкий залив? Послушайте, мы подошли так близко только для того, чтобы доставить Глорию на сушу.

– Ваша жена может остаться, но вы отвезете меня на Окраоук прямо сейчас. И это не просьба.

– На острове что-то случилось?

– Я не собираюсь в это вдаваться. Вы просто...

– И все же, милочка, вам придется рассказать мне кое-что.

Ви поднялась.

– Хорошо. Эндрю Томас – слышали о нем? Серийный убийца. Он находится сейчас на этом острове. Мне нужна помощь. Мне нужен...

– Вот черт.

Сэм посмотрел на ведро, отошел к дюнам и выплеснул блевотину на песок. Вернувшись, он сказал:

– Вам лучше оказаться той, кем вы себя называете. Я потратил на эту яхту треть пенсии, и если моя супруга посадит ее на мель в заливе Окраоук, властям штата придется возместить мне ущерб. – Он повернулся и просунул голову в палатку: – Одевайся, Глория. Мы возвращаемся на яхту.

– Что за чертовщина!

Глава 48

Прижавшись друг к другу, мы сидели в углу. В полной темноте.

– Он подсыпал что-то в кувшин с водой, да?

– Думаю, что да. Господи, если я встану сейчас, то точно вырублюсь.

Сжимая в руке «Смит-и-Вессон», я поднялся на ноги.

Голова тут же пошла кругом.

Пошатываясь, я добрал до разбитого окна и выглянул наружу.

– Больше не могу, засыпаю, – прошептала Бет.

Дубы, казалось, мерцали в свете молодой луны. Их уродливые, переплетенные ветви потрескивали голубыми огоньками. Окружавшая хижину болотная трава замерла, словно схваченная морозом. Я снова

подумал о Вайолет. *Где он оставил ее? Хорошо, если все случилось быстро.*
Мысли расползались.

Бет снова позвала меня по имени, и оно прозвучало странно и непонятно – «Энэнэндидиди...»

Я повернул голову – привалившись к стене, она уже не шевелилась.
– Энэнэндидиди...

Только теперь до меня дошло, что Бет потеряла сознание.

Я снова посмотрел в окно.

Голос принадлежал мужчине и доносился снаружи.

У края чащи метнулась тень. Бледное лицо сверкнуло в темноте, словно луна.

Лютер.

Лицо оторвалось от леса и двинулось к хижине.

Я прицелился в окно, а потом понял, что в руке у меня нет никакого оружия. «Смит-и-Вессон» лежал на полу под ногами.

Я наклонился и почувствовал, что ноги стали ватными.

Меня качнуло назад и бросило на стол.

Загремели тарелки.

Я лежал на спине. Шаги уже гремели по ступенькам.

Сознание вытекало, как вода из раковины.

Щелкнул замок. Дверь распахнулась.

Я отключился.

Глава 49

Едва ступив на борт спортивной яхты «Ребекка», Вайолет мгновенно поняла, почему у Глории болезненно-зеленое лицо. Море веселилось, и яхта раскачивалась так, что ухватиться за перила ей пришлось сразу же, как только нога коснулась тиковой палубы. К тому времени, когда Ви выпрямилась и пришла в себя, лодка уже прошла половину пути к берегу. Супруга Сэма сбежала на берег и вытащила лодку на сушу, подальше от воды. Пока что Глория не сказала Вайолет ни слова и лишь одарила испепеляющим взглядом. Муж умолял ее остаться на яхте и не подвергать свою жизнь опасности на острове, где укрывается серийный убийца, но Глория на уговоры не поддавалась.

– Невозможно. Надеюсь, он найдет меня и разрежет на тысячу кусочков. В любом случае это лучше проклятой тошноты.

И вот теперь Сэм провел гостью через стеклянную стену,

открывающуюся с задней палубы в салон, где она села на краю L-образной софы и огляделась. Повсюду вишневое дерево. Итальянская кожа. Плоскоэкранный телевизор. Бар. Широкие окна по левому и правому бортам.

Ви представила солнечный день в открытом море и вид из окна: небо на многие мили, зеленая вода и ничего больше.

Из нижней каюты выглянул голый по пояс помощник капитана по имени Педро.

– Глория не с нами? – спросил он.

– Вернулась на берег. Давай, трогай. Знаешь залив Окракоук?

– Знаю. Там сегодня плохо. Там каждую ночь плохо. Нехорошая мысль.

– Знаю, Педро. – Сэм посмотрел на телевизор. – Но ничего не поделаешь.

Помощник поднялся в рулевую рубку.

– Телефон здесь есть, – сказал Сэм. – Я наверху, с Педро. Если не сядем на мель, будем на месте минут через двадцать.

Проходя через камбуз, он включил дополнительный свет и исчез, поднявшись в рубку по винтовому трапу. Через пару секунд заработал двигатель – казалось, в каком-то изолированном углублении в корпусе забурлила приглушенно вода.

Едва яхта тронулась, как желудок дал крен.

Вайолет подняла и положила телефон.

Потом опустила голову и, накрыв лицо ладонями, несколько раз глубоко вдохнула.

Снова взяла телефон и первым делом набрала домашний номер сержанта Маллинса. Прежде чем разговаривать с другими (911, Береговая гвардия), стоит посоветоваться с ним. Он скажет, как лучше действовать дальше.

– Алло? – ответил сонный голос.

– Привет, Гвинн, это Ви. Извини, что беспокою так поздно, но мне нужно поговорить с Барри. Дело...

– Барри на вызове, только что ушел. У него самоубийство.

– О... Ладно, позвоню на пейджер. Спасибо.

Ви дала отбой.

У нее дрожали руки.

За переходной лестницей виднелись отдельные каюты.

Ее не оставляло ощущение сюрреалистичности происходящего. Жестокость, страх и вдруг – роскошь.

Она подумала о Максе и едва не позвонила ему. Звук его буднично мягкого голоса наверняка сломал бы ее пополам. Надо сбросить с себя этот кошмар, пока он не разрушил ее.

Снова взяв телефон, Вайолет поймала себя на том, что не знает номер яхты, и поднялась, но не успела сделать и пары шагов к лестнице, как ее накрыла волна тошноты.

Она едва успела добраться до камбуза, где и отправила в раковину ланч. Повернув кран, смыла блевотину и побрызгала водой на лицо. Держась за столешницу, минут десять стояла над раковиной с закрытыми глазами, дожидаясь, пока тошнота пройдет.

Желудок наконец успокоился. Вайолет направилась к трапу, но натолкнулась на торопливо спускающегося из рубки Сэма.

– Мы на месте. Быстрее. Мне нужно вернуться к Глории.

Ви прошла за ним на заднюю палубу. Луна открылась полностью и заливала светом бухту. Стало заметно холоднее.

Сэм подал руку и помог пассажирке подняться на причал.

– Спасибо, сэр, – поблагодарила она. – Понимаю, что причинила вам большое неудобство. Надеюсь, Глории станет лучше.

Сэм закатил глаза и вернулся на палубу.

Шагая по причалу, Вайолет услышала, как снова заработали спаренные дизельные двигатели. Она оглянулась – яхта уже выходила из бухты.

Дойдя до Силвер-Лейк-драйв, детектив остановилась.

Сэм высадил ее возле заброшенного пункта Береговой гвардии и паромного причала.

Огни Окраоука отражались в холодной воде моргающим блеском. Близилась полночь, а ключа от номера в «Харпер касл» у нее не было.

Придется кого-нибудь разбудить.

Она бы побежала, но сил хватило только на то, чтобы едва переставлять ноги, еще горевшие после спринтерского забега по прибрежной полосе. Идя по двойной желтой, Ви думала об Эндрю Томасе – доживет ли он до их следующей встречи.

Возвращение на Окраоук переполняло ее радостью. Ощущение безопасности было почти осязаемым. Ее окружали семьсот спящих жителей поселка.

Она даже вознесла Богу благодарственную молитву.

И тут ее догнал автомобиль.

Отступив на обочину, детектив увидела старенький пикап, медленно подъехавший сзади с урчащим двигателем.

Скрипнули тормоза. Машина остановилась.

Стекло с правой стороны опустилось. Сидевший за рулем Руфус Кайт наклонился к окну. Глаза его в темной кабине казались двумя масляными лужами.

– Мисс Кинг? Слава богу.

– Что вы здесь делаете?

– Вас все ищут.

– Кто меня ищет?

– Кто-то видел вас в пабе «Ховардс» с Эндрю Томасом. И теперь вас все ищут. Ну же, садитесь.

Пассажирская дверца открылась.

– Я отвезу вас домой. Мы приведем вас в порядок. Полагаю, вам нужно сделать несколько важных звонков.

– Э, да, нужно, но... Спасибо, я пойду в «Силвер-Лейк-инн». – Она махнула в сторону трехэтажного мотеля на другой стороне улицы. – Не хочу никого беспокоить, но если придется, кого-нибудь разбужу.

– Вам и не нужно никого беспокоить. Садитесь. К тому же, мисс Кинг, в мотеле, по-моему, никого нет.

Его голос звучал как-то странно. Не просто настойчиво...

В кузове грузовичка что-то зашуршало.

– Послушайте, спасибо за приглашение, но...

С лежака в кузове пикапа поднялась, помахивая деревянной колотушкой, Максин Кайт. Ви уже отступала, готовясь, если понадобится, рвануть прочь, когда старушка огрела ее молотком.

Колени подкосились, и Вайолет грохнулась щекой на холодный асфальт. Кровь пробежала по веку, по переносице, скатилась по губе и протиснулась между зубов. Детектив слышала, как скрипнула дверца, увидела вышедшего на дорогу Руфуса, его приближающиеся ноги и еще успела спросить себя, не означает ли пульсирующая у основания черепа слабость, что она умирает.

Вайолет перекатилась на спину.

Сглотнула кровь.

Ощутила вкус жидкой ржавчины.

Над дорогой висели тонкие, как паучьи лапки, ветви дуба. Между ними местами просвечивало небо – безоблачное, черное, заполненное звездами.

Максин и Руфус Кайт стояли над ней, взявшись за руки, и улыбались.

Затрещал уоки-токи.

Руфус достал рацию из заднего кармана и нажал кнопку:

– Да, сынок, она у нас. Увидимся дома.

Мозг послал в руку сигнал – расстегнуть пончо и достать оружие, – но потом Ви вспомнила, что оружия нет. Да и рука не двигалась.

– Вот что значит «огребла», – хмыкнул Руфус и, чмокнув жену в щеку, склонился над Вайолет. – Губы шевелятся. Давай, красавица, врежь-ка ей еще разок.

Сладенький & Красавица

*Однако там, наверху, есть запертая комната
с железной дверью,
Которую нельзя открыть.
Там – все твои ночные кошмары.
Это – ад.
Некоторые говорят, что дьявол запирает
ее изнутри.
Некоторые говорят, что ангелы запирают
ее снаружи.
У людей, сидящих внутри, нет воды,
И им никогда нельзя прикасаться друг к другу.
Они трещат, будто щебень.
Они – немые.
Они не кричат о помощи,
Разве что внутри,
Где черви ползают по их сердцам.*

Энн Секстон «Запертые двери»

Глава 50

Четыре дня спустя

В понедельник, в десять часов утра, Хорас Бун сидел, откинувшись на спинку стула, прихлебывая кофе из огромной чашки и наблюдая сияющее восхождение солнца над Внешними отмелями. Словно под точильным камнем в безоблачном небе проступал ноябрьский кобальт.

Посидеть в теплом, залитом солнечным светом уголке «Окраоук кофе компани», среди запаха свежих кофейных зерен и ароматной выпечки, шороха газетных страниц и негромких разговоров посетителей соседнего «Джава букс» – какое прелестное было бы утро...

Но Хорас пребывал в печали.

Прошло четыре дня с тех пор, как у него на глазах Эндрю Томас поднялся на борт моторки с симпатичной молоденькой блондинкой и вышел из бухты Силвер-Лейк в направлении залива. Хорас ждал и ждал, не сводя глаз с ветрового стекла, а небо между тем безжалостно поливало

остров холодными потоками дождя. Прошел час, и «Айленд хоппер» вернулся, но уже без пассажиров.

Близилась ночь, но парочка так и не объявилась, и тогда Бун вернулся в «Харпер касл», поужинал и лег спать.

В пятницу утром он первым делом отправился на пристань. «Джип Чероки», на котором приехали Эндрю и блондинка, исчез. Хорас метнулся к пабу «Ховардс», но и арендованного Томасом «Ауди» на месте не оказалось.

Сидя за рулем взятой напрокат крохотной белой «Киа», Хорас почувствовал, как катятся по щекам горячие слезы. Всего лишь несколько дней назад казалось, что судьба назначила ему написать историю Эндрю. Он даже проследил за ним от Хейнс-Джанкшн, Юкон, до международного аэропорта в Денвере, а это почти три тысячи миль.

Там, в Денвере, Хорас потерял Эндрю и потом в отчаянии прождал его весь уик-энд у платных телефонов в фудкорте терминала В, проклиная себя за то, что спустил все сбережения на столь смехотворное предприятие. Взирая на поток путешественников, он решил вернуться в Анкоридж, принести извинения профессору Байрону и получить магистерскую степень. Последний год его жизнью управлял двадцатичетырехлетний мегаломаньяк, вообразивший, что напишет книгу об Эндрю Томасе и тем станет знаменит.

Собрав рюкзак и поднявшись со стула, Хорас Бун в последний раз обвел взглядом терминал и замер в изумлении – тот, кого он упустил, спускался по эскалатору. В следующий момент Эндрю Томас прошел мимо, снял трубку телефона и, стоя спиной к Хорасу, начал звонить.

Поначалу все происходящее показалось будущему писателю галлюцинацией, но Томас не исчезал. Сначала он позвонил в департамент транспорта Северной Каролины и осведомился о расписании паромных рейсов в некий пункт под названием Окраоук-Айленд. Если у Хораса еще оставались какие-либо сомнения относительно невероятной удачи, их развеял второй звонок. Теперь Эндрю заказал номер в отеле «Харпер касл» – на всю следующую неделю. Вот так, в одно мгновение, Хорас Бун вернулся в мир живых.

Добравшись до Окраоука, начинающий биограф целых два дня, среду и четверг, следил за всеми передвижениями Эндрю Томаса по острову: две поездки к каменному домищу у залива, визит в контору «Лодочные туры» Тейтума и магазин «Бабба: Наживка и Снасть», любопытная встреча с симпатичной блондинкой в пабе «Ховардс» и, наконец, убытие обоих с острова на моторке, причем не в самую лучшую погоду.

Очевидно, они вернулись на Окраоук поздно вечером и по каким-то причинам отправились куда-то еще. Возможно, проявив большее терпение, Хорас был бы сейчас с ними, но получилось, что, проделав путь в тысячи миль, он потерял Эндрю на островке у побережья Северной Каролины. Профукал подаренный судьбой шанс. И теперь Эндрю где-то далеко, преследует Лютера Кайта, но эту историю Хорас уже не узнает.

Что и говорить, проспал праздник.

* * *

Бун опустил чашку на столик и взял фиолетовый блокнот с первыми четырьмя главами книги об Эндрю Томасе. Сегодня писать не тянуло. Листая страницы, он заново пережил то волнение, которое испытал, когда нашел Эндрю и, стоя за окном его дома в Хейнс-Джанкшн, наблюдал мастера за работой. Надежда жила с ним по меньшей мере месяц.

Он поднялся из-за стола, полностью отдавая себе отчет в том, что это утро – его последнее на Окраоуке. Но тратить его, как предыдущие три дня, на бесплодные поиски «Ауди» Эндрю и «Чероки» блондинки он не станет. Сегодня он испытает последний шанс – и в случае неудачи (а так оно, скорее всего, и случится) возвратится на Аляску, попросит у родителей немного денег и никогда больше не соблазнится на безрассудства и глупости.

Глава 51

Бет и Вайолет заворочались – начинался наш четвертый светлый период.

Свет проникал через трещину в камне и косым лучом пронзал тьму. В пыльную полосу попадали и около часа оставались в ней наши несчастные лица.

Мы сидели друг против друга в холодном каменном помещении, с наручниками на запястьях, прикованные цепями к железному D-образному кольцу в каменном полу возле наших ног.

Дверь открывалась в темный коридор, через который до нас доносились тревожные звуки: стук молотка и безостановочное, как нам казалось, жужжание дрели.

Я поднял голову.

В сумеречном свете было видно, что женщины тоже пришли в сознание.

Рядом с Вайолет по камню стекала струйка воды.

Под ногами у меня через овальное пятно дневного света ползли два таракана.

Напряженное, безнадежное молчание лежало на нас неподъемным камнем.

Бет тихонько плакала, как бывало всегда при появлении света.

Вайолет держалась стоически. На левой стороне ее лица темнела засохшая полоска крови.

Говорить было не о чем.

Мы просто смотрели друг на друга – три несчастные души в преисподней, ждущие прихода тьмы.

Глава 52

Лютер просверлил последнюю дырку в правом подлокотнике. Руфус еще прикручивал кожаную петлю к левой передней ножке стула. Поскольку работать приходилось с дубом и шуруп отказывался крутиться, старик налегал на инструмент.

– Выглядит неплохо, мальчики.

Максин остановилась в узком дверном проеме, держа в каждой руке по стакану с лимонадом. Свет от единственной голой лампочки подчеркивал глубокие морщины на ее лице. Стекляшки на груди ярко-пурпурной толстовки складывались в девиз «Мое Сердце Принадлежит Иисусу».

Мужчины, отец и сын, положили инструменты на земляной пол. Руфус крикнул, поднимаясь на ноги, а подойдя к жене, запечатлел на ее лбу поцелуй. Ее большие черные глаза – единственная не выдававшая возраста черта – вспыхнули.

– Да благословит Господь твое сердечко. – Взяв у нее стакан лимонада, Руфус отошел и плюхнулся рядом с сыном, спиной к холодному камню.

Они выпили.

Максин вошла в комнатку и опустилась на стул.

– Ззззззз! – Старушка потрясла головой и рассмеялась.

– Красавица, ты расшатаешь этот стул, и нам придется привязать тебя к нему по-настоящему.

Допив лимонад, Лютер отставил стакан.

– Мама, что у нас на ужин?

Максин встала, подошла к сыну, сжала его лицо ладонями.

– Что угодно для моего мальчика. Чего он желает?

– Вареные креветки.

– А ты поможешь мне очистить их?

– Да, мам.

Максин легонько похлопала его по бледным впалым щекам и забрала пустые стаканы.

– Я думала, ты займешься машинами, Эндрю и той девочкой-детективом.

– Сегодня утром я перегнал обе на стоянку возле мотеля «Пони-айленд».

– А... Хорошо. Но позвольте спросить, сколько ж еще времени вы потратите на этот стул?

Руфус, поднявшись, убрал назад седые пряди.

– Подожди-ка, красавица. А разве это не пустая трата времени – проводить несколько часов в кухне, чтобы приготовить скромный обед? Представь, что мы здесь готовим изысканное блюдо. На него уйдет чуть больше времени, но оно того стоит. И дело это не на один раз, а, считай, на века. К тому же мне просто нравится. Работать с моим мальчиком. Создавать воспоминания.

– Ладно, пойду покормлю наших гостей, – сказала Максин, – дам им сделать свои дела... Занятно, Эндрю все еще думает, что у меня старческое слабоумие. Вот как убедительно сыграла.

Она вышла в темный коридор.

Руфус подал Лютеру руку, помог подняться.

– Всё в порядке, сынок. Вот прикрутишь к подлокотникам те медные штуки, и на сегодня хватит. А я помогу вам с мамой почистить креветки.

* * *

Уникальность этого стовосьмидесятишестилетнего дома заключалась в том, что огромное количество помещений нижнего этажа находилось на высоте в несколько футов над землей для защиты их от затоплений при северо-восточном ветре и ураганах. Соответственно подвал со времени постройки дома множество раз оказывался под водой.

В 1830-х он использовался для размещения рабов.

На рубеже веков там жила прислуга.

В 1920-х подвал превратился в один из самых больших винных

погребов Северной Каролины.

Десять лет назад в некоторые комнаты и коридоры Руфус провел электричество.

Остальные помещения освещались свечами либо не освещались совсем.

В одной из комнат вся каменная стена, от потолка до пола, была покрыта черной копотью.

В другой на камне сохранились бордовые пятна.

* * *

Хотя Лютер и провел здесь немало времени, он по-прежнему часто теряется, особенно когда уходит от помещений вблизи лестницы и ступает в лабиринт коридоров с винными стеллажами, сооруженными восемьдесят лет назад. Кое-где, в укромных уголках, еще попадаете битое стекло и куски пробки. Сейчас Лютер беззвучно идет по темному коридору, касаясь стены кончиками пальцев. Родители наверху заняты приготовлением ужина, и он планирует присоединиться к ним в самом скором времени.

Пальцы нащупывают наконец брешь в стене – это ниша, где ждут женщины и Эндрю.

Лютер останавливается, прислоняется к камню, слушает.

Все молчат. Слышно только дыхание да лязг цепей.

Блондиночка прикована лицом к дверному проему. Может быть, он придет сюда завтра в светлое время и понаблюдает за ней скрытно, из тени. Впрочем, ему достаточно просто знать, что она там, близко, делит с ним одну тьму.

Глава 53

Хорас Бун свернул с Килл-Девил-роуд и припарковался на песочке за кустом рвотного чая. Пошарив по заднему сиденью, он нашел фонарик, купленный чуть раньше в магазине рыболовных принадлежностей Баббы.

Часы показывали около десяти вечера. Заканчивался очередной, холодный и ясный, ноябрьский понедельник, и небо казалось молочным от высыпавших звезд – такого в последние три года он точно не видел. Сунув в рюкзачок свой драгоценный фиолетовый блокнот, Бун выбрался из машины, захлопнул дверцу, вышел на дорогу и без проблем растворился в

темноте – в своих черных джинсах, туристических ботинках и шоколадного цвета флисовом пуловере.

* * *

Ночь выдалась безветренная; первый убийственный холод приближающейся зимы выбелил былинки травы и кусты. Хорас Бун прошел мимо почтового ящика, поднялся по подъездной дороге под аркой из переплетшихся ветвей дуба и свисающих с них гирлянд испанского мха, за которыми пряталось звездное небо. Он хотел уже включить фонарик, но потом решил, что благоразумнее будет прибыть, не объявляя о себе заранее. Пройдя рощу, Бун увидел перед собой темную громадину дома Кайтов – с осыпающейся каменной кладкой и оранжевыми прямоугольниками освещенных окон, – словно выгравированную на черной воде залива. Эндрю Томас приходил сюда дважды за прошлую неделю, предположительно в поисках Лютера Кайта. Прежде чем навсегда покинуть Окраоук и забыть свою мечту, почему бы не взглянуть на дом самому? Хорас вдруг ощутил необъяснимую тягу сделать это сейчас.

Прокравшись вдоль периметра дубовой рощи, он оказался перед боковой стеной дома. Двор зарос высокой, по пояс, травой. Бун опустился на землю и пополз вперед, чувствуя, как ледяные пальцы царапают щеки.

Поднявшаяся из-за деревьев луна осветила залив.

Возле угла большого каменного дома Хорас дотронулся ладонью до гранита, словно пушком, покрытого подмороженной плесенью. Еще два шага, и ему удалось, привстав, заглянуть в высокое и узкое окно. Комната за окном была пустая и темная. На книжных полках не осталось книг. В дальнем углу пламенели угли.

Он прокрался к другой стороне высокого, со ступенями, крыльца и опустился на колени под единственным освещенным окном на всем первом этаже.

Ночь старилась молча.

Хорас Бун коротко взглянул на звезды; в сырой южной прохладе его дыхание поднималось клубочками пара.

Отдохнув и обретя второе дыхание, он повернулся и посмотрел на дом. Потом медленно поднялся, подтянулся к внешнему подоконнику и заглянул внутрь. Заглянул – и тут же отпрянул, прижался спиной к камню и мысленно воспроизвел увиденное: гостиная в свете камина, старая, разваливающаяся мебель и бледный мужчина с длинными черными

волосами, сидящий на диване напротив окна и глядящий через окно в никуда.

Услышав шаги, Хорас еще раз заглянул в окно. И как раз вовремя. Длинноволосый вышел из комнаты и остановился возле лестницы, потом взял что-то со стены, вытянул руку, открыл маленькую дверь и шагнул в крошечную тьму.

Осознание пришло двумя секундами позже – нет, не пришло, прилетело и, словно дубинкой, вlepило ему между глаз. Хорас вспомнил рукопись Эндрю «Пустошь» и описание человека с длинными черными волосами и бледным, «как задница ребенка», лицом.

Бун улыбнулся, но страх умерил волнение – он нашел-таки Лютера Кайта.

И тут его осенило.

Что, если Эндрю никуда не делся с острова?

Что, если он и блондинка, что была с ним, мертвы?

Хорас сел на траву в тени дома Кайтов. Двадцать минут он смотрел, как поднимается в небо луна, и размышлял, какой путь выбрать. Безопасный – уйти, не задерживаясь, и связаться с полицией; или рискованный – пойти напролом и, может быть, прославиться.

К тому времени, когда длиноволосый появился из двери под лестницей, решение созрело. Хорас видел, как Лютер тяжело поднялся по ступенькам, а секундой позже на втором этаже погас последний свет. Теперь во тьму погрузился весь дом, и только в гостиной догорал камин.

Хорас поднялся, неслышно пробрался к крыльцу и, не чувствуя под собой ног, взошел на четыре ступеньки. Колени его дрожали, и тем не менее он потянулся к ручке. Та повернулась, но дверь не открылась. Хорас налег на нее и даже толкнул плечом, но она не поддалась.

Он вернулся во двор и пробежал по траве вдоль боковой стороны дома. От каминной трубы несло запахом дыма. Окон на северной стене не было – только сплошной, подпирающий небо серый гранит. Луна поднялась достаточно высоко, и ее болезненно желтый свет заливал весь задний двор. Залив Памлико вытянулся перед ним черной трещиной, молчаливый и гладкий, как вулканическое стекло.

Хорас прошел к заднему крыльцу, поднялся по ступенькам к задней двери и заглянул через сетку и стекло в кухню. Сетчатая дверь поддалась легко. Ручка второй, внутренней, двери не повернулась, но сама дверь дрогнула. Он приложился к ней плечом, и она распахнулась.

Переступив порог, Хорас осторожно закрыл за собой дверь.

Впечатление было такое, что во всем доме не горит ни одна лампочка.

Тишину не нарушал ни малейший звук.
В кухне пахло укусом и сырой рыбой.
Хорас сделал полшага вперед. Под ногой скрипнул треснувший линолеум.

Еще три шага вперед, и он вышел к пересечению двух коридоров, один из которых шел к передней двери, а другой, пересекая весь этаж, – к той комнате, где в камине догорали угольки.

Осторожно ступая по пыльным половицам, Хорас двинулся по тому коридору, который вел в переднюю мимо лестницы.

Что-то хлопнуло.

Он вздрогнул и замер на полушаге.

Всего лишь камин, где упало прогоревшее полено.

Хорас вошел в гостиную, остановился перед камином и протянул руки к поднимающему теплу. На стенах и потолке играли тени. Мягко шипело пламя. Даже сквозь запах дыма пробивался запах возраста и запущенности.

Повернувшись спиной к камину, он нацелил взгляд на лестницу. Любопытство тянуло его туда, в переднюю, уводило от тепла и света.

Хорас сам не заметил, как оказался в темноте под лестницей, перед низкой запертой дверью. Он вынул из кармана фонарик, осветил и обнаружил врезной замок.

Я видел, как Лютер снял что-то со стены.

Луч скользнул по периметру двери. Справа от косяка висел на гвозде сверкающий ключ.

Хорас снял ключ и вставил в замочную скважину.

Дверь открылась внутрь, а из темноты повеяло холодом и сыростью.

Кроме холода и сырости обволокший его поток воздуха принес запахи камня, плесени и воды, словно он стоял у входа в пещеру. Луч фонарика еще не разрезал темноту, но сомнений уже не осталось: дверь вела куда-то вниз, в некое помещение под домом Кайтов.

На руках зашевелились и поднялись волосы, и в голове сработала некая древняя охранная система, но Хорас, ошибочно приняв ужас за выброс адреналина, шагнул во мрак – хотя бы потому, что никогда еще не чувствовал себя таким живым.

Глава 54

Луч фонарика прыгал по шатким ступенькам, и они скрипели так, словно сам Господь шел по ним. Всего их было двадцать две, и чем ниже

он спускался, тем холоднее становился воздух; к концу спуска дыхание уже стелилось в луче света пыльными полосами пара.

Вот и земляной пол. Бун посветил вверх. Дверь в конце лестницы казалась недостижимой. Тишина и мрак наполняли подвал. Хорас представил, как утром будет сидеть за столиком в кафе, возле окна со струящимися лучами раннего солнца. Эту сцену он опишет за кофе. Вот это будет замечательно. И совершенно безопасно.

Пытаясь сориентироваться, Хорас описал широкий полукруг. Увиденное дернуло нервы: двери в никуда, каменные коридоры, разбегающаяся по стенам проводка. Он поежился, отступил от лестницы и посветил в самый широкий коридор, уходивший от лестницы в казавшуюся бесконечной темноту.

Войти в этот туннель мог только сумасшедший, и в какой-то момент им овладело сильное желание подняться по ступенькам, вернуться в кухню и выйти в освещенный луной задний двор. Уют и комфорт его номера в «Харпер касл» манили как никогда сильно, но он все же удержался, стиснул фонарик и сделал первый шаг в коридор.

Хорас шел неторопливо, посвечивая во все стороны и под ноги. Чем дальше, тем уже становился туннель.

Минуя дверной проем, он повернул фонарик и успел заметить большой дубовый стул на стадии завершения – с болтающимися проводами и кожаными петлями.

От увиденного перехватило горло, так что пришлось прислониться к стене и перевести дыхание.

Когда его собственные хрипы стихли, он прислушался.

Где-то вдалеке, за эллипсом света, капала вода.

За спиной что-то шевельнулось, и он мгновенно обернулся, разрезав темноту лучом фонарика.

Ничего и никого, но звук повторился.

Луч упал на пол, и Хорас увидел припавшую к полу жирную крысу, крохотные, словно светящиеся бусинки, глаза которой сверлили его взглядом.

В какой-то момент она сорвалась с места и метнулась к лестнице, а Хорас двинулся в противоположном направлении. Коридор поворачивал, разветвлялся и снова поворачивал и разветвлялся, проходя через ниши и комнаты: одну – с низким потолком и пустыми винными стеллажами, другую – с обгорелыми и потрескавшимися останками деревянной кровати. Во всех помещениях и коридорах сохранялось неприятное ощущение присутствия чего-то страшного. Хорас чувствовал, что здесь происходило

нечто ужасное.

Достигнув еще одного угла, он понял, что потерял ориентацию. Подвал, казалось, простирался за пределы дома, и найти путь назад представлялось сомнительным.

Хорас остановился на углу и посветил вперед. Дальности луча хватило футов на пятнадцать.

Ледяная капля упала на волосы.

Он поднял голову.

Другая шлепнулась на нос.

Хорас вытер лицо и двинулся дальше.

А секундой позже оказался у очередной развилки.

Он снова остановился, оглянулся, стараясь вспомнить, сколько раз и куда поворачивал, и теперь уже твердо решил вернуться к лестнице и выйти из дома.

Какой-то звук привлек его внимание. Перед ним было два туннеля, и звук доносился из левого. Это не была ни крыса, ни капающая вода.

Направив луч в туннель, Хорас подумал, что свет как будто ослаб, стал мягче, размытее.

Он шагнул на звук.

Коридор был прямой и узкий, и звук становился громче и яснее – металлическое бряцанье.

Впереди и справа, футах в десяти, появился дверной проем.

Бряцанье исходило оттуда.

Хорас выключил фонарик и сделал несколько шагов в темноте, ведя руку по камню.

Стена кончилась.

Звяканье прекратилось.

Бун переступил порог. *Может, показалось.*

Нога ударилась обо что-то.

Движение вниз...

Снова звяканье... железная цепь и камень...

Он включил фонарик.

Луч вырвал из темноты испуганные лица двух женщин и Эндрю Томаса. Руки их были скованы наручниками, а цепи от наручников шли к железному кольцу в полу.

Все трое выглядели не лучшим образом – грязные, в синяках, с запекшейся кровью лица, подавленное выражение. Но они дрожали от холода и были вполне себе живы.

Шокированный, Хорас попятился и осторожно улыбнулся.

Богач... герой... писатель... знаменитый...

– Кто вы? – спросил Эндрю Томас.

Хорас прижал палец к губам и, опустившись на колени, прошептал:

– Меня зовут Хорас Бун. Я пришел, чтобы вывести вас отсюда.

Одна из женщин расплакалась. Другая спросила:

– Вы из ФБР?

Хорас покачал головой.

– Мне знакомо ваше лицо, – сказал Эндрю.

– Я следил за вами от Хейнс-Джанкшн. – Хорас посветил на наручники на запястьях пленника.

– Вы за мной следили? Но как вы меня нашли?

– Давайте поговорим об этом, когда будем в безопасности. Прежде всего, я не представляю, как избавиться от этих штук. – Он постучал по наручникам.

– Одну руку я вытаскивала, а со второй не получилось, – сказала женщина, которая плакала.

– Вот что, Бун, – прошептал Эндрю. – Мы здесь слышали и молоток, и пилу. Посмотрите, может, найдете топор или что-то в этом духе.

Хорас вспомнил, что проходил мимо комнаты с дубовым стулом и разбросанными по полу инструментами.

– Сколько сейчас времени? – спросил тихий, прибитый голос.

Хорас поднял фонарик и посветил в лицо той самой блондинке, которую уже видел с Эндрю.

– Еще и полуночи нет. Так что времени достаточно.

Глава 55

Радость, облегчение, надежда и непонятная веселость овладели им. Хорас Бун бежал по коридору, высматривая комнату с дубовым стулом и понимая, что должен бы бояться, но возбуждение превозмогло тот страх, что сидел в нем с самого начала.

Вывавшись из лабиринта на противоположной от лестницы стороне и нырнув в широкий коридор, он вскоре оказался возле небольшой комнаты с дубовым стулом.

Пошарив по полу слабеющим лучом фонарика, Хорас обнаружил то, что искал в груде инструментов, среди молотков, гаечных ключей, плоскогубцев, гвоздей и шурупов. Подойдя ближе, он наклонился, взял лежавшую на медной пластине слесарную ножовку и поспешил назад, к

лестнице, и уже оттуда – к комнате, где содержались Эндрю Томас и женщины.

И тут свет погас.

Его обступила полная тьма.

Хорас постучал фонариком по камню. Свет вернулся, но слабый.

Он снова прошел весь нелегкий маршрут и прибыл к конечному пункту, допустив лишь одну ошибку.

– Что нашлось? – спросил шепотом Эндрю.

– Ножовка по металлу.

– У Бет одна рука уже свободна, так что перепили сначала ее цепь.

– Держите покрепче.

Бун вложил фонарик в руки Эндрю, подошел к Бет, взял цепь, соединявшую ее наручники с железным кольцом в полу, и, наклонившись, прошептал:

– Откиньтесь назад. Натяните цепь.

Бет натянула. Хорас поднял ножовку и приготовился пилить, но, прежде чем начать, повернулся к Томасу:

– Эндрю, обещаете эксклюзивное интервью, когда мы отсюда выберемся?

Едва сказав это, он почувствовал себя негодяем и пожалел, что не промолчал.

– Вытащите нас отсюда, и я усыновлю ваших детей.

Хорас начал пилить.

Поначалу дело шло плохо – цепь не лежала на месте, и полотно постоянно соскальзывало. Но стоило пропилить в звене бороздку, и дальше дело пошло как по маслу. Первое звено отняло около двух минут, но когда Хорас перешел ко второму, свет снова погас.

– Вот дерьмо.

– Накал был совсем слабый, – сказал Эндрю. – Может, уже и не загорится.

– Я только сегодня поставил новые батарейки.

Томас пощелкал выключателем, и свет вернулся слабым оранжевым мерцанием, достаточным, впрочем, для работы.

Хорас атаковал последнее звено с удвоенной энергией.

Наконец цепь упала, и Бет прислонилась к стене. Второе, левое, запястье оставалось пока в наручнике.

– Кто следующий? – спросил Хорас.

– Займитесь им, – сказала блондинка.

Бун вручил фонарик Бет:

– Светите сюда.

Эндрю натянул цепь.

Минуту-другую Хорас медленно водил ножовкой по звену цепи, но, почувствовав, что пропилил начал углубляться, заработал как сумасшедший. Комнату заполнили металлический визг ножовки и запах нагретой стали.

Распилив первое звено менее чем за минуту, он перешел ко второму, но тут блондинка прошептала:

– Подождите!

Хорас остановился.

Все прислушались.

Откуда-то из подвала доносились скрипучие звуки.

– Что это? – спросила Бет.

У Хораса задрожали руки.

– Кто-то спускается по лестнице. – Он потянулся за фонариком, но тот вдруг погас. – Да чтоб тебя...

Бун пощелкал кнопкой и, когда ничего не случилось, ударил фонариком о камень. Батарейки выпали и раскатились по полу.

– Вам нужно уйти и спрятаться, – сказал Эндрю. – Бет?

– Я здесь.

Шепот в темноте – вот чем они теперь стали.

– Сядьте на пол и держите руки так, как будто вы все еще прикованы.

– Как вы думаете, кто это может быть? – спросил Хорас.

– Неважно. Они все психопаты. Уходите и прихватите с собой ножовку, чтобы ее не увидели.

Скрип прекратился.

Хорас протянул руку, нащупал стену и вышел в коридор. Его окружала полная темнота. Держа руку на стене и оставаясь на левой стороне туннеля, он двинулся в направлении, противоположном лестнице.

Через десять шагов стена закончилась.

Он вытянул обе руки, повернулся и понял, что находится у развилки.

Темнота наплывала волнами, наполнилась фантомными звуками и вспышками света.

Хорас прислушался – голоса, шаги звучали совершенно отчетливо, но могли быть продуктами воображения, эхом бьющегося о барабанные перепонки пульса.

Увидев свет фонаря на камне, он не поверил собственным глазам, но тени казались настоящими, как и неспешные шаркающие шаги, а потом из-за поворота туннеля появился силуэт сгорбленной старухи.

Хорас бесшумно отступил в смежный коридор.

– Мы с Руфусом что-то услышали. – Голос был мягкий, приятный и совершенно обезоруживающий. – Ну-ка признавайтесь, что это было.

– Мы ничего не слышали, – ответил за всех Эндрю.

– Не слышали? – рассмеялась старуха.

Выглянув из-за угла, Хорас увидел ее. Женщина, в домашнем халате и тапочках, остановилась у порога, и свет от фонаря падал на ее изрезанное глубокими морщинами лицо.

– Ну и ну, вот забавно... Прямо-таки шутка года. А чего ж тогда дверь под лестницей открыта? Как такое, по-вашему, могло случиться?

– Мы ничего не слышали, – повторил Эндрю. – Я...

– Теперь уже не важно, – продолжала старуха, – потому что Лютер запер дверь на ключ, и отсюда никто не выйдет. Сейчас они с Руфусом осматривают подвал. Руфус знает его как свои пять пальцев, и темнота ему не помеха.

Старуха повернулась и побрела к лестнице, забрав с собой фонарь и оставив Хораса одного во мраке.

Глава 56

Я проснусь в моей комнате в «Харпер касл».

Там будет тепло.

Там солнце отражается от бухты.

Я оденусь и выйду в прохладное утро.

Я пойду в кафе.

И опишу эту сцену завтра за завтраком.

А если там будет та симпатичная кассирша, заговорю с ней.

Скажу, что я писатель.

Приглашу ее на свидание, потому что я еще никого не приглашал на свидание, а после сегодняшнего чего еще бояться?

Хорас положил ножовку, подтянул лямки рюкзака и сел, прислонившись спиной к каменной стене.

Его била дрожь. Он пытался убедить себя в обратном, но лишь острее сознавал, что сильно-сильно облажался. Испытывать ужас такого калибра ему еще не доводилось. Этот ужас разливался внутри него, как расплавленное серебро. А понимание того, что он пришел сюда сам, окунувшись в это дерьмо по доброй воле, многократно увеличивало страх.

Шаги по земляному полу коридора.

Или показалось?

Хорас поднялся.

Шаги стихли.

Кто-то вздохнул.

Бун наострил уши.

Тьма разверзлась молчанием, которое как будто гудело и звенело, хотя он знал, что это только кровь пульсирует между ушами.

Вверху мигнул свет.

Мигнул так коротко, что Хорас и не заметил бы ничего, если б моргнул в этот миг.

Но он не моргнул.

И в эти полсекунды света увидел стены туннеля, земляной пол, топор и дробовик и, не далее чем в двадцати футах, двух мужчин, старого и молодого, улыбающихся ему.

– Что вы здесь делаете, молодой человек? – послышался голос из темноты.

У него перехватило дыхание.

– Я шел за Эндрю Томасом.

– Кто ты?

– Хорас Бун.

Пока они разговаривали, Хорас медленно отступал назад, в туннель.

– В прошлом апреле я увидел Эндрю Томаса в одном книжном магазине на Аляске. – Он сдержал подступившие слезы. – Потом следил за ним, потому что хочу написать о нем книгу. Клянусь, это всё. У меня есть доказательство – блокнот в рюкзаке. – Голос сорвался.

– Ты пришел сюда пешком?

– Оставил машину в роще, возле вашего почтового ящика. Я всего лишь хочу написать книгу о...

– Ты здесь один?

– Да. Мне очень жаль. Знаю, что не должен был...

– Ну, Лютер, что думаешь? Дадим ему гандикап на старте?

– Черта с два.

В глаза ему вдруг ударил свет.

Он увидел, как двадцативосьмидюймовый ствол пересек луч, и бросился на пол.

Огненно-оранжевая вспышка.

Оглушительное БУМ.

В нос ударил запах пороха, в каменную стену – заряд дроби.

В следующее мгновение Хорас уже вскочил и со всех ног помчался в темноту.

Глава 57

День клонился к вечеру, когда луч солнца прошел через камень.

Бет поднялась на ноги. С ее левого запястья все еще свисали наручники и цепь в шестнадцать дюймов длиной. Несколько часов она пыталась освободить руку – и все без толку.

Босоногая, в одной грязной желтой сорочке, Бет смотрела на Энди и Вайолет.

Прошлой ночью, услышав выстрелы, они все сбились в кучку, гадая, что случилось с тем парнем.

– Иди сюда, – прошептал Энди.

Она опустила на колени, и теперь их лица были рядом.

– Выбирайся отсюда. Это твоя главная задача. Найди безопасное место и только потом постарайся что-нибудь сделать.

Бет кивнула и придвинулась к двадцатилетней блондинке, чей модный черный костюм походил теперь на лохмотья.

– Вайолет, – прошептала она и провела пальцами сначала по ее лицу, а потом по грязным, спутанным волосам. – У вас будет ребенок.

Глаза Ви наполнились слезами.

– Берегите себя, Бет.

Женщина поднялась, вышла в туннель, оглянулась на товарищей по несчастью, которых уже поглощала наступающая тьма, и зашагала по коридору.

Три шага – и полный мрак.

Откуда-то издалека доносился стук молотка. Бет провела рукой по стене. Из темноты докатились осколки смеха, земляной пол холодил подошвы ног. Она подумала о своих детях и тут же поспешила изгнать их из своих мыслей. *Выбирайся отсюда и уходи.*

Она трижды оказывалась в тупике, прежде чем увидеть свет. Он шел из дверного проема футах в двадцати впереди.

Свисавшая с запястья цепь ударилась о каменную стену.

Преодолевая слабость в коленях, Бет прокралась вперед. Голоса зазвучали яснее.

* * *

Руфус осторожно отпустил дубовую рейку, которую пять последних

минут прижимал к спинке стула. По рейке он собирался провести медный провод. Теперь, когда древесный клей застыл, старик отступил в сторону, любуясь своим творением. Грубовато, да, но практично.

Смертельная красота.

Максин, сидя в углу, читала «Дома, в Митфорде».

Лютер склонился над медной пластиной.

– Пап, куда ты подевал слесарную ножовку? Нужно сделать еще один распил, но я нигде не могу ее найти.

– Не видел.

– Мам, а ты ее не трогала?

Максин посмотрела на сына поверх страницы:

– По-твоему, я похожа на ту, которая могла бы воспользоваться...

– Нет, мама, нет...

– Что? – поднял голову Руфус.

Лютер встал.

– Ты не думаешь, что ее мог прихватить наш гость?

– Нет.

– А ты видишь ее здесь? Я не брал. Ты не брал. Мама, черт возьми, уверена, что не брала.

– Следи за выражениями, мальчик.

– Этот хрен, – Лютер посмотрел на мать, – не ушел.

– Красавица, они все были прикованы, когда ты кормила их утром?

– Ничего себе, сладенький... Да я и не помню уже. По правде говоря, не обратила внимания. Да и что за вопрос? Конечно, они были прикованы.

– Стоит пойти и проверить, сынок.

Лютер и Руфус были уже на полпути к месту заточения пленников, когда услышали *динь-дон*.

Совсем недавно дверной звонок подключили к громкоговорителю у лестницы, и теперь отец и сын изумленно посмотрели на него. Громкоговоритель пропел снова.

* * *

Бет замерла, наблюдая за тем, как в коридор выходит семейка Кайтов, и боялась пошевелиться – а вдруг цепь ударится о стену или они услышат ее шаги? И скроет ли ее темнота, если кто-то случайно взглянет в ее сторону?

Вся троица – молодой мужчина, старик и старуха – шли по коридору в

противоположную от нее сторону, ориентируясь с помощью фонаря.

Младший член семьи держал в руке дробовик.

Тьму снова прорезало эхо звонка.

Бет еще успела увидеть, как все трое повернулись и исчезли. Сначала она подумала, что они свернули в другой коридор, но потом услышала шаги.

Поднимаются по лестнице.

Вот и выход, подумала Бет и осторожно последовала за ними.

Глава 58

Дверь открыл один Руфус, и приветливая беззубая улыбка на его лице не дрогнула даже тогда, когда он увидел полицейский жетон. На крыльце стояли двое, и солнце успело заглянуть в их глаза, прежде чем скользнуть за дом и стать лужицей света в заливе Памлико.

Один – тот, что с жетоном, здоровяк – был в костюме от «Джей. Си. Пенни», который давно уже следовало пожертвовать Армии Спасения. Его волосы как будто прихватило морозцем; усы, темные и густые, напоминали конскую гриву. Другой, кудрявый, с глазами обиженного пса, примерно вдвое младше полицейского, между двадцатью и тридцатью, был высок и подтянут, носил джинсы и рубашку в мелкую полоску.

Коп закрыл бумажник и опустил его в карман.

– Мистер Кайт, меня зовут Барри Маллинс. Я – сержант Отдела уголовных расследований в Дэвидсоне, штат Северная Каролина. К вам можно на минутку?

– Разумеется.

Руфус распахнул дверь и отступил в сторону.

Сержант Маллинс повернулся к своему спутнику и прошептал:

– Макс, пожалуйста, подожди меня в машине. Я буду...

Макс вошел в дом. Сержант нахмурился и последовал за ним.

Руфус закрыл дверь. Трое мужчин стояли в полутемной передней. Дом как будто затаился.

– Как насчет стакана охлажденного чая, джентльмены? – предложил Руфус.

Маллинс покачал головой.

– Ваша супруга дома, сэр?

– Она занята делами.

Сержант кивнул в сторону гостиной:

– Поговорим там, мистер Кайт.

* * *

По пути к лестнице Бет остановилась и заглянула в комнату, где резали, пилили и стучали молотками Кайты. На полу валялись инструменты. Свет от голой лампочки резал глаза, и сама лампочка негромко жужжала над тем, что и послужило, должно быть, причиной всей этой суеты, – грубо сработанным стулом с медными пластинами на подлокотниках, многочисленными кожаными ремнями и петлями и мотком толстого медного провода на земляном полу. Присутствие этой вещи, несомненно, имело значение. Как архитектура собора источает торжественность и мир, так и этот грубый, мужланский дизайн источал недоброжелательность и злобу.

Бет стряхнула с себя холодок и двинулась дальше. Вдалеке коридор переходил в некое широкое пространство. Кто-то из Кайтов оставил на стене, в углу, керосиновую лампу, и ее свет бесполезно изливался на земляной пол и каменные стены у подножия лестницы.

Она вышла из коридора. Потерла покрытые гусиной кожей руки.

Посмотрела вверх, но так и не увидела, где заканчиваются ступеньки.

Обмотав цепь вокруг запястья – чтобы не выдала, ударившись о камень, – Бет начала подниматься. Ступеньки скрипели так громко, что она не слышала бесшумных шагов старухи, выступившей из тени у нее за спиной.

* * *

Сержант Маллинс опустился на ту же самую оттоманку, которую шесть дней назад занимала его подчиненная при первой встрече с Руфусом и Максин Кайт.

Встретивший гостей старик уютно развалился на соломенного цвета софе и прошелся пальцами по легкому пушку на макушке.

Макс Кинг остался стоять у остывшего камина.

– Мистер Кайт, – начал, подавшись вперед, сержант. – Неделю назад я послал своего детектива, Вайолет Кинг, на остров Окраоук поговорить с вами и миссис Кайт о вашем сыне Лютере. Насколько мне известно, она была здесь в прошлую среду.

– Да, сэр, была. – Руфус улыбнулся. – Премилая, должен сказать, девушка. Мы с Максин коротко поговорили с ней. Как вы и сказали, она расспрашивала о нашем мальчике, Лютере. И я скажу вам то же, что сказал и ей. Я не видел моего...

– Сэр, я в курсе того, что вы сказали ей. Она звонила мне в тот вечер. Я приехал сюда не для этого. – Сержант кивнул Максу. – Это Макс Кинг. Муж мисс Кинг. В последний раз он разговаривал с ней утром в четверг. В четверг вечером мисс Кинг позвонила мне домой и коротко поговорила с моей женой. Насколько мы понимаем, она – последняя, с кем контактировала мисс Кинг. С тех пор от нее никаких новостей.

– Господи...

– Так вот, Вик... мисс Кинг должна была вернуться сюда и поговорить с вами и миссис Кайт в четверг, во второй половине дня. Она была здесь?

– Нет, сэр. Мы условились встретиться с ней после пяти, но она не появилась. Думаете, что-то случилось?

Сержант Маллинс покрутил ус и взглянул на Макса. Молодой человек напрягся, изо всех сил сдерживая слезы, и губы его дрожали.

* * *

Босая нога Бет Лансинг остановилась на третьей ступеньке. Щуря глаза, она смотрела в темноте на полосы света, очерчивавшие прямоугольник двери, и вдруг услышала приглушенный звук – как будто что-то лопнуло.

Иссохшая, жилистая рука схватила ее за левую лодыжку, и в следующую секунду пол с силой ударил в спину, а старуха уже навалилась сверху. Искажённое светом фонаря, изрезанное морщинами лицо мало походило на человеческое, и из глубины его сверкали черные глаза.

В свете фонаря блеснуло что-то узкое, и Бет услышала, как охнула от холодного, влажного ожога, расплзавшегося по всему животу.

Она перекатилась на Максина, вцепилась в старушечьи запястья, но подошвы ортопедических ботинок хозяйки дома Кайтов уперлись в нее снизу. Бет отлетела в угол, чувствуя, как из колен уходит сила.

Обе женщины, пыхтя, поднялись. Максина, держась от противницы подальше, блокировала лестницу. Распутывая цепь на левом запястье, Бет заметила краем глаза кровь, теплой струйкой сползавшую по внутренней стороне бедра, и обвалочный нож в правой руке старухи; в глазах у нее растекалась пустота.

Первой атаковала Максин, но цепь опередила ее, ударив по губам. Хозяйка дома задохнулась, сплюнула кровь, пошатнулась и выронила нож.

Собравшись с силами, Бет врезала старухе так, что цепь сломала ей и руку, и челюсть сразу. Схватив нож и оставив Максин без чувств на земляном полу, она метнулась вверх по лестнице, к полоскам света.

Глава 59

– Жутковатый у вас дом, мистер Кайт, – сказал сержант Маллинс, поднимаясь. – Старый, большой.

Руфус улыбнулся:

– В нем, знаете ли, и привидения водятся.

– Неужели?

– Да. Призрак живет на третьем этаже и пугает мою жену каждый раз, когда она поднимается в комнату сына.

Сержант ухмыльнулся:

– Я бы на вашем месте запер комнату и никогда больше не заходил туда.

– Наши призраки тихие, разве что немного озабоченные.

– Спасибо, мистер Кайт, что приняли нас.

Старик тоже поднялся, и его глаза блеснули.

– Знаете, есть еще кое-кто, с кем вам следует поговорить. Скотти Майерс. Работает в пабе «Ховардс». Они с Лютером дружили. Я рассказал о нем мисс Кинг, так что, может быть, после меня она встречалась с ним.

– Мы повидаемся с ним.

Руфус проводил гостей до двери.

– Вы дадите мне знать, когда найдете мисс Кинг, хорошо? – попросил он. – Боюсь, буду теперь всю ночь о ней думать.

– У вас есть телефон? Мы пытались позвонить сюда заранее, но...

– Конечно нет.

– Хорошо. Если не забуду, дам вам знать, когда найдем ее. А мы найдем.

Открывая дверь, Руфус похлопал Макса по плечу:

– Буду молиться за вашу жену, молодой человек.

Выйдя из дома, Маллинс и Макс сошли по разваливающимся ступенькам в высокую колышущуюся траву. Едва за ними закрылась дверь, как Макс повернулся к сержанту:

– Барри, ты должен обыскать дом. У меня плохое...

– Подожди, пока не сядем в машину.

Черная «Краун Виктория» стояла между двумя дубами в переднем дворе. Ветровое стекло блеснуло, но тут солнце соскользнуло за дом, и оно потемнело.

Мужчины забрались в машину и закрыли дверцы.

– Там определенно что-то не так, – сказал Макс. – Любым способом во что бы то ни стало получи ордер на обыск и переверни этот дом вверх дном. Старик... Не знаю.

Маллинс вставил ключ в гнездо зажигания, но поворачивать не стал, а еще какое-то время смотрел на каменную громадину дома Кайтов.

– Ну так я знаю, – сказал он наконец. – Как-никак давненько этим занимаюсь и людей понимать научился. Вижу, когда что-то скрывают. Когда нервничают. Язык тела о многом рассказывает. Беспокойство. Зрительный контакт.

– Барри, послушай...

Сержант поднял палец:

– Старику в этом мире скрывать абсолютно нечего.

– Но он же отец нашего подозреваемого и...

– Это ничего не значит. Я заглянул в его душу, Макс. Он говорит правду. – Сержант застегнул ремень безопасности и включил мотор. – Давай-ка найдем мистера Скотти Майерса. – Он дал задний ход.

Макс нахмурился.

– Поверь мне, – усмехнулся Маллинс. – Я прав. Это – дар.

Он развернулся, и они покатали по проселочной дороге через чащу виргинских дубов. Сержант наклонился, включил радио, нашел станцию со старыми хитами и теперь постукивал пальцами по рулю.

Макс, потянувшись за ремнем безопасности, случайно посмотрел в боковое зеркало.

– Остановись, Барри!

– Что такое?

– Посмотри!

Сержант придавил педаль тормоза, и оба оглянулись.

За туннелем деревьев, по которому они только что проехали, еще был виден каменный дом. Дверь его вдруг распахнулась, и какая-то женщина в желтом белье вывалилась на ступеньки, поднялась и бросилась вслед за

ними. Даже с разделявших их пятидесяти ярдов была видна кровь на ее левой ноге.

– Святой Боже, – пробормотал сержант и повернулся, чтобы остановить машину.

Ветровое стекло разлетелось вдребезги.

Правая рука брызнула кровью.

Маллинс ударил по газу, машина прибавила ходу. Человек с дробовиком отступил в сторону и выстрелил в упор, через стекло, в голову сержанту.

Полицейский свалился на колени Максу, нога съехала с педали газа, и «Краун Виктория», вильнув, скатилась с дороги, проехала футов десять и, уткнувшись бампером в дуб, остановилась с негромко работающим двигателем.

В левое плечо Максу угодили три дробины, но боли он не чувствовал и первым делом постарался сдвинуть здоровяка-сержанта в сторону. Приложив немалые усилия, наконец столкнул тело на водительское кресло и бросил взгляд в заднее пассажирское окно.

Человек с длинными черными волосами был примерно в тридцати ярдах от машины и быстро приближался прямоком через чащу. Перехватив взгляд Макса, незнакомец улыбнулся и передернул затвор.

Они убили Ви.

Шаги уже перекрывали мягкое урчание двигателей. Макс рванул с плеч сержанта пальто, расстегнул пуговицы и выхватил из кожаной кобуры «Глок».

Ви несколько раз просила его сходить с ней в тир – пострелять, но он так и не выбрался, а в результате пользоваться огнестрельным оружием не мог и знал о нем только то, что видел в кино и по телевизору.

Поискав предохранитель, которого здесь не было, Макс прицелился наконец в длинноволосого через заднее стекло и потянул спусковой крючок.

Стекло разлетелось, и пистолет подпрыгнул в руке.

Длинноволосый незнакомец, целый и невредимый, приближался к машине.

Макс открыл дверцу и вывалился из машины ровно в тот момент, когда грохнул выстрел и его осыпало стеклом. Он перебрался на заднее сиденье, высунул голову и увидел, как дернулся дробовик и огонь с ревом вырвался из дула.

Макс нырнул вбок и прижался спиной к колесу. Пот скатывался по лбу в глаза и отдавал ржавчиной, а когда он вытер его, то увидел на тыльной

стороне ладони кровь. Макс потрогал лоб, на котором дробины оставили три кровавые полосы. Стальной ноябрьский вечер обжигал голову ледяным холодом. Он посмотрел под машину, но не увидел ног человека, который пытался его убить.

Макс еще раз высунулся над багажником.

Никого.

Он поднялся.

В его руке дрожал «Глок».

Три кровавые полосы на лице темнели, как боевая раскраска.

Макс моргнул – дуло дробовика смотрело на него с другой стороны багажника. Он чувствовал под собой землю и смотрел через спутавшиеся ветви на куски темнеющего неба цвета имени его жены. Он даже попытался произнести его, позвать ее.

А потом появилась и начала падать черная луна, и его фиолетовое небо заполнилось вонью от горячего металла и смерти.

Глава 60

Бет бежала босиком по траве, когда в дубовой роще грянул третий выстрел. Оглянувшись через плечо, она увидела прислонившегося к ржавому грузовичку старика. Правую руку тот прижимал к боку, там, где она резанула его обвалочным ножом.

Адреналин падал, а вот ее колотая рана начала болезненно пульсировать, как будто что-то выгрызалось из живота.

Над водой разнеслось эхо еще одного выстрела.

Забравшись в глубь чащи к северу от дома, Бет мчалась изо всех сил, не оглядываясь, прорываясь сквозь холодеющую тьму леса. Солнце висело у нее за спиной, но его время в этом мире истекало.

Попав на полоску травы, Бет вскрикнула и упала, вытащила из подошвы левой ноги три колючки, вскочила и побежала дальше, не обращая внимания на прилипающие к крови мокрые листья.

Минуты через две, обессилив, она снова упала на холодную землю. Перекатилась на спину. Высоко над ней темнело вечернее небо.

Бет закрыла глаза.

Попытка сделать глубокий вдох отдалась острой, пронзительной болью.

Она прижала к ране ладонь и почувствовала, как между пальцами сочится кровь...

* * *

Открыв через какое-то время глаза, Бет увидела одну-единственную звезду кобальтового цвета.

Дыхание слетало с губ клубочками пара.

Где-то в отдалении хрустели под ногами листья.

Что сделает с ней человек с длинными черными волосами? Убьет в лесу или заберет обратно в тот страшный каменный дом?

* * *

Бет очнулась от холода – под усыпанным звездами небом, в притихшем лесу. Кровотечение прекратилось. Она села, потом, напрягшись, поднялась и побрела через чащу.

Часом позже беглянка вышла из лесу, к заросшему болотной травой полю. Босые ноги утопали в холодной слякоти. Изможденная донельзя, она шла наугад, бездумно переставляя ноги, и почти не заметила, как ступила израненной подошвой на твердое полотно автострады 12.

В полной растерянности Бет вышла на середину шоссе. В северном направлении дорога уходила в темноту, где и терялась. В южном она вела к некоему мерцанию, которое могло быть признаком цивилизации.

Вставала луна.

Сияло море.

Спотыкаясь, едва волоча ноги, Бет потащилась к деревне.

* * *

Рана Руфуса оказалась длинной, но неглубокой. Он сидел на стуле в кухне, а Максин, вместо того чтобы накладывать швы, заклеивала порез в три дюйма длиной, справа от пупка, полоской клейкой ленты.

Что касается самой Максин, то ее челюсть слева распухла, но боль была терпимой. В любом случае ничего другого ей не оставалось. Большим запасом времени они не располагали. Уже совсем скоро в дом придут люди, которые станут искать тех, кого убил их сын.

Пока Максин укладывала чемоданы, Руфус взял фонарь и спустился в подвал. Проект был почти закончен, оставалось только позаботиться об

энергоснабжении и подключить стул. Руфус уже решил, что в случае необходимости проработает всю ночь. Он надеялся, что Лютер скоро вернется и они вместе доведут до ума этот восхитительный стул.

* * *

Около полуночи Бет вышла к проселочной дороге, ответвлявшейся от автостреды 12 в южную сторону. Дорога пересекала сотню ярдов травяного болота и заканчивалась на сухом участке со скромным коттеджем, над крыльцом которого призывно горел фонарь.

На почтовом ящике значилось имя владельца – Тейтум. Вдалеке теплым мерцанием напоминал о себе маяк Окракоука, присутствие которого среди темных деревьев оказывало успокоительный эффект. По шоссе до деревни было не больше полумили, но в этот поздний час там, вероятно, все было закрыто. К тому же Бет вконец изрезала подошву левой ноги и сильно сомневалась, что сможет еще долго терпеть боль. Пока она ковыляла по проселку, снова закровоточила рана на животе. Усилилось головокружение, холод забирался все глубже под кожу. Думая о том, как долго ей удалось продержаться, Бет даже испытала что-то похожее на гордость.

Темная стена дубов за коттеджем закрывала залив, но на востоке невысокие дюны позволяли увидеть сияющую в лунном свете черную ширь.

Бет приблизилась к коттеджу. В высокой траве на краю болота лежала старая парусная шлюпка – возможно, выброшенная когда-то ураганом, без паруса, с потрескавшимся корпусом. Рядом с гаражом припарковался, сверкая в желтом свете фонаря, грузовичок «Додж Рэм». На номерной табличке красовалось слово BOATLUV, а в держателе для удочек, смонтированном на переднем бампере, стояли навьтяжку удилица в полихлорвиниловых трубках.

Бет поднялась на пять ступенек к передней двери. Над головой у нее кружили мошки, снова и снова с маниакальным упорством бросавшиеся на яркий фонарь.

Хотя в желудке давно ничего не было, ее вдруг потянуло на рвоту.

Через щели в ставнях она увидела тень лежащего на диване человека, на стенах рядом с ним мигал голубоватый свет.

Бет открыла сетчатую дверь и постучала. Человек на диване не пошевелился.

Она постучала сильнее, кулаком и увидела, как он сел и потер глаза. Потом поднялся.

Она услышала приближающиеся шаги.

Дверь открылась. Мужчина с седой бородой уставился на нее сонными глазами. Запахнул халат.

– Вы хоть представляете, который сейчас час? – спросил он, и Бет уловила запах джина.

Он снова потер глаза, поморгал и посмотрел на нее, прищурясь. Тепло дома, выливаясь на крыльцо, напомнило ей, как пахнут безопасность и покой, и Бет вдруг заплакала.

В телевизоре рассмеялась невидимая аудитория.

По ноге потекла холодная кровь.

– Помогите мне, – прошептала она и упала вперед.

Белобородый мужчина подхватил ее, поднял и внес в дом.

Глава 61

Руфус передвинул генератор «Дженерак» в угол камеры смерти, подключил паяльный пистолет и взял медный провод № 4, который предстояло припаять к медной же пластине на передних ножках стула. Комната наполнилась густым, сладковатым запахом расплавленного припоя.

Закончив паять, он поднял ножовку, которую нашел в коридоре, неподалеку от ниши с пленниками, и отрезал от мотка медного провода два куска длиной в четыре фута каждый. Вооружившись затем молотком, старик расплющил концы проводов так, чтобы они подошли для выходных клемм генератора.

За ящиком с инструментами Руфус обнаружил самодельную шапочку – вклад Максин в их проект. Она взяла бейсболку с надписью «Норт Кэролайна тар хилс»^[8], тонкий кожаный ремешок и сшила обе части так, чтобы пряжку можно было затягивать под подбородком приговоренного к смерти.

Максин заранее просверлила отверстие в квадратной медной пластине и вставила шуруп. Потом приклеила к пластине кусочек губки такой же, в один квадратный дюйм, площади, сняла пуговичку с макушки бейсболки и пропустила в дырку электрод, чтобы тот прилегал к голове осужденного.

Взяв четырехфутовый кусок медного провода, Руфус тоже расплющил конец его молотком. Потом просверлил в расплющенном конце дырку, взял

провод и шапку и сел на стул. Пропустив медный провод сверху, подвел его к электроду и закрепил болтом.

Теперь у него был свой собственный персональный электрический стул, и, хотя некоторые сомнения относительно смертоносных возможностей изобретения еще оставались, пробное испытание определенно представляло немалый интерес.

Он поднялся.

Раненый бок опять заболел.

Руфус поднялся наверх – сказать Максин, что все готово, и узнать, вернулся ли домой Лютер.

* * *

Чарли Тейтум быстро трезвел. Положив незнакомку на мягкую кожаную софу, на которой сам проворочался два последних часа, он вышел в полутемный коридор и позвал жену:

– Маргарет! Иди сюда!

Женщина оставалась без сознания.

Чарли опустился на колени перед софой и поправил на ней атласную сорочку, прикрыв грудь. Потом подтянул подол – посмотреть, откуда идет кровь.

Рана находилась над тазовой костью – маленький, раскрытый в изумлении черный рот, уголок которого сочился кровью, стекавшей по ноге на кожаную софу.

– Что ты там кричишь, малыш?

Из коридора появилась Маргарет – во фланелевом халате, с растрепанными рыжими волосами и заспанной правой стороной лица.

– Ты что, пьян? – спросила она, указывая на пустой стакан и полупустую бутылку джина «Танкерей», стоявшую на деревянном кофейном столике между софой и телевизором.

– Надень очки, Мэг, – только и ответил Чарли.

Из накладного кармана халата Маргарет достала очки с толстыми стеклами, водрузила их на переносицу и ахнула:

– Бог ты мой! Да что ж такое с ней случилось?

– Вот ты мне и скажи. Пришла. Постучала в дверь. Я открыл. Сказала «помогите мне» и лишилась чувств. Упала мне на руки.

Маргарет шагнула по ковру к софе и включила захватанную пальцами стеклянную лампу на столе.

– Это кровь?
– Да. Вот здесь у нее глубокая рана. Руки и ноги в ссадинах и порезах.
– Позвоню в «девять-один-один». Или просто отвезем в медицинский центр? Я поведу.

Чарли наклонился к лежащей на софе женщине и приложил ухо к ее сердцу, потом к губам.

– Дышит. Давай просто скажем, чтобы прислали «Скорую».

Пока Маргарет, выйдя в кухню, набирала 911, Чарли придвинулся к незнакомке и заговорил негромким, успокаивающим голосом:

– Вы в безопасности. Вам ничто не угрожает. «Скорая» уже едет, они позаботятся о вас. – Он потрогал ее горячий лоб, взял распухшую руку. – Держитесь, ладно? Теперь все будет хорошо. Вы попали, куда нужно.

Маргарет пришла из кухни и присела на край софы.

– «Скорая» уже в пути. Я рассказала, что на нее, возможно, напали, и они высылают также полицейскую машину. Как думаешь, что с ней случилось?

Чарли покачал головой. Секунду-другую он смотрел в телевизор, потом взял пульт и выключил его.

Женщина пошевелилась.

Открыла глаза.

Зрачки ее расширились от страха.

– Помните меня? – спросил Чарли.

Кивок.

– Вы в безопасности. «Скорая» уже едет.

В дверь постучали.

– Как быстро. – Маргарет поднялась с софы.

– Посмотри, они ли это, – прошептал Чарли. – Уж больно быстро.

– Странно, что ни сирену не включили, ни «мигалку», – сказала Маргарет, подходя к двери.

Когда Маргарет открыла дверь, Чарли еще смотрел в остекленные глаза незнакомки.

– Мы навестим вас завтра в больнице. Может быть, принесем что-нибудь...

Маргарет издала странный, булькающий звук.

Чарли обернулся и посмотрел на жену.

Она тоже медленно повернулась и посмотрела на него.

С бледным, как песок, лицом, потрясенная, женщина стояла в дверном проеме, и из длинного, темного разреза под ее подбородком обильно вытекала кровь.

– Мэг! – пронзительно вскрикнул Чарли и, вскочив, неуклюже перепрыгнул через кофейный столик. Его жена упала на колени, а потом свалилась лицом вниз на ковер.

Высокий мужчина с длинными черными волосами шагнул в полумрак гостиной. Издалека донесся вой сирены.

Чарли бросился на незнакомца, который просто выставил длинный охотничий нож с костяной рукоятью, дав старому моряку возможность самому нанизать себя на лезвие. Клинок из углеродистой стали повернулся, беззвучно разрезая внутренности, и Чарли отшатнулся и упал, умирая, на уже мертвую жену.

Лютер вытер лезвие большим и указательным пальцами, стряхнул кровь на стены и повернулся к кожаной софе.

Бет исчезла, а вой сирен приближался.

Глава 62

В плетеной корзине для белья пахло тухлой рыбой и плесенью. Бет с головой зарылась в грязные тряпки, мокрые джинсы и пропахшее бензином одеяло.

Старик уже не подавал признаков жизни, и, кроме далекого завывания сирен, она слышала только, как открываются и закрываются двери.

Накрыв корзину крышкой, Бет видела лишь то, что позволяла увидеть щель между прутьями. То есть почти ничего. Синий ночник у двери лишь слегка рассеивал темноту.

Шаги остановились за дверью.

Ручка повернулась.

Сирены звучали уже совсем близко.

Проживи еще минуту, и ты будешь жить. Ты снова увидишь детей. Ему придется уйти, когда появится полиция.

Дверь спальни распахнулась.

– Элизабет.

Холодный, бесстрастный голос.

В щель Бет видела только его ноги.

– У нас мало времени. Идем.

«Скорая помощь» проехала мимо единственного окна спальни. Бет слышала, как хрустят камешки под колесами спешащей к коттеджу машины.

– Я перережу тебе горло и уйду. Ты умрешь самое большое через

минуту. Думаю, это вполне справедливо.

Бет видела, как он прошел мимо корзины, опустился на колени и заглянул под кровать. Потом выпрямился, направился к ванной и... исчез.

Сердце колотилось о ребра.

Удерживая изнутри крышку, Бет замерла и услышала, как он сорвал с колец штору над ванной.

Открылся и закрылся шкафчик под раковиной.

Уходи. Вылезай и уходи.

Она уже начала поднимать крышку, когда шаги вернулись в спальню.

Проходи мимо. Пожалуйста, проходи мимо. Уходи. Убегай. Тебя же поймают.

«Скорая» остановилась перед домом. Бет слышала урчание мотора, хлопок двери.

Лютер вздохнул и быстро прошел мимо корзины к двери.

Да, да, спасибо тебе, Господи.

Внезапно он остановился у порога.

Санитары уже стучали в переднюю дверь.

– Почти, – произнес Лютер. – Почти.

Он повернулся и шагнул к корзине.

Вдыхая запах чужих тряпок, Бет подняла голову. Крышка исчезла.

Человек с длинными черными волосами смотрел на нее сверху вниз и улыбался.

Лицо его в мигающем свете оставалось бледным и бескровным.

Снаружи санитары кричали кому-то, чтобы открыли дверь.

Последним, что услышала Бет, был звук лезвия, вошедшего и вышедшего из ее горла, и шаги по слякоти.

Лютер сделал работу с той же небрежной эффективностью, с которой чистил рыбу, потом положил на место крышку и выбежал из комнаты.

Бет услышала, как разбилось окно в коридоре. Лютер отступал через задний двор.

Сердце попыталось биться, но захлебнулось. Жизнь вытекала через горло, оставляя после себя умерявшую боль пустоту. Ей пришло в голову, что она не может дышать, но умерла Бет прежде, чем это стало важно.

Глава 63

В голове прояснялось, мутные образы обретали четкие очертания.

Плохо соображая после удара по голове, который меня и вырубил, я

неожиданно обнаружил, что сижу на неудобном, с прямой спинкой стуле, в плохо освещенной каменной комнате с запахом припоя, меди и свежеструганного дуба.

Вайолет бросили на кучу опилок в углу. Руки ей связали клейкой лентой, такой же лентой заклеили рот, и слезы струились по лицу, когда она смотрела на меня полными ужаса глазами.

Вокруг суеилось все семейство Кайтов: Максин поправляла кожаные петли на лодыжках, Лютер застегивал ремень на груди, Руфус прижимал мою голову к высокой спинке стула. Натянув мне на лоб кожаную полоску и пропустив ее через пряжку, он сказал:

– Лучше сделать потуже, потому что дергаться будет, как сумасшедший.

Лишь когда все шесть кожаных петель были безжалостно затянуты и застегнуты, я заметил идущий от стула к генератору медный провод.

– И что это вы собираетесь со мной делать? – сдавленно прохрипел я сухим от обезвоживания и страха голосом.

– Пропустим через тебя электричество, чтобы ты умер, – объяснила Максин, надевшая по такому случаю цветастое домашнее платье. Скула у нее оставалась распухшей, но черные глаза сияли.

– Почему?

Опустившись на колени, старушка взяла ржавые ножницы и принялась обрезать под коленями мои флисовые штаны. Голые ноги прижимались к холодным медным пластинам. Потом она обрезала рукава моей рубашки чуть ниже локтей, чтобы голые предплечья контактировали с электродами на подлокотниках.

– Почему вы это делаете? – Вопреки всем стараниям, мой голос дрогнул.

– Потому что можем, вот почему, – ухмыльнулась Максин.

В противоположном от Вайолет углу Руфус высыпал большой пакет морской соли в емкость с водой. Лютер, вооружившись большой деревянной ложкой, энергично размешивал соляной раствор.

– Лютер, посмотри на меня и скажи, почему...

– Где бритва, сладенький? – спросила Максин.

Руфус достал бритву из кармана поношенной кожаной куртки и протянул жене. Она подошла ко мне со спины, и я ощутил прикосновение лезвия, выбривающего неровный кружок у меня на макушке.

Логика подсказывала, что лучше заткнуться, что от моих вопросов ничего не изменится. Но в тот момент я руководствовался отнюдь не логикой.

Максин сунула руку за генератор и достала бейсболку с надписью «Норт Кэролайна тар хилс», дополненную ремешком под подбородок и длинным медным проводом.

– Пожалуйста, послушайте, – снова заговорил я, глядя, как старуха идет к емкости с соляным раствором, окунает в него внутреннюю сторону бейсболки и смачивает два кусочка губки. – Да, я вел себя ужасно. Я понимаю, как человек становится таким, но делать то, что собираетесь делать вы, вовсе не обязательно. Давайте подумаем, найдем какой-то...

По лицу побежали струйки теплой воды, и я ощутил соль на губах. Максин Кайт напялила на мою голову бейсболку, застегнула ремешок под подбородком и отступила, чтобы не мешать Лютеру и Руфусу, которые уже подходили с мокрыми губками.

– Лютер, извини. Мне ужасно жаль, что все так случилось. Пожалуйста, поверь мне. Я так виноват, что оставил тебя там...

– Умереть в Пустоши от холода и потери крови. Теперь я в этом уверен. Но почему ты не спрашиваешь?

– О чем?

– Как я спасся. Неужели тебе не интересно?

– А, да... конечно.

– Это было ужасно, Эндрю. Примерно через час после того, как ты уехал, мимо проезжал на снегоходе работник с ранчо Мэддингсов. Парень спас мне жизнь. Занял мое место на крыльце. Если б не он, ты бы здесь не оказался.

Они принялись натирать мои руки и ноги соленой водой, причем делали это с какой-то даже торжественной серьезностью.

Не смей унижаться. Не смей просить этих негодяев, этих чудовищ. Они только балдеют от этого.

– Максин, пожалуйста, посмотри на меня.

Она посмотрела.

– Представь, что здесь сидит Лютер. Разве ты не хотела бы, чтобы кто-то проявил к твоему сыну милосердие? – На слове «милосердие» мой голос дрогнул. – А ведь я тоже чей-то сын.

– Уже нет, – вставил Лютер.

Рядом с циркулярной пилой стояла канистра с неэтилированным бензином. Руфус взял ее, открутил крышку генератора и залил топливо в бак.

– Красавица, не окрестишь стул?

Старуха достала из-за груды хлама бутылку «Кукс», шагнула ко мне и бросила бутылку в спинку стула. Горлышко откололось, и мне на колени

пролилось теплое игристое.

– Да будет все в порядке, – провозгласила она.

Кайты заплодировали и принялись обниматься.

– Помни, сын, – сказал Руфус, – времени у нас мало. Здесь мы больше не в безопасности. Утром нам нужно быть на первом пароме. И вот что, Эндрю, о малышке Вайолет не тревожься. Она поедет с нами. Похоже, наш мальчик проникся к ней теплыми чувствами.

Взявшись за руки, Руфус и Максин отступили в уголок, а Лютер подошел к генератору.

– Нет, – взмолился я. – Пожалуйста, не надо. Лютер, подожди минутку...

Он взялся за тяговую цепь, и я задержался, пытаюсь вырваться из ремней.

Удивительно, но Лютер ждал, наблюдая за мной с каким-то извращенным терпением, предоставляя мне возможность измотать себя, выбиться из сил и в то же время давая понять, что своими силами мне не освободиться.

Я перестал дергаться.

Все. Конец.

Перед глазами падали черные звезды.

Я посмотрел на Лютера.

На Руфуса и Максина.

На Вайолет.

Она сидела, вытянувшись, с закрытыми глазами, и губы ее шевелились.

Молишься за мою душу?

Лютер дернул за цепь, и генератор с ревом ожил, заполнив крохотную каменную комнату запахом бензина и грохотаньем, напоминающим ворчание газонокосилки.

Кайт-младший сунул руки в резиновые перчатки, выплюнул лимонную конфету и взял одной рукой провод от бейсболки, а другой – провод, идущий от вибрирующего генератора.

Оставалось только соединить их.

Лютер взялся поудобнее.

Проводки разделяло несколько дюймов.

Я так и не примирился ни с чем.

Цепь замкнулась. Поток голубых электронов выгнулся аркой между проводами, искры полетели во все стороны, генератор зачихал, острое ощущение холода прошло от головы через колени к кончикам пальцев, и

меня заполнила невыносимая боль.

Перед внутренним взором молниеносным слайдшоу пронеслись последние образы: дымок, поднимающийся от рук... дрожь всего тела... пристальное внимание Кайтов... выскальзывающая из комнаты Вайолет... и ослепительная белая вспышка, поглотившая весь мой мир.

Глава 64

Генератор задержался и остановился.

Эндрю Томас неподвижно сидел на стуле. От его рук и ног поднимался и тянулся к отверстию в кепке дымок с запахом лимонного леденца.

В наступившей после взрыва тишине было слышно исходящее из его тела негромкое шипение.

Лютер наклонился, приложил ухо к груди Эндрю и прислушался.

– Все хорошо? – поинтересовался через секунду Руфус.

Лютер ухмыльнулся:

– Если оно и бьется, то я не слышу. Да и в любом случае это ненадолго.

Лютер начал расстегивать ремешок на запястье Эндрю, но Руфус остановил сына:

– Не надо. У нас нет времени возиться с... Где Вайолет?

* * *

Ви бежала по темному коридору с заклеенным лентой ртом и связанными руками, молча молясь за душу Эндрю Томаса.

Через какое-то время она остановилась и сделала пять глубоких вдохов через нос.

Генератор молчал, и где-то в черном лабиринте слышались шаги Кайтов.

Она снова побежала – и попала в дверь.

Выход.

Ви пнула дверь ногой и оказалась в каком-то жутко пахнущем темном месте.

По туннелю эхом пронесся голос старухи.

Ви ногой закрыла дверь и в отчаянии огляделась – ничего, ни даже полоски света.

Со всех сторон ее окружало зловоние смерти.

Не останавливайся. Выход здесь.

Она повернулась и врезалась головой в чью-то грудь.

Невидимое препятствие отступило. Ви прыгнула в сторону и наткнулась на кого-то еще.

Дверь у нее за спиной распахнулась, и она испуганно вскрикнула в ленту.

Фонарь осветил комнату, и то, что Ви увидела в полутьме, повергло ее на колени.

Их было, наверное, с десятков, и все они висели на цепях в разной степени разложения. Ноги были в нескольких дюймах от пола, и оттого возникало впечатление, что они стоят на полу по собственной воле.

Почему Ты отправил меня в ад?

Даже зная, что за спиной у нее, блокируя выход, стоят Кайты, Ви не удержалась и посмотрела на окружавшие ее лица.

Некоторые определенно провели здесь долгое время, и теперь от них остались только мертвечина, лохмотья и кости. В дальнем углу болтался мальчишка, пытавшийся спасти всех их. Те, на кого она наткнулась, еще покачивались – двое мужчин, чьи раны и одежда были еще относительно свежие. Ви заглянула в их лица – изуродованы.

Один – крупный и мускулистый.

Второй – худощавый, повыше и помоложе первого.

Что-то щелкнуло у нее в голове.

Клейкая лента удержала крик, но она все же успела трижды удариться головой о стену, прежде чем Лютер подошел и оттащил ее в сторону.

Она уже увидела длинные, нежные руки мертвеца, узнала его наручные часы и изрешеченную картечью рубашку в мелкую полоску, потому что сама подарила ее Максу на его последний день рождения.

– Плохая девочка, – сказал Лютер. – Не делай так больше. Ты мне дорога. Его нет, и ты никогда уже его не увидишь, так что плакать бесполезно.

Он опустил ее на колени и погладил ее по щеке. Потом вынул из кармана шприц и вколол иглу ей в руку.

Вкус твой внутри меня сахара слаще. Буду так сильно тебя любить.

– Пора, – вмешался Руфус.

Лютер подхватил Вайолет на руки, и Кайты вышли из вешательной комнаты и потянулись гуськом по подвальным коридорам – мимо электрического стула и вверх по скрипучей лестнице.

Через переднюю дверь семейка вышла в предрассветную библейскую

темь. Вайолет уже спала на руках у Лютера.

Желтая краюха луны опускалась в залив, дубы выгибались и мерцали, и мороз стелился по траве.

Все забрались в старенький пикап и поспешили прочь от разваливающегося каменного дома.

«Киннакит»

Глава 65

Когда я пришел в себя, запах моей смерти был повсюду: спаленные волосы, кожа и газ, раскаленная медь, вареная плоть.

Я оставался привязанным на стуле, но теперь еще и в полной темноте.

Боль открылась мне столькими своими оттенками, что я просто не мог выбрать худший.

Я напрягся, заново испытывая силу петель.

Ремень на левом запястье, наверное, был частично расстегнут, потому что рука вдруг высвободилась.

Я расстегнул ремень на правой, а потом обеими руками оторвал обгорелые ошметки.

Пошатываясь, поднялся, упал на стул, снова поднялся.

Боль от ожогов казалась невыносимой. Дрожащий, я брел сквозь тьму, хромая, но гоня себя вперед, защищая одной рукой лицо и ведя другой по каменной стене.

В какой-то момент мне пришло в голову, что я умер и блуждаю по некоему окраинному региону ада, но и это меня не остановило. Я шел и шел, казалось, бесконечно долго, попадая в тупики, кружа по коридорам, а боль все нарастала и нарастала.

Меня скрутило и вырвало.

И тут же я ощутил острейший, какого еще не знал, укол страха.

Добро пожаловать в вечность, шепнул он.

Паника затмила боль, и мозг уже раскалывался на части, когда я споткнулся и налетел на лестницу.

И жар помешательства пошел на убыль.

Я задрал голову и посмотрел вверх.

Ни лучика света.

Прогнившие ступеньки прогибались под ногами.

Я ударился головой о деревянную стену.

Пошарил рукой. Обнаружил ручку.

Дверь со скрипом открылась, и я, споткнувшись, вывалился в переднюю дома Кайтов, заполненную угрюмой серой тишиной раннего утра.

Поспешно поднявшись, я прошел по узкому коридорчику в кухню.

Царящая в доме мертвая тишина убеждала, что его хозяева бежали, забрав с собой Вайолет.

В льющемся через окно жидком свете наступающего утра я осмотрел свои обожженные, покрытые волдырями и рубцами руки. Сходным образом пострадали икры ног и макушка; повсюду, где вошло и вышло электричество, остались следы электрического ожога.

Телефона в кухне не нашлось. Поиски в библиотеке и гостиной принесли такой же результат.

Подойдя к высоким, готическим окнам гостиной, я увидел в переднем дворе серую «Импалу».

Из гостиной вернулся в кухню, пропахшую тухлой камбалой. Там, в керамической чашке на столе, лежала связка ключей. Я взял их и, не обращая внимания на боль, направился к передней двери – за Вайолет.

Глава 66

Я брел, шатаясь, как пьяный, по прибитому дождем песколюбу, пока не свалился, обессиленный, преодолевая боль, на капот ржавой «Импалы».

День начинался с туманного, морозного рассвета, крупинки льда били по металлу, темный, цвета сажи, залив бился о берег за каменным домом.

Я забрался в машину, сел за руль и начал один за другим перебирать ключи, пробуя вставить их в замок зажигания. Четвертый повернулся; двигатель чихнул, ожил и заработал на холостом ходу.

Я включил передачу, дал газу, и машина, разбрасывая траву и песок, скакнула между меланхолическими дубами и понеслась по дороге через сумеречную чащу.

Завесы чахнувшего испанского мха махнули по ветровому стеклу. Будто по стиральной доске, «Импала» мчалась по лужам, ныряя, подсакивая и едва не разваливаясь на ходу.

Добравшись до Килл-Девил-роуд, я повернул на восток, к океану, мимо сонных коттеджей, уютно устроившихся среди виргинских дубов и рвотного чая.

На перекрестке Олд-Бич-роуд и шоссе 12 я остановился.

Внутри все дрожало от приступа тошноты.

На востоке таяла ночь.

Я знал, что Кайты будут покидать Окраоук на пароме.

Оставалось два варианта. Они могли уехать либо из бухты Силвер-Лейк, либо с северной оконечности острова. Паром из Силвер-Лейк,

маршрут которого пролегал через Суон-Куортер и Сидар-Лейк, ходил реже и требовал предварительного резервирования. Второй паром, Окракоук – Хаттерас, резервирования не требовал и ходил каждый час, начиная с 5:00.

Часы на приборной доске показывали 4:49.

На шоссе 12 в этот ранний час не было ни души, неподалеку помаргивали огни мотеля «Пони-Айленд».

Хаттерас.

Я надавил на газ и помчался через северные окраины Окракоук-Вилидж, мимо ресторана Джейсона, здания почты, кафе «Атлантик» и паба «Ховардс».

Двенадцать миль до северной оконечности острова и парома до Хаттераса. В запасе у меня было одиннадцать минут, чтобы добраться туда на дерьмовой машине и не отрубиться по пути.

* * *

Спидометр показывал восемьдесят. Мотор визжал на пределе. В зеркале заднего вида бледнели огни маяка.

Серое рассветное небо, дюны и темная клякса болота.

Бешеное, пенящееся море.

Стук льдинок по крыше.

Дорога проносилась под колесами, уносясь на север, в сизую пустоту рассвета.

4:56.

Стрелка спидометра перевалила за восемьдесят пять. Из-под пола просачивался запах горячего металла.

4:57.

Лишь теперь я заметил, как выгляжу: обрезанные до колен флисовые штаны, дырки с черными ободками там, где электричество проело полиэстер.

4:58.

Мир потемнел.

Закружилась голова.

Я завалился на руль, машина метнулась на другую полосу, колеса зацепили буртик.

В глазах прояснилось.

Я выправил «Импалу».

Дорога кончилась.

Впереди мигнули задние фонари автомобиля.

Я ударил по тормозам. Покрышки недовольно скрипнули.

На одном из причалов вытянулась очередь из пяти машин. Я пристроился сзади, и в этот самый момент кто-то из команды махнул рукой: «Заезжайте». Паром назывался «Киннакит».

Первым в очереди стоял выдавший виды старый пикап, выдыхавший клубы дыма в каменно-серый рассвет.

Глава 67

Паром «Киннакит» представляет собой длинную баржу, достаточно широкую, чтобы четыре автомобиля могли стоять на ней бок о бок. Из центра палубы поднимается узкая трехэтажная надстройка – комнаты отдыха на первом уровне, смотровой салон на втором и, на самом верху, крохотная рубка. На мачте гордо реют флаги Соединенных Штатов и Северной Каролины.

Шесть машин, поспевших на первый, пятичасовой, паром, разместились в два ряда – три вдоль левого борта и три вдоль правого. Я стоял в конце своей тройки, Кайты – во главе своей.

Разделенные надстройкой, друг друга мы не видели.

Я повернул ключ зажигания – и тут же двигатели парома заработали, и «Киннакит» медленно двинулся между пилонами, уходя от причалов Окраоука. Мы вышли в открытое море. Ветер набирал силу, встряхивал машину, и ледяная крупа отскакивала от бетонной палубы. Крикливые чайки кружились над пустой кормой, требуя завтрак, получить который в столь ранний час им было не суждено.

Остров уменьшился до размеров пятна на горизонте, а потом, как-то разом, исчезло и оно, и не осталось ничего, кроме бесконечной ртутно-серой зыби и рдеющего края восточной части неба. Несколько пассажиров – уезжающие отпускники и рабочие, совершающие ежедневные поездки на Хаттерас, – оставили машины и поднялись на второй уровень. Джентльмен в стоявшем передо мной «Шевроле Трейлблейзере» перебрался на заднее сиденье и лег отдохнуть. Я сидел, слушая стук ледяной крупы.

Боль от ожогов не унималась.

Никаких передвижений на моей стороне палубы не наблюдалось.

Я открыл дверцу, вышел на холод, и крохотные льдинки ударили мне по лицу.

Пройдя к тыльной стороне надстройки, я притаился у лестницы,

которая вела к смотровому салону и рубке.

На другой стороне стояли вдоль поручня три автомобиля: «Хонда», «Кадиллак» и старый пикап «Додж» цвета цинкового пенни, за исключением ржавых голубых дверей.

Кайтов в грузовичке не было.

Я посмотрел вверх.

Они стояли на носу, спиной ко мне, лицом на север, в сторону протоки Хаттерас. Руфус, седые волосы которого трепетали на ветру, как змеи-альбиносы, указывал на запад.

Других пассажиров, кроме меня и Кайтов, на палубе не было.

Я скрытно прокрался к стоявшей за пикапом темно-синей «Хонде» и притаился за бампером. В зеркале заднего вида мелькнуло отражение спящего за рулем водителя. Я протиснулся между «Хондой» и поручнем и добрался наконец до последней в тройке машины, «Кадиллака», пассажиры которого ушли в салон. Здесь я позволил себе короткую передышку и, заглянув под седан, увидел три пары ног. Я прислонился к заднему бамперу – передохнуть. Потом прокрался дальше.

Рваная, обожженная одежда – не лучшая защита от пронизывающего холода, и, добравшись до грузовичка Кайтов, я уже трясся от холода.

Задний борт пикапа был закрыт, а платформа пряталась под синим брезентом.

Чайки уже обнаружили Кайтов на носу парома и теперь осаждали их с жалобными криками, которые заглушали налетавшие порывы ветра. Пройдя вдоль левой стороны «Доджа», я заглянул в водительское окно. В кабине никого не было; следовательно, Вайолет перевозили на платформе. На полу лежали пистолет и помповый дробовик. Я подергал ручку, но дверца была закрыта.

Что-то как будто толкнуло меня в спину, заставив поднять голову.

Ко мне быстрым шагом шел Руфус Кайт. До пассажирской дверцы ему оставалось три шага.

Я бросился на палубу и закатился под машину. Дверца открылась. Лежа на спине, я видел над собой ржавые внутренности подбрюшья «Доджа». Теплые капли моторного масла капали мне на горло.

– Хочешь всю булочку, красавица? – донесся голос Руфуса.

Дверь захлопнулась, и я снова увидел ноги. Теперь они уносили старика на нос парома. В руке у него болтался пакет с хлебом.

Прежде всего перенеси Вайолет в «Импалу».

Я выполз из-под пикапа. Вой двигателей и стон ветра заглушали скрипучие, режущие ухо крики птиц. Я поднял ручку и опустил задний

борт.

Связанная клейкой лентой, Вайолет лежала без чувств на кучке сырых сосновых иголок и кусков коры, остатков того, что пошло накануне на растопку камина.

Пока Кайты кормили чаек – бросая в три руки кусочки принесенного Руфусом хлеба, – я забрался на платформу, схватил Вайолет за лодыжки и стащил на откидной борт. Потом, задыхаясь от слабости и едва не теряя сознание, поднял ее с бортика и осторожно посадил на бетон возле поручня. Она пошевелилась, но в себя не пришла. Я поднял бортик и, подхватив Вайолет за плечи, поволок ее по палубе к концу автомобильной очереди. Следующую остановку пришлось сделать возле темно-синей «Хонды». Сопrotивляясь боли и усталости, я какое-то время смотрел на спящего водителя. Лицо его было прижато к стеклу, из уголка рта стекала струйка слюны. Мысленно я приказал ему не просыпаться.

Пройдя «Хонду», я еще раз обернулся и взглянул на Кайтов. Они по-прежнему были целиком поглощены кормлением чаек. Я забросил Вайолет на плечо и, поднапрягшись, выпрямился, думая лишь о том, чтобы нас не увидели из смотрового салона. От «Импалы» нас отделяло не больше десяти небольших шагов.

Уложив Вайолет на заднее сиденье, я сел за руль. Ледяная крупа сыпала быстрее, чем успевала растаять, иступленно колотя по крыше.

А потом стало тихо. На востоке, где облака трескались, словно старинная краска, в порывах показывались кусочки неба цвета индиго.

Время шло, и теплые тона пурпурного стали меняться на темные красно-коричневые, цвета бычьей крови, а на юге и востоке вдоль горизонта протянулись полосы суши. Скоро вдалеке проступил силуэт маяка мыса Хаттерас, высочайшего, двести восемь футов, в Америке маяка, луч которого шарил по Бриллиантовому мелководью, кладбищу Атлантики. Мне не терпелось как можно скорее убраться вместе с Вайолет с парома, отвезти ее в безопасное место и достать себе что-нибудь от чудовищной боли.

Вытащив ключи из зажигания, я перелез на заднее сиденье и перерезал самым длинным ключом клейкую ленту на запястьях молодой женщины, а потом сорвал полоску ленты со рта.

– Вайолет? Вайолет, вы меня слышите?

Она пробормотала что-то и повернулась на бок.

– Вы в безопасности, Вайолет. Вы с Энди.

В салоне заметно похолодало.

Я вернулся на водительское место, готовый в любой момент включить

двигатель и хотя бы немного согреться. Потом посмотрел в ветровое стекло и увидел Максина Кайт, которая, не отрываясь, вглядывалась в тонированное боковое окно стоявшего впереди «Шеви». На старухе было старое, поношенное габардиновое пальто, висевшее на ней, как вешалке, и похожее на черное свадебное платье.

Я запер все пассажирские дверцы и вышел на палубу.

Дверца хлопнула, и Максина подняла голову.

В следующий момент она сорвалась с места и исчезла за надстройкой.

Прихрамывая, я двинулся за ней.

Солнце уже окрашивало облака нежным персиковым цветом. Носились с криками чайки.

Внешние отмели переходили во владение солнца – краешек розового пламени выглядывал из-за грани моря.

Кайты стояли на носу, омытые рассветом, покрасневшиеся, наблюдая за мной со смесью шока и удивления.

Все, кроме Лютера.

Он рванулся ко мне, но Руфус схватил его за руку:

– Не здесь, сынок. – Глядя на меня, глава семейства покачал головой и ухмыльнулся: – Господи, Эндрю, ты из чего сделан? Из резины? – Он с усмешкой покачал головой.

От психопатов меня отделяло футов пять.

– Она у меня, – сказал я.

– Это я вижу.

– Предлагаю так, Лютер. Как прибудем в Хаттерас, ты садишься в свой пикап, я – в свою машину, и дальше каждый следует своей дорогой. Думаю, мы будем квиты, а? Я оставил умирать тебя, ты – меня.

– Мне наплевать, квиты мы или нет.

Все вдруг поплыло перед глазами.

Небо закружилось.

Я пошатнулся, но удержался на ногах.

– А я им восхищаюсь, – сказал Руфус. – Тряхануло-то его как следует. Вспомните, каким мы его оставили. Обгорелым, бездыханным, без... – Мимо нас, шевеля губами в такт звучащей в наушниках музыке, прошел член команды. – Без пульса. Да это же воскрешение!

Хаттерас был уже близко, и его глядящие на залив дома походили на сказочные кукольные домики.

– Послушай, – продолжал Руфус, – ты хочешь сказать, что дашь нам свободно, без шума убраться с парома? Уехать в закат? И не станешь мстить? После всего, что мы тебе сделали?

- Мне нужна только Вайолет.
- Что ж, думаю, ты это заслужил.
- Эй, пап, что такое?
- Заткни рот, сынок, – прошипела Максин.
- Посмотри мне в глаза и скажи, что не станешь нас преследовать.

Я посмотрел в его пустые масляно-черные глаза и сказал то, что он хотел услышать.

Потом повернулся к «Импале» и вдруг вспомнил. Обернулся:

– Что с Элизабет Лансинг?

Лютер только улыбнулся.

Глава 68

Я сидел за рулем «Импалы». Берег Хаттераса быстро приближался, но внутри у меня все кипело.

Я не собирался гоняться за Кайтами, съехав с парома. Какого черта? Я хотел покончить с ними здесь и сейчас, если только это не создаст опасности для других пассажиров.

Двигатели стихали – мы подходили к острову.

Мои мысли обратились к Бет, но я твердо отодвинул их в сторону. Ближайшие часы потребуют моего полного внимания. И если я переживу их, времени для скорби будет в избытке.

Вайолет резко вздохнула. Я оглянулся – ее веки затрепетали, глаза открылись. Мертвые глаза. Пустые. Как будто ей только что открылась некая ужасная правда.

Уткнувшись лицом в виниловое сиденье, она заплакала.

Двигатели умолкли совсем.

Я перебрался на заднее сиденье, несмело погладил ее по волосам:

– Вайолет, мы на пароме и вот-вот причалим к Хаттерасу.

Она подняла голову и посмотрела на меня:

– Как вам удалось выжить?

– Сам не понимаю.

Стекло разлетелось вдребезги.

Мы оба вздрогнули.

Что-то тяжело грохнулось на ветровое стекло.

Капитан парома распластался на приборной доске, забрызгав салон красными, как бургундское, каплями.

Я быстро вытер глаза от крови. В смотровом салоне прогремели еще

три выстрела. Судя по звуку, палили из дробовика.

И тут же в разных местах затрещало оружие помельче.

Послышались крики.

Что-то тяжелое гроыхнуло по крыше «Импалы».

По заднему стеклу потекла кровь.

В комнате отдыха кто-то застонал и позвал на помощь.

Из «Шеви», растерянно оглядываясь, выбрался водитель в мятом костюме. Я окликнул его через разбитое окно. Он посмотрел на меня и рассеянно двинулся к носу баржи, глядя недоверчиво по сторонам, как будто попал вдруг в кино. Приблизившись к баку, внезапно остановился, дал задний ход и вдруг упал на колени.

С револьвером в руке к нему подошел Руфус.

Бизнесмен поднял руки, показывая, что сдается.

Я не видел, как он умер, – слышал только негромкий хлопок, потому что в этот самый момент открыл дверцу и вывалился на палубу между машиной и поручнем.

– Оставайся здесь! – бросил я Вайолет.

– Что происходит?

– Они убивают всех, кто есть на пароме.

Я захлопнул дверцу и пополз дальше между машинами и поручнем, а потом оглянулся и увидел на продавленной крыше «Импалы» распростершегося, словно громадная мина, мертвого члена команды.

Сбоку, из затянутого дымом салона, два окна которого по правому борту были разбиты, появилась Максин. Похожая в своем черном пальто на демоницу, она держала в руках тот самый помповый дробовик, который я видел в кабине пикапа.

На втором уровне ее встретил спустившийся из рубки Лютер.

Руфус сунул руки в карманы кожаной куртки – скорее всего, у него кончились патроны.

Я замер. Ни силы, ни воли не осталось. Меня вырвало последней выпитой за двадцать четыре часа жидкостью.

Сесть и сидеть, и пусть они убивают друг друга? Пусть забирают Вайолет?

Увидев, что Максин и Лютер вместе спускаются по лестнице, я вскочил и бросился на Руфуса. Старик поднял голову, когда нас разделяло не больше десяти шагов. Он все еще возился с рассыпавшимися по палубе патронами, но, увидев меня, вскинул руку, направил дуло мне между глаз и выстрелил. Мы оба услышали сухой щелчок – осечка. Я ударил его в лицо и почувствовал, как ломаются хрупкие кости. Руфус споткнулся о только

что убитого им мужчину и упал. Но от кормы ко мне уже бежали Лютер и Максин. Я метнулся на другую сторону и укрылся между надстройкой и пикапом Кайтов, притаившись за передним левым колесом.

Я открыл барабан.

Руфусу удалось вставить только два патрона. Если б он успел спустить курок еще раз, я был бы мертв или умирал.

Находясь у левого борта, я смог заглянуть в смотровой салон. Два силуэта сидели, привалившись друг к другу. Стекло у них за спиной треснуло и отливало красным в лучах раннего солнца. Налетевший порыв ветра обрушил остававшиеся осколки на палубу.

Я осторожно выглянул из-за старенького «Джипа».

Максин и Лютер помогали Руфусу подняться.

Я взял Лютера на мушку и дважды выстрелил.

Он посмотрел в моем направлении. Ветер взметнул черные, как вороново крыло, волосы и швырнул их в белое, словно кость, лицо. Эхо выстрелов быстро разлетелось и так же быстро стихло над водой. Родители окружили его с обеих сторон. Максин подняла рубашку.

Я слышал, как Лютер говорит что-то.

Его мать с ревом вскочила, держа в руке дробовик, и направилась к «Доджу». В ее бездушных глазах бушевало пламя. За ней потащился Руфус.

Я отполз к корме, снова миновав темно-синюю «Хонду». Стекло пробила одна-единственная пуля, угодившая в щеку спавшему водителю.

Щелчок за спиной заставил меня обернуться – стоявшая между поручнем и машинами Максин целилась в меня из дробовика.

Я упал на капот и перекатился на другую сторону.

Дробовик грохнул, стекло разлетелось, металлические шарики ударили по металлу.

Старуха уже приготовилась сделать второй выстрел, и я метнулся к лестнице и взлетел к заднему входу на второй уровень.

Дверь была открыта.

Ряды стульев посередине, еще больше вдоль окон.

Мертвая пара слева.

Они так и остались сидеть.

Им выстрелили из дробовика в лицо, и теперь их было не узнать.

Еще одна пара на полу. Кровавое пятно там, где они надеялись спрятаться.

Треснувшее стекло, и яркое розовое солнце за ним.

На пароме воцарилась тишина. Маневровые двигатели работали на холостом ходу, сама же баржа еще двигалась по инерции вперед.

Я посмотрел в пустое, без стекол, окно – Кайты окружали корму. Еще секунд пять, и они полезут по лестнице вверх.

Я сорвался с места и помчался в переднюю часть салона.

Кайты уже карабкались по ступенькам.

Я толкнул дверь, но она открылась внутрь, а за ней, улыбаясь, целый и невредимый, стоял Лютер. В меня ударило его дыхание, отдающее ароматом «Уиндекса».

– Паршивый ты стрелок, Эндрю.

С другой стороны в салон, надсадно дыша, вошла Максин.

Я попытался ударить Лютера в горло. Он перехватил мой кулак, и я покатился вниз по ступенькам.

* * *

В оцепенении я лежал на бетонной палубе. Гудела голова. При падении я то ли растянул, то ли сломал левую руку.

Кайты спускались.

Лютер подхватил меня под мышки и поставил на ноги, прислонив к поручням.

Порывами налетал холодный ветер.

Все щурились от солнца, а Максин целилась мне в живот из дробовика.

Стоявший рядом Руфус одной рукой обнимал жену за плечи, а второй держался за челюсть.

Их сын шагнул ко мне:

– Ну что, Эндрю? Надеюсь, ты не в обиде? Просто у каждого свой путь, ведь так?

– Зачем было убивать всех? Не понимаю...

– Чтобы ты не смог позаимствовать у кого-нибудь телефон. Чтобы не позвонил. Чтобы на пристани нас не ждала полиция... Это ты, Эндрю, убил всех этих людей. Никто не умер бы, если б ты просто дал нам уйти. Теперь нам придется немного поплавать, так что...

Я заметил в левой руке у Лютера нож-боуи. *Так вот что мне уготовано.*

– А как же Вайолет?

– Изумительная девушка. Смотрю на нее и думаю: может быть, она сделает меня другим?..

Все случилось быстро.

Рев двигателей.

Все обернулись.

Мы с Лютером успели отскочить, а вот Максин и Руфус оказались не столь проворны, и «Шеви» швырнул их к поручню. Вайолет добавила газу и, убедившись, что «красавица» и «сладенький» надежно прижаты к ограждению, поставила машину на тормоз, вышла и подняла с палубы дробовик.

Лютер уже вскочил и бросился бежать.

Она прицелилась. Грянул выстрел, но мгновением раньше Кайт перепрыгнул через поручень и сиганул в воду.

Вайолет подбежала к левому борту и, держа дробовик наготове, посмотрела вниз.

– Где он?

– Я не вижу.

Паром уже отделился от того места, где упал Лютер.

Мы перебежали на корму.

– Ты ведь попала в него? – спросил я, не сводя глаз с пенящейся внизу воды.

– Не уверена.

Рассмотреть получше было трудно – солнечный свет отражался от бурлящей поверхности, как от жидкого зеркала, слепя всеми цветами рассвета, но мы стояли и ждали.

– Эндрю, – сказала наконец Вайолет.

– Что, видишь?

– Я слышу сирены.

Глава 69

С трудом, преодолевая боль во всем теле, я последовал за Вайолет на нос баржи. Солнце уже наполовину поднялось над морем, и небо быстро наполнялось светом.

Вой сирен приближался.

Мы вернулись к «Блейзеру». Вайолет остановилась возле бампера. Руфус сполз вниз, и его голова лежала на капоте. Максин, с помутневшими глазами, еще пыталась дышать.

Я открыл дверцу «Блейзера» и выключил двигатель.

Вайолет коснулась губ Руфуса еще дымящимся стволом дробовика. Глаза ее были холодны как лед.

– Я не стану спрашивать, знаете ли вы, что отняли у меня. – Она положила палец на спусковой крючок. – Сейчас я хочу лишь одного – сделать вам больно.

– Давай, – прохрипел Руфус.

Собачка щелкнула, и Вайолет посмотрела на палец так, словно он совершил что-то помимо ее желания.

– Вы отняли у меня всё.

Она вдавила дуло в его щеку и скользнула взглядом по палубе, ставшей плавучим полем боя.

С того места, где мы стояли, нам были видны трое убитых: член экипажа, капитан парома и расстрелянный Руфусом пассажир.

– Зачем вы...

– Затем, что могли, – прошипела Максин, не в силах произвести звук более громкий. Она сделала долгий вдох, и глаза ее словно покрылись эмалью смерти. Голова опустилась, и подбородок коснулся решетки. Глаза закатились.

– Красавица, – прохрипел Руфус, силясь повернуть голову. – Красавица!

Я сказал ему, что она мертва.

– Не говори мне так. Ты не...

Старик закрыл глаза и заныл. Потом потянулся к жене свободной, левой, рукой, дотронулся до ее бледного лица, погладил растрепанные седые волосы.

– Радость моя, – пробормотал он напряженным голосом, словно задыхаясь; из покрасневших глаз вытекли слезинки.

Его последний выдох прозвучал печальным вздохом.

В полумиле от парома замигали голубые огни.

Вайолет выглядела усталой и постаревшей по сравнению с тем, какой была неделю назад. Ее одежда превратилась в рваные, засаленные лохмотья.

– Вайолет. – Детектив посмотрела на меня, отбросила назад грязные, пожелтевшие волосы, и ее зеленые глаза блеснули, а изможденное лицо как будто потеплело под солнцем. – Мне нужно уходить.

Она отбросила дробовик, опустилась на палубу и закрыла лицо руками.

– Все будет хорошо? – спросил я.

– Да.

– О тебе позаботятся.

– Подожди.

– Не могу.

Я наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Береги ребенка.

Я направился к правому борту. До воды было фута четыре. Я оглянулся через плечо на Вайолет, крохотную блондинку, сидевшую на носу баржи и смотревшую невидящим взглядом куда-то в даль. Странная, почти неестественная тишина опустилась на паром. Все притихло и успокоилось, кроме звездно-полосатого флага, хлопающего на мачте.

Я посмотрел вниз, на темную воду.

И прыгнул.

Боль пронзила меня с головы до пят.

Я вынырнул, хватая ртом воздух. Холодная соленая вода словно ужалила меня, соприкоснувшись с ожогами.

Собравшиеся на ближайшей отмели большие бакланы с криками поднялись в воздух, напуганный моими воплями.

Я поплыл к берегу. Левая рука отдавалась болью при каждом гребке, но мне уже стало легче.

Передо мной лежала южная оконечность Хаттераса, его необитаемая часть – пустынный берег и болота.

Примерно на полпути я наткнулся на отмель и поднялся, весь дрожа и по колено в воде.

Рядом что-то плюхнулось.

Я обернулся к «Киннакиту».

Вайолет вынырнула, отчаянно колотя по воде ногами и неуклюже размахивая руками. При этом она каким-то чудом не только оставалась на поверхности, но и двигалась в мою сторону.

– Ты что делаешь? – стуча зубами, спросил я, когда она добралась до отмели и встала.

Вайолет трясло так, что ответить сразу она не смогла.

– Они убили моего мужа.

Мокрая с головы до ног, женщина расплакалась. Дыхание слетало с ее губ клубочками пара.

– Ты о чем...

– Я видела его, Эндрю! Макс висел в той жуткой комнате!

Она посмотрела мне в глаза с каким-то отчаянием, как будто ждала, что я скажу ей что-то другое, какую-то прекрасную, сладкую ложь.

Я обнял ее, и мы стояли, дрожа, в этом горьком рассвете.

– Мне некуда возвращаться.

– У тебя семья, друзья и...

– Без него ничего не получится.

Я сжал ее лицо обеими руками.

– Скажи мне, чего ты хочешь?

– Не знаю, но все изменилось. Я не могу вернуться домой.

Она отстранилась и поплыла к берегу, до которого оставалось ярдов сорок. Я последовал за ней.

Солнце уже полностью поднялось над морем и сияло теперь над ним.

Кружилась голова.

Мир вокруг немного туманился.

Я скользнул под воду, потом все же пробился на поверхность. *В следующий раз там и оставайся.*

Вайолет первой добралась до берега и теперь стояла и плакала.

До меня наконец стало доходить.

Ее сделали вдовой. Она видела такое, что выпадает на долю немногих, не считая тех, кто побывал на войне.

По воле чудовища она оказалась брошенной в пустыне одиночества.

Но и я был там же.

Был – и нашел выход.

И теперь могу показать его ей.

Эпилог

*Я бы хотела отпереть эту дверь,
повернуть ржавый ключ
и обнять каждого падшего, но я не могу, не могу.
Я могу просто сидеть здесь, на земле,
на своем месте за столом.*

Анна Секстон «Запертые двери»

Девять месяцев спустя
Вайолет проснулась.
Протерла глаза.
Было утро.
Макс ворковал в колыбельке.

За кухонным столом, в поношенном фланелевом халате, над стопкой страниц с карандашом в руке склонился, внося поправки в рукопись, Эндрю. В камине – небольшой огонь, которому еще только предстоит выгнать из угла ночной холод.

Сильно пахло крепким кофе.
– Доброе утро, – сказала она.

Эндрю повернулся и посмотрел на нее сквозь упавшие на глаза волосы.

– Доброе утро.

Она подползла к краю кровати, приподнялась, заглянула в колыбельку и подняла сына. А когда подтянула сорочку, его маленькие мокрые губки раскрылись и жадно приникли к ее темному, набухшему соску. Откинувшись на спинку кровати, она наблюдала за ним.

И малыш смотрел на мать из-под ресниц.

Эндрю поднялся из-за стола и подошел к ним.

– Что-то не так?

Вайолет покачала головой:

– Всё в порядке. Это хорошие слезы.

Озеро было темным, как черный чай, и прозрачным до самого дна. Со всех сторон его обступили черные ели. Даже в середине августа вода оставалась ледяной и теплела только в полдень, когда солнечные лучи падали почти отвесно и доставали до мягкого, заиленного дна, а сам солнечный свет превращался в сияющий зеленый поток, теплый, как вода в ванной.

Эндрю вынырнул. Голый, он с удовольствием впитывал юконское солнце, размышляя о том, как закончить свою автобиографию. Может быть, вот этим? Озерцом в долине, у подножия гор?

Описано было все: Пустошь, Орсон, Внешние отмели, Кайты, «Киннакит». Оставалось только поклониться на прощание и отступить за занавес.

Эндрю прошел последние футы и ступил на берег. Стянул в хвост волосы, обмотался полотенцем и упал на расстеленное и согретое солнцем полотенце. Вайолет подала ему темные очки; он водрузил их на переносицу, откинулся на спину и закрыл глаза.

– Ну как? – спросила она.

– Чудесно.

– Пожалуй, я тоже окунусь. – Вайолет посадила сына на грудь Эндрю. – И не подсматривай, Энди, – предупредила она, хотя ее живот практически вернул прежнюю форму. Ви родила три недели назад в больнице Уайтхорса. Эндрю был рядом.

Теперь, пока женщина раздевалась, он присматривал за укутанным и спящим Максом.

– Всё, я иду.

– На середине тоже тепло.

– Не подглядывай.

Вайолет ступила в воду с вязкого берега, и ее короткие светлые волосы заблестели в солнечном свете, как шампанское с клубникой.

Макс, проснувшись, едва слышно пискнул.

Эндрю склонился над ним.

Малыш зевнул, открыл глаза и увидел знакомое бородатое лицо.

– Боже, как же здесь хорошо! – воскликнула Вайолет, смеясь.

А Эндрю уже представил окончание книги.

Приступы паники у Ви все реже, хотя я и просыпаюсь порой среди ночи, услышав, как она плачет в подушку. Иногда она зовет меня, просит спуститься и посидеть с ней. Иногда она плачет одна. Мы редко говорим о том, что случилось на Внешних отмелях. Мы не строим планов на будущее. Ей нужно пожить в настоящем. Как и мне.

*Какое необычное и прекрасное лето – в лесу, с Ви...
Так покойно мне еще не было.*

* * *

К вечеру небо стало бледнеть, и они пошли домой – прогулка в четверть мили через лес по лосиной тропе.

Эндрю задержался – погасить костер.

Вайолет вошла в дом, положила сына в колыбельку и села за кухонный стол с ручкой и бумагой.

Не зная, что сказать, она потратила бо́льшую часть слов, описывая Макса.

Перечитывая это письмо об их внуке, Вайолет представила Эберта и Эвелин за городом. У них там сумерки, и они сидят на веранде их выкрашенного белой краской дома, вдыхая туманный воздух с приятной ноткой навоза.

Она почти ощутила запах отцовской трубки и увидела то же, что и они: широкие луга, амбары, мягкий, голубовато-зеленый горизонт с начинающими ронять листья деревьями, которые не пережили бы и одной юконской зимы. На мгновение ею овладела тоска по дому, по этим деревьям, по отцу и матери.

«Я скучаю по вашим деревьям», – написала она.

* * *

Пока Ви укачивала малыша, Эндрю приготовил ужин, наполнив дом ароматами помидоров, чеснока и пасты.

Ели на заднем крыльце. Загорелые лица освещала свеча, пламя которой словно застыло в безветренном вечере.

Часы показывали начало одиннадцатого, но в небе еще держался свет.

На севере в конце лета по-настоящему темно становится только к полуночи.

Некоторое время назад прошел дождик, и в воздухе стоял резкий и чистый запах хвои. Ели окружили крыльцо, так что до веток можно дотронуться рукой.

Эндрю отложил вилку и сделал глоток прекрасного чилийского вина.

– Пока ты принимала душ, я закончил эпилог.

Вайолет опустила глаза на тарелку.

– Ви?

Она подняла наконец голову и посмотрела на него через шаткий карточный стол. Он заметил, что у нее дрожат руки.

Эндрю давно превратил лофт в спальню, положив матрас там, где стоял прежде его письменный стол.

Поздно, темно, тихо.

Лунный свет вливался в окна и расплескивался по половицам.

Вайолет успокоилась.

Они не спали, а вот лежащий между ними Макс легонько посапывал.

– Трудно? – спросила шепотом Вайолет.

– Что?

– Сам знаешь. Лежать здесь со мной и... ничего не делать.

Эндрю улыбнулся:

– Спи. – Он едва не сказал «спи, мой ангел».

Ее голова на сгибе его локтя.

Она потерлась щекой о его щеку.

– Что ты делаешь?

– Макс никогда не носил бороду. Мне нравится твоя. Нравится, как она пахнет.

– Ты мне всю ночь спать не дашь?

– Могу.

* * *

14.10. 03. Хейнс-Джанкшн, Юкон

Прошлую ночь провел в отеле «Ворон». Дорого. На этот вечер поищу чего-нибудь по разумной цене. Завтрак в ресторане «У Билла». Кофе. Две изумительные «Медвежьи лапки». \$11.56. ЭТ снова приезжал в деревню на своем старом «Чероки». Ходил в библиотеку. Я ездил к его дому. 5,9 миль по Бореалис-роуд. Одноколейка. Погода прекрасная. Холодно. Проехал мимо, к дому сворачивать не стал. Сильно нервничал. (Не будь таким трусишкой.) Думаю, завтра вернусь пешком и подойду через лес поближе.

В его мысли вмешался интерком: «С удовольствием объявляем посадку на рейс 6346, следующий до Уайтхорса, Юкон».

Видавший виды фиолетовый блокнот закрылся.

На обложке значится «Х. БУН». Аккуратная надпись, сделанная черным маркером.

Пассажир, занимавший место 14С, положил блокнот в кожаную сумку, повесил ее на плечо и направился к гейту. Волосы у него короткие и светлые, но корни, если присмотреться внимательнее, все еще черные.

Преодоление

Предисловие автора

Мой первый роман «Пустошь. Дом страха» вышел в 2004 году. В нем рассказывалось о писателе Эндрю З. Томасе, втянутом в кошмар более жестокий и пугающий, чем в написанных им книгах. Роман «День закрытых дверей», продолжение «Пустоши», появился в 2005-м; он заканчивается тем, что Лютер Кайт, самый жестокий негодяй, о каком я когда-либо писал, в погоне за Энди Томасом, Вайолет Кинг (детектив, которую спас Энди в «Дне закрытых дверей») и маленьким сыном Вайолет, Максом, отправляется в дебри Северной Канады.

Я всегда знал, что повесть об Эндрю Томасе будет трилогией. Просто мне потребовалось шесть лет, чтобы понять, как ее закончить.

Блейк Крауч

8 февраля 2011 года

Дуранго, штат Колорадо

*Говорят, то, над чем ты смеешься,
Возьмет верх над тобой,
И ты станешь монстром,
Чтобы монстр не одолел тебя.*

U2 «Мир на земле»

Юкон, Канада

Осень 2004 года

Энди

Начало октября.

Холодный полуночный дождь колотит по жестяной крыше.

– Неплохо бы хлебнуть виски, – сказала Вайолет. – Согреть кости.

Я подбросил в огонь еще одно березовое полено и отполз назад, на ковер из медвежьей шкуры, где со своим бокалом вина разлеглась Ви.

– Уже замерзла?

– Я – девушка южная. Мне всегда холодно.

– Неприятно говорить такое, но эта зима не сулит тебе ничего хорошего.

– Насколько здесь бывает холодно? При самом худшем сценарии?

– Пятьдесят ниже нуля. В плохой день – шестьдесят.

– Даже из постели не вылезу.

Я отпил вина, посмотрел на отблески пламени, пляшущие на стропилах над лофтом, некогда служившим мне кабинетом, а теперь ставшим спальней для Вайолет и детской для ее четырехмесячного Макса. Малыш блаженно спал в самом теплом месте дома, там, где собиралось все тепло от огня.

На лице Вайолет причудливо играли тени.

Я гнал от себя эту мысль, боролся, пытался не обращать внимания, но не мог отрицать того, что чувствовал в глубине души. Я влюблялся... по уши... в эту женщину.

– Что такое? – спросила Ви.

– Ничего.

– Нет... ты так смотришь...

– Не знаю, о чем ты.

Она ухмыльнулась:

– Ты в меня втрескался, Энди?

Я покраснел до кончиков ушей – и думал только о том, заметно ли это в полутьме.

– Слегка, ты уж прости.

– Ничего, это вполне понятно. Я же очаровательна.

Рассмеявшись, я лишь на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл, Вайолет наклонилась так близко, что я уловил аромат вина в ее дыхании.

В зеленых глазах – черные крапинки. А ведь раньше и не замечал.

– Вайолет...

– Я этого хочу.

– Ты уверена? Потому что, если сомневаешься...

Она заставила меня замолчать поцелуем.

Легким.

Нежным.

Зовущим.

Мне хотелось, чтобы он продолжался всю жизнь.

Мы растворялись друг в друге, от ее губ к моим словно шел электрический разряд. Я провел рукой по изгибу ее бедра, подумав, насколько далеко мы зайдем.

– У меня этого не было, – прошептал я. – Не было долгое время.

– Не было чего? О чем ты говоришь?

– Ни о чем. Я просто...

– погоди. – Она отпрянула. – Ты полагаешь, нам следует переспать?

– Нет, я просто подумал...

– Я шучу, следует.
– Зачем ты меня мучаешь?
– Может, потому, что это так легко? – Она поставила бокал на дощатый пол и притянула меня к себе. – Скажи правду: сколько раз ты воображал себе этот момент?

Я улыбнулся, чувствуя ребрами ее бедра.
– Ты через многое прошла, Ви.
– Мы оба прошли.
– Еще и года не минуло.
– У меня было достаточно времени, чтобы узнать тебя. И не пытайся отговорить.

И я поцеловал ее; мои руки блуждали по ее телу, словно открывая для себя какое-то чудо. Позади нас ярился огонь, дождь добавил прити. Множество раз я воображал этот момент – по крайней мере, с начала лета, – но то, что происходило сейчас, не было похоже на мои мечты. Теперь я любил ее, и никакие фантазии не могли с этим сравняться.

– Хочешь перебраться в мою постель? – шепнул я ей на ухо.
– Да, пожалуй.
Я насилу смог от нее оторваться. Какое прекрасное место... Я встал на колени и помог ей подняться.

– Боже, ты прелестна.
Я бы раздел ее прямо там, в свете огня, если б не было так холодно. Как жаль, что мы не занялись этим теплой летней ночью...

– Только на секунду сбегая наверх, – сказала Вайолет. – Иди, забирайся под одеяла и согрей нам постель.

Поднявшись, я двинулся по холодным доскам пола в темный закуток под лофтом, где стояла моя кровать.

Вино ударило в голову, наполняя ее приятным шумом.

Вайолет поднялась по лестнице в лофт.

Под свитером бухало сердце.

Добравшись до постели, я отбросил одеяла, размышляя, следует ли ожидать ее обнаженным и не сочтет ли она это неприкрытой пошлостью.

Решив на всякий случай пока не раздеваться, я заполз под одеяла.

Я слышал, как прямо надо мной Ви ходит по скрипучим доскам, и думал о том, сколько ночей пролежал здесь в темноте, прислушиваясь к ее шагам, надеясь, что она испытывает те же чувства, что вдруг решит прокрасться посреди ночи и лечь ко мне в постель. Какая-то часть меня все еще не верила, что это вот-вот произойдет.

Под одеялами было холодно, и я натягивал их до самого подбородка,

чтобы сберечь тепло, когда Вайолет завизжала.

Я вскочил.

– Энди! – пронзительно кричала она.

Выпрыгнув из постели, я ринулся к лестнице, крича на ходу:

– Что случилось?

– Он исчез!

Я шагнул в лофт.

Темнота – и больше ничего, кроме отблесков пламени, отраженного металлом и стеклом.

– Кто исчез? – спросил я. Едва глаза привыкли к темноте и мне удалось рассмотреть Ви, склонившуюся над колыбелью и шарившую в одеялах, как все стало понятно.

– Макс.

– Он никак не мог выползти наружу?

– Энди, ему четыре месяца. Он даже переворачиваться не умеет.

Я включил лампу и подошел к Вайолет.

– Ты уложила его после ужина, правильно?

Вайолет кивнула; грудь ее вздымалась, зрачки были расширены, взгляд метался по комнате.

– Он быстро уснул. За десять минут. Потом я спустилась, и мы болтали у огня... Сколько? Пару часов?

– Да.

Ви покачала головой:

– Что-то здесь не так, Энди. Что-то здесь не так.

Обогнув колыбель, я подошел к единственному возможному выходу из лофта – квадратному окошку размером два на два фута под самым скатом крыши.

– Оно открыто? – спросила Вайолет.

Я опустился на колени, осмотрел задвижки.

– Нет, но оно не заперто.

– Ты его запирал?

– Я на девяносто процентов уверен, что... Проклятье!

– Что?

Ви бросилась ко мне.

Я потрогал доски пола.

– Они мокрые. – Меня накрыла холодная волна паники. – Пока мы находились внизу, кто-то здесь побывал.

Вайолет смотрела на меня полными слез глазами.

Ком в горле мешал дышать.

– Значит, он был здесь? Он нашел нас и забрал моего сына...

Я шагнул к лестнице – и сразу почувствовал слабость в коленях и понял, что они цепенеют.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотал я, добравшись до лестницы, и начал спускаться вниз.

– У меня головокружение... все сильнее, – пробормотала Ви. – Думала, это из-за вина.

Колени дрожали; рискуя потерять равновесие, я осторожно спускался по лестнице. Мозг словно заклинило, последние шестьдесят секунд казались кошмаром, и я спрашивал себя, неужели все это происходит на самом деле. За последний год мне с десятков раз снилось, что он каким-то образом находит нас. Посреди ночи я просыпался в поту, парализованный страхом, пока не возвращался к реальности и волна облегчения не смывала пережитый ужас. Шел на кухню к раковине, выпивал стакан воды и ждал, когда успокоятся нервы.

Мои ноги коснулись досок пола у основания лестницы.

Вайолет безудержно рыдала в лофте. Ноги мои коченели все сильнее, и я пребывал в этом пугающем состоянии, не в силах проснуться. Или, хуже того, это не был кошмар, от которого можно очнуться.

Ударившись коленями о пол возле кровати, я пошарил под ней. Достал пистолет, но он оказался слишком легким, слишком маленьким. И сделан был не из тяжелого металла, а из оранжевого и зеленого пластика.

Я посмотрел на игрушечный пистолет марки «Нерф» в своих руках и произнес:

– Что, к дьяволу, происходит?

Голос прозвучал странно, словно исходил откуда-то из затылочной части головы. Я оглянулся, и комната поплыла вслед за поворотом шеи, а от света пламени в поле зрения образовался радужный след.

Монотонно раскачиваясь, Вайолет стояла внизу лестницы.

– Он подмешал нам наркотик, – сказал я, и она ответила, но слова растворились в отзвуках эха, не дойдя до моего сознания.

Ноги не слушались, но я добрел до входной двери и толкнул ее.

В круге света от фонаря на крыльце падал дождь.

За ним стояла непроглядная темнота.

От дыхания на холоде шел пар, я чувствовал свежесть на лице, но как-то отстраненно – под действием наркотика вялость усиливалась с каждой минутой.

Спотыкаясь, я спустился по ступенькам в лужу; ледяная вода мгновенно пропитала носки. Тут я заметил, что все еще держу в руке

игрушечный пистолет, и бросил его в грязь.

Мой «Си-Джей 5» стоял на границе светового круга; на ватных ногах я двинулся к нему.

В багажнике хранилось охотничье ружье: я надеялся подстрелить лося, чтобы прокормиться зимой.

Врезавшись в дверцу внедорожника, я нащупал ручку. Дверца распахнулась, я забрался внутрь и наклонился между сиденьями. По крыше салона барабанил дождь.

«Ремингтон» исчез.

Он забрал и его тоже.

Я выбрался из машины, шагнув в грязь, и уставился на лампу над крыльцом в тридцати футах от меня; свет от нее бил сквозь дождь в глаза.

Голова отяжелела, пальцы – тоже, они словно тянули меня вниз, к грязной земле.

В доме всхлипывала Вайолет. До меня дошло, что мы непременно потеряем сознание, и эта мысль ужаснула.

В голове крутились вопросы: как долго он следил за нами, планируя эту ночь, сколько времени провел в моем доме – ведь он узнал, где я храню пистолет, ружье и бог ведает, что еще... как он сумел похитить Макса.

Я двинулся назад, к Вайолет, но, сделав четыре шага, упал лицом в холодную грязь и уставился в сторону открытой двери дома, внутренние стены которого качались в отблесках пламени.

Вайолет перестала рыдать и теперь ползла по направлению к двери.

Мне хотелось окликнуть ее, но голос не подчинялся.

Она замерла, свесившись через порог, и больше не двигалась.

Глаза против моей воли начали закрываться, свет фонаря – меркнуть, пока не превратился в свет далекой звезды.

Теперь монотонный шум дождя ослабел, а вместе с ним – и холод; и, уже проваливаясь в небытие, я не мог расстаться с последней, приводящей в ужас, мыслью – это не конец всего и, уж конечно, не конец жизни. Возможно, это последнее мгновение покоя, какого мне больше не суждено испытать, потому что, когда сознание вернется, я окажусь в аду.

Вайолет

Она открыла глаза и сразу же снова зажмурилась.

От ослепительного света захватывало дух.

Потеря ориентации расстроила все органы чувств.

Она спрятала лицо между ладонями, но свет все же проникал между пальцами, опалая сетчатку глаз.

Я очень-очень долго оставалась в темноте, очень-очень долго.

А потом вспомнила – *Макс*.

Вайолет разрыдалась, и по тому, как разносился звук, поняла, что лежит где-то на улице.

Поверхность под нею была жесткой и неподатливой – вероятно, какое-то дорожное покрытие.

Стояла полная тишина. Не было слышно даже извечного шороха ветра в ветвях елей, ставшего привычным за последний год. Она не могла вызвать в памяти последние события, только ассоциировавшиеся с ними эмоции – страх и горечь утраты.

Вайолет перекатилась на спину и заставила себя открыть глаза.

Тридцать секунд нестерпимого блеска, потом мир потемнел, и она поняла, что смотрит в низкий серый полог облаков.

Вайолет села.

И обнаружила, что находится посередине улицы в каких-то трущобах.

По обе стороны – дома.

С огромным трудом она поднялась на ноги. Почувствовала слабость. Словно месяцами не вставала.

От жажды мутилось в голове.

Она заковыляла через улицу к ближайшему зданию, зашла во двор, поросший высокой травой, поднялась по скрипучим ступеням.

И постучала во входную дверь:

– Эй! Мне нужна помощь. Эй!

Голос звучал странно. Непривычно. Отступив на шаг, она ждала. Никаких признаков жизни с той стороны двери. Нигде ни звука, только глухой стук пустой жестянки из-под пива, катившейся по дороге.

Может быть, из-за тумана в голове Вайолет совершенно не обратила внимания на то, что в окнах нет стекол. Она приблизилась к одному, справа от двери, и посмотрела сквозь паутину во тьму.

Развалившаяся мебель.

Запах гнили и плесени.

Разлагающееся дерево.

Вайолет спустилась по ступеням, прошла через двор и остановилась на дорожке возле соседнего здания. Она даже не пробовала постучать в дверь – запустение так и бросалось в глаза, те же окна без стекол с перекошенными рамами.

Ви снова вышла на середину улицы.

Все дворы заросли травой.

Во всех домах темно.

– Эй!

Ее голос эхом прокатился по улице и остался без ответа.

Она сначала пошла, потом побежала трусцой.

Оставив за спиной три квартала разваливающихся домов, Ви остановилась, ловя ртом воздух. Из ног ушла сила, они подогнулись, и ей пришлось снова сесть посреди пустой улицы, обхватив ноги руками, – чтобы держаться хоть за что-нибудь.

Должно быть, она спит. Все здесь кажется нереальным.

Внезапно в мозгу вспыхнула мысль: *я умерла*. Это объясняло неразбериху, слабость, провалы в памяти, сюрреалистичные трущобы. Вайолет подумала о сыне, о том, что все это значит, и перед ней возникла целая вереница новых вопросов. Она снова заплакала, захлебываясь от глубоких мучительных рыданий и горьких слез, и могла бы плакать весь день и потом еще всю ночь, если б та наступила, – но внезапно ее остановил голос, зазвучавший в голове.

Энди

Абсолютная темнота.

День за днем, день за днем.

Привязанный голым к деревянному стулу, опоясанному полосами леденящего металла, с кожаными ремнями, надежно удерживающими лодыжки, запястья и голову.

Полностью обездвиженный.

Ни еды.

Ни воды.

Ни звука – лишь изредка скрип металла где-то высоко над головой.

Единственная роскошь – дыра, вырезанная в сиденье стула, очевидно, чтобы я не заразился и не умер от собственных испражнений.

Когда жажда становилась невыносимой и меня охватывало отчаяние, некто непременно входил, приближался в темноте. Я чувствовал, как меж моих потрескавшихся, пересохших губ вставляют соломинку, и за тридцать секунд должен был выпить столько воды, сколько смогу. Порой тюремщик кормил меня холодным супом или ломтиком черствого хлеба, никогда не разговаривал, и я звал, пока его шаги удалялись, молил сказать хоть слово, хоть намек, что угодно, но он никогда не отвечал.

В минуты бодрствования меня мучили мысли о Вайолет и Максе – что случилось с ними? Я начинал всхлипывать. Пройдя все фазы страха, тоски, ужаса, я наконец погрузился в безумие.

Оно подкрадывалось ко мне – я ощущал, как помешательство ползет в темноте, скребется в заднюю часть черепа, ободренное потерей мною чувствительности. Зачастую я сам не знал, сплю или бодрствую. В

могильной тьме перед взором вспыхивали огни, всякий раз более красочные и насыщенные, чем прежде.

Фильмы для душевнобольного.

Я разговаривал с собой.

Пел.

Но по большей части плакал.

Круг повторялся, пока наконец я не испытал простое и всепоглощающее желание умереть. Муки обездвиженности, невыносимость ожидания в темноте неизвестно чего, холод, жажда и голод, растерянность и отсутствие понимания, как с этим покончить, оказались страшнее любой физической боли, какую мне доводилось вынести.

А потом это случилось. Дрожа, я очнулся от лихорадочного забытья и понял – что-то изменилось. В моей правой руке появился предмет, маленький, в длину больше, чем в ширину, из твердого пластика, с одной стороны покрытый резиновыми кнопками.

Неожиданно в голове зазвучал голос – мягкий, южный, знакомый.

– У тебя есть выбор, Энди. Он станет первым из многих, но, сделав его, ничего нельзя будет изменить. В правой руке ты держишь пульт дистанционного управления. Если хочешь что-нибудь увидеть, нажми большую кнопку.

Тут я понял, что в левой руке у меня устройство поменьше.

– Что в другой руке?

– Об этом позже.

– Где Вайолет и Макс? Лютер! Что ты с ними сделал?

Он не ответил.

Я сидел в темноте, касаясь круглой кнопки, смакуя первое за много дней новое ощущение – прикосновение резины к подушечке пальца.

Я не хотел этого делать. Знал, что ничего хорошего не выйдет, но все лучше, чем просто сидеть здесь в темноте.

Больше я не вынес бы.

Поэтому нажал на кнопку.

Вайолет

– Привет, Вайолет.

Она поднесла руку к микрофону в левом ухе, которого раньше даже не заметила.

– Подтверди, что слышишь.

– Где мой сын? – спросила она.

– У меня на руках.

Ви судорожно глотнула воздуха, глаза налились слезами, горло

сжалось.

– Если ты сделаешь ему...

– Он цел... пока.

– Я тебе не верю.

Из микрофона в ухе послышался крик Макса. Наверняка плакал ее сын – она узнала бы его голос из миллиона.

– Видишь, ты только что заставила меня ущипнуть его... Тише, тише, малыш. Успокойся.

– Макс, это мама. Я здесь. – Плач прекратился. – Пожалуйста, не причиняй ему боль. Я сделаю все, что захочешь.

– Очень рад слышать твои слова.

– С Энди всё в порядке?

– С Энди... бывало и лучше. Но он жив.

– Что тебе надо?

– Подними задницу.

Ви встала, медленно повернулась, окинув взглядом заброшенные дома, протянувшиеся вверх и вниз по улице. Снова коснулась микрофона, пробуя достать его. Он не сдвинулся с места, но Ви ощутила, как натянулась кожа.

– Не получится, – сказал Лютер. – Без скальпеля не обойтись. Шагай.

– Куда?

– К водонапорной башне.

Ви пошла.

– Ты меня видишь? – спросила она.

Кайт не ответил.

Водонапорная башня с тусклой серебристой цистерной, сплошь исписанной граффити, виднелась в четверти мили от нее.

Ей все же удалось прочесть название города, поверх которого нанесли другие надписи.

– Ты кормишь моего ребенка?

– О нем хорошо заботятся, Вайолет.

– Я должна увидеть его.

– Наверняка это можно устроить.

– Каким образом?

– Конечно, через повиновение.

Вайолет уже подходила к башне.

Площадку окружал забор из проволоочной сетки, поверх которой шла колючая проволока.

– Перелезай, – велел голос.

Она провела ладонями по волосам, собранным набок в пучок, потом

коснулась забора, покрытого толстым слоем ржавчины. Начав карабкаться, заметила, что одета в черный спортивный костюм и пару теннисных туфель, каких у нее никогда не было.

Забравшись наверх и перекидывая ногу через забор, она зацепилась штаниной за колючую проволоку и полетела вниз, оставив на заборе лоскут в шесть дюймов длиной.

Вскрикнула, ощутив струйки крови и жжение.

Ви ударилась о землю по ту сторону забора, повернулась и уставилась на башню – сто семьдесят пять футов ржавого металла, – возведенную много лет назад. Сооружение скрипело и заметно покачивалось на ветру.

– Наверху для тебя кое-что есть. То, что может пригодиться.

– На верху башни?

– Правильно.

Вайолет взглянула на нижнюю перекладину лестницы, находившуюся в шести футах от бетонного основания.

– Я не смогу дотянуться.

– Уверен, ты что-нибудь придумаешь.

Она шагнула на потрескавшийся бетон и остановилась прямо под лестницей. Встав на цыпочки и вытянув руки вверх, кончиками пальцев едва дотянулась до нижней перекладины. Присела, подпрыгнула и вцепилась в нее сначала одной рукой, потом обеими; кряхтя, подтянулась, так что глаза оказались на уровне побелевших костяшек пальцев. Выбросив правую руку вверх, поймала пальцами следующую перекладину и крепко обхватила металл.

Она кричала, через силу подтягиваясь еще раз; ничего труднее ей раньше делать не приходилось.

Колени коснулись нижней перекладины, и Ви перенесла вес тела на них, чтобы передохнуть.

Она задышалась.

Глаза жгло от пота.

Вайолет вцепилась в лестницу, давая сердцу успокоиться, а когда дыхание восстановилось, уперлась теннисными туфлями в нижнюю перекладину и посмотрела вверх, на основание цистерны для воды.

– Это безопасно?

– Разве это выглядит или кажется безопасным?

Ви начала подъем.

Сама лестница оказалась невероятно узкой, не больше фута в ширину. Каждая следующая перекладина отзывалась на вес тела пугающей вибрацией металла.

Вайолет поднялась на сорок футов, так и не глянув вниз, полностью сосредотачиваясь на каждой перекладине, на поверхности изъеденного ржавчиной металла. Делать аккуратные выверенные движения, поднимаясь все выше, – только это имело значение. Уж конечно, не мир, открывавшийся вокруг, и не заметный наклон башни, становившийся тем сильнее, чем выше она взбиралась, и не мысли, возникавшие в голове, – например, о болтах, крепивших лестницу наверху, которые, возможно, начинали медленно выходить из гнезд.

Дувший в лицо ветер принес крошечные шарики мокрого снега.

На полпути ей пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Ви задыхалась не от изнеможения, а от страха.

Она открыла глаза и, раздвинув ноги, посмотрела по лестнице вниз, прикидывая, что до бетонной площадки у основания башни должно быть семьдесят или восемьдесят футов. Фундамент двигался туда-сюда – или так, по крайней мере, казалось, хотя Ви знала, что башня и в самом деле качается. К горлу подкатила волна тошноты.

Соберись. Ты и не такое видала. Это ради Макса. Ради Энди.

– Не примерзла наверху, а?

– Нет.

Слова застревали в горле, ладони потели, опасно скользя по металлу перекладины. Когда Вайолет полезла дальше, правая нога стала подрагивать. Физическое истощение, страх и выброс адреналина привели к тому, что дрожали все мышцы.

Но она продолжала карабкаться вверх.

В лицо сбоку хлестала ледяная морось.

Ноги начинали скользить.

Ви посмотрела вверх. Еще три перекладины. Почти добралась.

Еще одно усилие.

Еще два.

Затем, подтянувшись вверх, она ухватила левой рукой за покрытые каплями воды поручни ограждения и оказалась на мостках, опоясывающих цистерну. В ширину не более двадцати четырех дюймов, они, по крайней мере, имели перила – слабое подобие предохранительного барьера.

На цистерне, вне пределов досягаемости, была установлена маленькая камера. Она смотрела вниз, туда, где лестница соединялась с мостками.

Вайолет прижалась к холодному металлу, и ее сердце билось о него. Ей не хотелось этого делать, но она не удержалась и обвела взглядом раскинувшийся внизу городской пустырь – всю брошенную округу, квартал за кварталом. Типичные шестиэтажные жилые здания – черные окна,

обветшалые игровые площадки в покинутых дворах. Ви вытянула шею. Вдали, на другом краю города, угадывались очертания оставленных людьми заводов. Черета зданий. Кирпичные, поднимающиеся над шиферными крышами трубы, из которых не шел дым. Промышленная свалка, и ничего больше. Город-призрак. Только откуда-то издали, с расстояния мили или больше, доносился гул автомобилей, а еще дальше она рассмотрела неясные контуры большого города.

В ухе затрещал микрофон.

– Вставай.

Ви протерла глаза от дождевой воды и поднялась на ноги.

– Я говорил, что припас кое-что для тебя, не так ли?

– Говорил.

– Я солгал. Не кое-что, а кое-кого.

Вайолет ощутила вибрацию под ногами. Испугавшись, что сейчас начнется приступ головокружения, она ухватила за шаткий поручень ограждения и сгорбилась.

С трудом шагнула назад к лестнице, глянула вниз.

Кто-то начал подъем наверх, взбираясь по лестнице быстро и целеустремленно.

– Это ты поднимаешься сюда? – спросила она.

– Это не я. Ее имя Дженнифер. Как и ты, она очнулась здесь около часа назад. И, подобно тебе, она – молодая мать. Ее дочка Марго, как говорится, делит колыбель с Максом.

Ви слышала металлический звук от ударов ступней по перекладинам лестницы.

– Зачем она лезет сюда?

– Потому что не хочет, чтобы ее дочь умерла. Полагаю, у тебя те же чувства в отношении Макса?

Она ощутила тяжесть в груди.

– Та из вас, которая не упадет и не разобьется до смерти в следующие десять минут, может быть уверена, что ее ребенок проживет чуть дольше.

– Лютер, ради бога...

– Забавно будет посмотреть.

– Я не могу такого сделать.

– Никто тебя и не просит. – *Клац. Клац. Клац.* – По мне, так стой, где стоишь, пусть она тебя скинет.

Вайолет отступила по мосткам от лестницы.

Из-за приступов тошноты ее нервы были на пределе.

Прислонившись спиной к цистерне и чувствуя дрожь в руках, она

слушала, как приближается соперница.

Потом кланье раздалось совсем рядом, и она увидела руки, ухватившиеся за поручни, и появившуюся за ними голову с грязно-светлыми волосами.

Женщина выбралась на мостки и встала перед Вайолет. В десяти футах. На несколько лет старше, может, слегка за тридцать, дюймов на шесть выше, в розовом спортивном костюме. Большие черные мешки образовали полумесяцы под глазами, лицо испачкали потеки туши. Волосы слиплись от мороси. Она выглядела крепкой, злой, настроенной на драку и... испуганной.

– Привет, – сказала Ви.

Женщина просто смотрела, но что-то в ней дрогнуло.

– О, мне стоило предупредить, – произнес Лютер. – Учитывая, что ты коп и подготовлена, я дал ей нож. Так будет честно.

Вайолет обратилась к женщине:

– Давай спустимся. Мы не должны так делать.

– Мой ангелочек у него.

– Я знаю. И мой сын. Но мы не должны делать того, к чему он пытается нас принудить.

– У нас нет выбора.

– Давай спустимся, – снова предложила Ви. – Мы что-нибудь придумаем.

Женщина покачала головой; по ее щекам уже текли слезы. Заведя руку за спину, она достала большой охотничий нож со зловещего вида острием и грязным зубчатым клинком. В ее руке нож смотрелся неестественно, и незнакомка то и дело посматривала на него, словно не зная, что с ним делать.

– Я – Вайолет. Тебя зовут Дженнифер?

Женщина неуверенно кивнула.

– Он выиграет только в одном случае – если мы станем исполнять его приказы. Не станем гоняться друг за другом, и он потеряет власть.

Голос в ее голове произнес: *Не совсем так, Ви.*

– Дженнифер, я работала копом. Ты мне доверяешь? – Вайолет шагнула вперед, протягивая руку. – Просто брось нож, ладно? Вместе мы сильнее.

У Дженнифер задрожала нижняя губа.

– Он собирается убить мою дочь.

– Я не допущу этого.

– Ты не сможешь выполнить свое обещание.

Внезапно в микрофоне у Вайолет раздался крик детей. Она и Дженнифер вместе завопили: «Нет!»

– Прекрати, Лютер!

– Пожалуйста! – пронзительно кричала Дженнифер.

Ви сделала еще шаг вперед, мотая головой от жалобного, надрывного детского плача.

– Посмотри на меня, Дженнифер! – крикнула она.

Женщина встретила с ней глазами.

– Он этого и добивается! Ты понимаешь?

– Он ее мучает!

Она полоснула Вайолет ножом; та отпрянула назад. От ее движения мостки задрожали, металл завибрировал, и Ви ухватила руками за поручень ограждения, чтобы устоять на ногах.

Кожу на животе жгло. Она коснулась рукой ткани костюма, и ладонь покраснела. Клинок рассек нейлон куртки и оставил длинный поверхностный порез на животе.

Ви подняла глаза на Дженнифер; ту, казалось, поразило содеянное, и она пальцем трогала кровь на лезвии ножа. Лицо ее исказилось.

– Прости, – прохрипела она.

Дети еще кричали в микрофонах, и Лютер что-то говорил, но его слова тонули в плаче младенцев.

– Я должна это сделать, – произнесла Дженнифер.

Она шагнула вперед, и Ви подалась назад.

Обе замерли.

Дженнифер бросилась на противницу первой; Вайолет отскочила.

Это походило на страшный танец.

Когда обе снова остановились, их разделяло шесть футов. И та и другая тяжело дышали.

Дженнифер сделала ложный выпад, развернулась и побежала в обратном направлении, исчезнув за выпуклой стенкой цистерны.

Ви застыла на месте, прислушиваясь. Она больше не слышала шагов женщины – ничего, только скрип шатающихся поручней и стук дождя по цистерне.

В обе стороны было видно лишь на несколько футов, дальше мостки исчезали за стенками огромного водяного бака.

Плач детей в микрофоне затих.

– Дженнифер! – позвала Вайолет.

Она сделала три шага вдоль цистерны – никого.

– Дженнифер?

Она не услышала шагов, просто почуяла вибрацию мостков и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть бросившуюся на нее Дженнифер, которая предварительно сняла обувь. Лицо женщины исказила гримаса ярости, глаза наполнились холодной решимостью.

Глаза хищницы.

Ви наблюдала за устремившимся к ней ножом; все ушло, осталось только твердое, как алмаз, намерение сохранить жизнь.

Двадцать четыре дюйма ширины мостков оставляли мало места для того, чтобы отразить нападение, и Ви, уже прижавшаяся к стенке цистерны, среагировала машинально: отвела выпад правой рукой и захватила запястье Дженнифер. Потом, не успев осознать, что делает, одновременно ударила ее по локтевому сгибу и рванула запястье в противоположную движению ножа сторону.

Лучевая кость соперницы хрустнула, нож выпал на металл мостков, и Ви ударила ей в грудину тыльной стороной ладони.

С момента нападения прошло всего мгновение, Ви действовала под диктовку инстинкта и мышечной памяти. Она бросилась, чтобы удержать женщину, но даже не успела дотянуться пальцами до ее костюма – Дженнифер ударилась задней частью бедер о поручни и по инерции перевалилась через ограждение. Ви успела только увидеть, как мелькнули ее ступни, а потом Дженнифер полетела вниз с затихающим криком – то были три с половиной секунды озвученного ужаса.

Никогда она не слыхала ничего подобного звуку падения человеческого тела на бетонную площадку с высоты ста семидесяти пяти футов.

Целый мир перестал существовать за какую-то миллисекунду.

Наступила тишина.

Вайолет взялась за мокрый поручень и посмотрела вниз, где на бетоне распростерлась Дженнифер.

Она и раньше убивала, но только монстров.

Эта женщина была невиновна.

Такое казалось Ви... неправильным.

Она оперлась спиной о цистерну и опустилась на мостки.

– Пожалуйста, не причиняй вреда ее ребенку, – попросила она. – Прошу тебя.

– Ты хороша, – сказал голос. – Ты очень хороша.

– Ты пощадишь ее ребенка?

– Без всякой причины?

– Я это заслужила.

Ви чувствовала – в ней нарастает раскаяние и психологическое неприятие того, что случилось.

– Это может быть интересно.

– Обещай мне.

– Отправляйся в обратный путь. Поговорим, когда спустишься.

Несколько минут Ви сидела, не двигаясь.

Морось сменилась дождем, и он стучал по голове; где-то глубоко внутри себя она почувствовала мучительную боль от ледящего холода.

Энди

Я смотрел, как на экране Вайолет медленно спускается по лестнице с водонапорной башни. Съемка велась с расстояния более чем в сотню ярдов – камеру держали в руках и постоянно то приближали, то удаляли изображение, корректируя фокусировку. От конденсата на линзах картинка получалась как в тумане.

Я слышал все, что говорил Лютер. Видел схватку. Видел, как Вайолет сбросила женщину через ограждение.

Теперь экран потемнел.

Я снова сидел в темноте и думал о том, что все это мне приснилось. Фильм, изображения и цвета были сном. А бесконечная ночь – реальностью.

Его голос убедил меня в обратном.

– Она изумительна, не правда ли? – спросил Лютер. – Должно быть, это нечто особенное – узнать ее. Я имею в виду, по-настоящему узнать. Ты знаешь ее по-настоящему, Энди?

– Чего бы ты ни хотел от Вайолет, используй меня. Я пройду через все, что тебе угодно, но, пожалуйста, отпусти Вайолет и ее сына. Они не должны...

– Ты ее любишь, верно?

Вопрос причинил мне больше боли, чем все, что я испытал, сидя на этом стуле.

От волнения ком встал в горле.

– Я ей задолжал, – сказал Лютер, – и все же...

Он умолк, и какое-то мгновение я слышал только его дыхание и стук дождя по пластику.

Вайолет

Ноги коснулись бетонной плиты. Несмотря на весь ужас последних пятнадцати минут, она почувствовала заметное облегчение, спустившись с башни.

Борясь с приступами тошноты, Вайолет взглянула на Дженнифер.

Какая бессмысленная гибель...

Она еще раз перелезла через ограду с колючей проволокой.

Она так устала. Так замерзла.

Думай, Вайолет. Думай.

Ви обвела взглядом дома и здания.

В непрерывном сером дожде ничего не шевелилось.

Нож Дженнифер она спрятала в правый рукав спортивного костюма; торец рукоятки удобно лежал в ладони. Это затруднило спуск по скользкой лестнице, но теперь она владела оружием и надеялась, что Лютер ничего не заметил.

Он наблюдал за ней – в этом Ви была уверена. Приходилось учитывать, что камеры наблюдения размещены повсюду. Наверное, ему кто-то помогает.

Можно было бы убежать, попытаться достичь цивилизации, если б не сын. И Энди.

Ви пересекла дорогу, направляясь к кирпичному зданию с пятидесятифутовой трубой на дальнем краю. Пора укрыться от этого ледящего дождя.

– Поверни налево, – скомандовал Лютер.

Или не пора.

Она свернула в сторону от заброшенного здания.

– Теперь беги, – велел он.

Ви побежала, и топот шагов болью отозвался в правом ухе, где Лютер, как она полагала, вшил под кожу микрофон.

В остальном бег доставил удовольствие; благодаря физическим усилиям она согрелась.

Несколько минут Ви бежала вниз по улице мимо разбитых автомобилей и гниющих домов, потом он заговорил снова:

– Жилое здание. Видишь его?

– Вижу.

– Это твой пункт назначения.

В пятидесяти футах от нее над дубами высилось здание; опавшие бурые листья устлали улицу мокрым липким ковром.

– Что там внутри, Лютер?

Вайолет пересекла улицу и, отдуваясь, остановилась на повороте тротуарной дорожки во двор шестиэтажного здания, похожего на обветшавшую букву «Г».

– Разве я сказал остановиться?

Она миновала сломанные качели и заросшую песочницу, от которой

осталась только рама, сколоченная из досок толщиной в два дюйма и шириной в шесть. В траве валялись игрушки – фронтальный погрузчик, трехколесный велосипед без переднего колеса, пластмассовые зеленые солдатики – потери в некоей давно забытой войне.

Ви приблизилась ко входу с двойными дверями, навешенными много лет назад. Окна здания смотрели сверху сотней черных глаз.

Она ступила через порог в темноту, дышавшую плесенью и гнилью.

Туфли оставляли мокрые следы на отслаивающемся линолеуме, и чем дальше Ви уходила от дверей в темноту, тем неуютнее себя чувствовала.

Она остановилась в том месте, где вестибюль выходил в коридор первого этажа.

По всему коридору участки непроглядной тьмы перемежались с пятнами скудного света, проникающего снаружи.

– Куда мне идти? – спросила Вайолет, но ответа не последовало.

Она позволила охотничьему ножу скользнуть из рукава в руку. При этом испытывала парализующий, всепоглощающий страх.

Долго стояла, прислушиваясь.

Капанье воды.

Глухой стон ветра, блуждавшего в верхних коридорах.

А потом... Щелчки. Треск.

Запах горящего дерева.

Вайолет направилась на запах, во тьму, и снова вышла на свет. Он проникал через открытую дверь того, что некогда являлось квартирой, и падал на стену, покрытую граффити.

Тряпье, игрушки и прочий хлам устилали весь коридор.

Запах дыма становился все сильнее, и теперь Ви уже видела, как на стенах в конце прохода пляшут отблески огня.

– Эй! – позвала она, а потом спросила негромко: – Лютер, это ты там?

Дошла до конца коридора.

В небольшом помещении Вайолет увидела источник огня – бочку из-под масла, наполненную ломаными деревяшками и установленную под выбитым окном. Большая часть дыма вытягивалась наружу, но немалая оставалась, образуя в комнате туманную завесу. Ви подошла ближе, почувствовала тепло костра и не успела разглядеть спальник в стоявшей в углу коробке, как услышала хруст стекла прямо у себя за спиной.

Вайолет быстро повернулась и первым делом учуяла вонь – смесь запахов немытого тела и перегара. Она отшатнулась, сердце готово было выпрыгнуть из груди – из полумрака на нее надвигалась неясная тень, распространявшая мерзкий аромат.

– У меня нож, – предупредила Ви.

Она уперлась спиной в стену. Бежать некуда.

Крепко сжимая нож, Вайолет наблюдала, как в поток серого света, сочившегося из окна за ее спиной, вступает замызганный тип в изорванных, надетых одна на другую одеждах.

Увидев нож, он остановился.

Ви слышала, как на улице шумит дождь и в бочке шипят дрова, и больше ничего.

Почти все лицо незнакомца скрывала буйная борода, но суровые голубые глаза сверкнули сквозь эту растительность, изучающе осмотрев ее.

– Что ты делаешь в моем доме? – спросил он.

– В твоём доме?

– В *моем* доме.

Ви посмотрела на картонную коробку, устеленную старыми газетами, и магазинную тележку, стоявшую возле нее.

– Просто я замерзла и хотела спрятаться от дождя, – объяснила она. – Почувствовала запах дыма и зашла сюда.

– Ты просто хотела согреться.

– Больше ничего.

Обдумав ее слова, он наконец сказал:

– Убери свой нож и подходи сюда.

Мужчина направился к бочке. Опустившись на колени, подобрал несколько щепок и бросил в огонь, потом протянул к нему руки.

Вайолет положила нож на подоконник и присоединилась к хозяину, грея ладони над пламенем. От голода, жажды и вдыхаемого дыма у нее кружилась голова.

– Меня зовут Вайолет. Я не собиралась вторгаться к тебе.

Незнакомец посмотрел на нее. Борода у него была густая, маслянисто-черная, а участки кожи, проглядывавшие сквозь нее, – грязные, но не морщинистые. По первому впечатлению Ви решила, что он старик, но сейчас увидела, что ошиблась.

– Что ты делаешь здесь, в бетонной пустоши? – спросил он.

Вайолет не знала, как ответить на его вопрос, поэтому просто смотрела в огонь, на груды угляев под дровами.

– Разве ты не знаешь, что здесь опасно? – продолжал он. – Никого, кроме бандитов и таких типов, как я.

Последняя фраза указывала на присутствие интеллекта.

– Кого ты подразумеваешь под «такими типами, как ты»? – спросила она.

Теперь он устался в разгоревшийся костер.
В окно Ви видела, что небо начинает тускнеть.
Тьма наступала с поразительной быстротой.
– Тебе нечего здесь делать, – сказал мужчина.
В ухе у Вайолет заговорил Лютер:
– Скажи ему, что хочешь остаться на ночь. Ты должна многое от него узнать.
Ви молчала.
– Скажи ему, иначе я разорву ребенка Дженнифер на части прямо сейчас.
– Можно мне остаться здесь на ночь? – спросила Вайолет. – Мне некуда идти.
Мужчина оторвал взгляд от окна, изучающе посмотрел на нее. Наконец кивнул.
– Как твое имя? – спросила Ви.
Ему потребовалось пять секунд, чтобы ответить, словно он годами не произносил свое имя.
– Мэтью, – наконец прошептал незнакомец.

* * *

Уже через час наступила полная темнота. Они сидели возле бочки, прислонившись к стене; Ви жадно пила воду из молочной кружки.
Мэтью порылся в пластиковом пакете с закусками, извлек упаковку крекеров и протянул пакет гостю.
Она не помнила, когда ела в последний раз.
Заглянув в пакет и ухватив пачку картофельных чипсов, женщина надорвала его.
– Спасибо.
Ели быстро, не нарушая молчания.
Закончив, Ви с вождением посмотрела на пакет, но просить не стала.
– Месяц выдался скудный, – сообщил Мэтью. – Иначе я предложил бы еще. Мне надо запастись на зимние месяцы.
– Ты собираешься остаться здесь?
– А куда еще, по-твоему, мне собираться?
– Чем будешь заниматься?
Он указал на штабель книг высотой в шесть или семь футов в углу комнаты.

– Когда тепло, провожу дни в библиотеке, но по холоду каждый день не находишься, слишком далеко. Я их отбирал. Намереваюсь прочесть все, начиная с верха.

– Что за книги?

– В основном философия. Несколько классических романов. Немножко комиксов – для разнообразия.

– Философия, да?

– Полагаю, единственная вещь, которую стоит читать.

Вайолет обвела взглядом комнату. Убожество. Трудно даже вообразить, что здесь можно провести хотя бы ночь. Она знала, что громадное большинство бездомных страдает от умственных расстройств, и гадала, какие шторма бушуют за ясными голубыми глазами Мэтью.

– Я в трудном положении, – произнесла Вайолет голосом чуть громче шепота. Ее интересовало, слышит ли Лютер. И видит ли.

Мэтью смахнул крошки с бороды и взглянул на Ви. Поднял ко рту флягу с вином «Карла Росси». Закончив, протянул флягу.

– Нет, благодарю.

Он хлебнул еще, потом встал и подбросил в огонь дров из внушительной кладки, уложенной вдоль стены.

– Все эти заброшенные дома, – с ухмылкой произнес Мэтью, – дарят мне тепло и румянец в период снегов. Неистощимый запас дров. – Благодаря вину он помягчел, стал разговорчивее. – У меня здесь все, что требуется. Тепло. Питье. Пища. Книги.

– А что у тебя было раньше?

Он взглянул на Ви так, словно она его ударила, но ответил сразу, без промедления:

– Счет за электричество, счет за кабельное, счет за сотовый, медицинская страховка, страхование жизни, автомобильная страховка, страхование недвижимости, баланс на «Визе», баланс на «Мастеркард», баланс на «Дискавери кард», «Майлидж Плюс кард», ипотека, автомобильный налог, налог на грузовик, кредитная линия, сорокачасовая рабочая неделя, родственники, знакомые, ежегодные осмотры, мультивитамины, «Велбутрин», «Адвил»^[9], читательский клуб, группа изучения Библии, членство в центре отдыха, членство в гольф-клубе, баскетбольный матч каждый второй четверг вечером, покер у друга Джима раз в два месяца, четыре места, которые надо посетить в День благодарения и на Рождество, секс дважды в неделю, налоги раз в год, пробуждение среди ночи – каждую ночь, размышления, как остаться на плаву, и прекрасные дети, растущие так быстро, что у меня не хватало времени

рассмотреть их.

Мэтью снова приложился к фляге и сделал долгий, неторопливый глоток. В глазах его мерцали огоньки.

– Я жил в полумиле отсюда, – продолжил он. – Снимал сайдинг со своего старого дома, чтобы поддерживать огонь. Место было такое оживленное... На улицах всегда играли дети. Устраивали вечеринки целыми кварталами. Большая община.

– Работал на автомобильном?

– Девятнадцать лет на сборочном заводе «Дженерал моторс», собирал грузовики.

– Когда он закрылся?

– Шесть лет назад, когда корпорация перенесла производство в Корею. Все потеряли работу. Завод закрыли, а город просто умер. В Мичигане словно настали времена старого Запада. Через восемь месяцев банк отобрал у нас дом. Я не справился с ситуацией. Жена уехала, забрав моих мальчиков с собой.

– Мне жаль, – посочувствовала Вайолет.

– Когда я перестал быть членом общества, решил вернуться сюда.

– Почему?

– Трудно объяснить. Просто мне казалось, что я должен находиться здесь.

– И ты не думаешь обо всем, что потерял? Разве здесь все это не бросается в глаза?

– Конечно. Каждый день. Но и после полного банкротства жизнь продолжается.

– Что именно?

– Ты сам. Твое сознание. Знаешь, жизнь продолжается даже без надежды.

В костре стрельнуло.

– И на что похожа такая жизнь?

– А ты не такого ожидала?

– Нет!

– Ты кое-что поймешь, – сказал Мэтью.

– Что пойму?

– Что ты продолжаешься. Что можешь вынести такую боль, какой раньше не представляла. Мы для этого созданы. Похоже, это наше предназначение. Мы – сосуды, существующие для наполнения их болью.

– Звучит удручающе.

– Совсем нет, ведь это правда. И когда ты приходишь к согласию с ней,

ты меняешься. Когда у тебя все отобрали, становится ясно, насколько много тебе оставлено. Способность справляться с бедствиями и нуждой. Ты обнаруживаешь, что в твоём распоряжении остались чудесные вещи. Такие, как погода, которую можно любить и ненавидеть. Или прощать.

Вайолет оперлась на колени и встала. Подошла к кладке дров и подбросила в огонь несколько кусков доски, выломанной, похоже, из стены дома. На улице с неба сыпался ледяной дождь, с сухим шорохом падавший на мостовую.

– В какую беду ты угодила? – спросил Мэтью.

– Год назад я потеряла мужа.

– Что с ним случилось?

– Его убили. С тех пор... вся моя жизнь... пошла наперекосяк.

– Ты много потеряла.

– Я потеряла все.

Мэтью с трудом поднялся и зашаркал к своей картонной коробке, в которой некогда хранился холодильник. Вытащил подушку и кинул через комнату.

– Спи возле огня, – сказал он. – Подбрасывай, если будет затухать.

– Мэтью, – позвала Ви.

– Что?

– Иди сюда.

Он подошел, пошатываясь.

Вайолет потянулась к нему и, накрыв микрофон ладонью, чтобы не слышал Лютер, спросила:

– Ты не замечал человека, который здесь ошивается?

– В этом здании?

– Шшш, – прошипела Ви. – Нет, я хотела сказать... как ты выразился... в бетонной пустоши. Во всем этом районе.

Мэтью хлебнул вина.

– Я же говорил тебе, заглядывают бандиты, которые мутят дела по наркоте, забивают стрелки... Встречаются такие, как я, они стараются жить спокойно и никого не тревожить. Конечно, ходят всякие слухи, но я никогда не обращал внимания...

– Какие слухи?

Он наморщил лоб, озадаченный ее внезапным интересом.

– Слухи про человека. Говорят, он доставляет сюда людей, чтобы истязать их. Это всего лишь городские...

– Кто говорит?

– Не знаю. Просто слыхал от людей, живущих здесь или по разным

причинам заглядывающих в бетонную пустошь. Иногда мы кое-что слышим. Крики по ночам. Рассказы о людях, умерших здесь, или о странных типах, бродящих вокруг, но тут у нас всякого так или иначе можно признать странным. Все это приписывают некоему пугалу, поскольку, полагаю, мы любим создавать чудовищ, – но правда в том, что здесь жутковато и подчас опасно.

– Что еще говорят?

– Да всякую чушь из фильмов ужасов – он-де сверхъестественный, демон, он забирает душу...

– Ты в это веришь? – спросила Ви.

– Конечно нет. Опять же, это не значит, что я отправлюсь бродить вокруг старого завода «Дженерал моторс» в потемках или в любое другое время по этой причине, но люди просто хотят...

– А что такого особенного с этим заводом?

– Ничего. Просто большое пустое здание, и люди говорят, что он оттуда. Из развалин.

– У них есть для него имя?

– *El hombre con el pelo negro largo.*

– Это что, испанский?

– Да, латинские короли чеканили монеты с такими надписями.

– Что это значит?

– Человек с длинными черными волосами.

Ледяной озноб пробежал по спине Вайолет.

– Тебе здесь будет удобно? – поинтересовался Мэтью.

– Да.

– Слушай, на эту ночь добро пожаловать, но...

– Да, я понимаю. Ты очень любезен.

* * *

Подушка пахла гнилой капустой, поэтому Вайолет положила руку под голову и повернулась лицом к бочке, дышавшей теплом. Сквозь маленькие отверстия виднелись рдеющие угли, по темным стенам прыгали крошечные огненные зайчики.

Она закрыла глаза.

Холод подбирался ко всем частям тела, не считая лица, обращенного к бочке.

В микрофоне послышался голос:

– Вайолет? Ты спишь? *Вайолет...*

– Не сплю, – прошептала она.

– Хочу поговорить о ноже, Вайолет. И о Мэтью. Насчет того, чтобы убить его, пока спит.

– Нет.

– Нет?

– Я не могу, Лютер.

– Мэтью напоминает мне близкого умершего друга.

– Лютер, пожалуйста.

– Моего наставника. Человека по имени Орсон, который, прямо как Мэтью, удалился в глушь, чтобы обрести себя.

– Я не сумею, у меня не хватит духа.

– Что ж, это очень плохие новости для Энди и маленького Макса. Энди, ты слышишь?

– Вайолет? – донесся голос Энди.

– Энди...

– Лютер, пожалуйста, – попросил тот.

– Может, уже хватит меня уговаривать? Я втянул тебя в это не для того, чтобы ты просил меня не делать, что следует.

– Для чего же?

– Просто я подумал, что ты можешь дать совет Вайолет. Ты ведь бывал в такой ситуации раньше, правильно? Ты убил невинного, чтобы спасти себя и других. Скажи нам, Энди, это тебя изменило?

– Пошел ты, Лютер.

– Скажи нам, Энди, это тебя изменило?

– Отвяжись.

Микрофон Вайолет наполнился криком ребенка.

– Энди, прекрати! – прошептала она.

– Да, Лютер, это изменило меня.

– В лучшую сторону?

– Едва ли.

– Ты все еще думаешь о нем?

– Иногда.

– И это причиняет тебе боль?

– Это наихудшие мгновения моей жизни.

– Потому что ты слаб, Энди. Никогда не понимал, что Орсон в тебе нашел. Тебе следовало выйти из этого испытания, став сильнее. Тверже. Став безупречным человеческим существом.

– Так вот кем ты себя считаешь, Лютер? Безупречным человеческим

существом?

– Вайолет, – обратился Кайт к женщине, тихо плакавшей в рукав костюма, – не пойми меня неправильно. Я тебя не принуждаю. Мы сейчас собираемся оставить тебя, поэтому используй момент. Прощу, верь мне, когда я говорю, что это может оказаться настоящей революцией. Изменится вся жизнь. Если ты позволишь этому случиться. Если ты достаточно сильна.

– А если я не смогу?

– Давай воздержимся от взаимных угроз, любовь моя.

Энди что-то закричал, потом связь оборвалась.

Ви снова слышала леденящий дождь, чувствовала, как сердце бьется о грязный пол. Лежа во тьме и холоде, она ждала. Надеялась, вдруг что-нибудь изменится. Реальность прорвется сквозь пелену, и этот кошмар закончится.

Но дождь продолжал идти, огонь угасал, и она начала замерзать.

Немного времени спустя Ви встала. В лезвии ножа отражалось слабое пламя. Она посмотрела на оружие, потом взяла его с подоконника.

– Подбрось дров в огонь, – проворчал Мэтью из картонной коробки.

– Конечно.

Вайолет подошла к кладке дров, взяла несколько кусков потолочного карниза, с которых слезала темная краска, и бросила в бочку.

– Ты разговаривала сама с собой, – заметил Мэтью.

Вайолет не спеша подошла к картонному спальному и присела на корточки. Пламя в бочке разгорелось, и в отсветах она увидела Мэтью, распростертого под старыми газетами; он лежал на спине с открытыми, стекленеющими от вина глазами, то и дело смыкая веки.

– Как ты можешь вот так жить, Мэтью? – прошептала Ви.

– Всегда мечтал жить на природе, – ответил он. – В каком-нибудь приятном месте, понимаешь? Теперь живу. Это моя глухомань. Полагаю, бетонная пустошь красива, как пустыня. Пусто и спокойно. Покинутые здания, эта водяная башня... они – мои горы. Иногда летними вечерами я просто гуляю по развалинам. Они что-то трогают во мне. Утоляют какую-то жажду, которую я всегда испытывал.

– Разве ты не потерял семью?

Ви увидела, что его кадык дернулся.

– Из семейного периода жизни мне гордиться нечем. Я оказался несостоятелен. – В уголках его глаз блеснула влага; он посмотрел на Ви. – Тяжело такое признавать, правда?

– Да.

Она сжала рукоять ножа в спрятанной за спину руке.

– Как думаешь, столь тяжелые испытания предопределены?

Ви ничего не видела из-за слез, застилающих глаза.

– Иногда бывает и тяжелее.

Она чувствовала, что в ней просыпается импульс к действию, выделяется адреналин, подталкивая ее к чему-то.

– Хотелось бы думать, – говорил Мэтью, – что есть какой-то прок от той дороги, которой я иду, понимаешь? Что я... обретаю нечто. Что-то такое, чего у других нет. Что просветление ждет прямо за углом.

– Хочешь найти во всем этом целесообразность?

– Точно.

– А тебе никогда не хотелось просто... – ее ладонь вспотела на покрытой кожей рукояти ножа, – покончить со всем этим?

– Хотелось, – ответил Мэтью. – Господи, да. Смерть... Это все, о чем я думаю.

Он закрыл глаза и продолжал говорить, не разжимая век:

– Умиравшее животное не знает ни страха, ни надежды. Человек встречает конец, охваченный ужасом и не переставая надеяться. Он множество раз умирает и множество раз восстает. Великий человек в своей гордости до последнего издыхания осыпает обступивших его убийц насмешками. Он знает смерть. Человек создает смерть. Разве он не восхитителен, Йейтс^[10]? – Глаза Мэтью оставались закрытыми.

Вайолет с трудом сдерживала дыхание. Она думала о Максе, и больше ни о чем, а Мэтью выглядел безмятежным и предлагал ей воскресить в памяти стихи, которыми они могли бы насладиться вместе – хотя бы один-два, чтобы он мог мысленно повторять строки, отходя ко сну.

Она ответила, что сейчас вспомнит.

А сама думала о Максе.

Сердце колотилось, во рту пересохло.

Ви начала читать стихотворение, выученное в старшей школе, которое всегда приходило на ум:

Напевы, слуху внятные, нежны,
Но те, неслышные, еще нежней;
Так не смолкайте, флейты!^[11]

– Оно мне нравится, – прошептал Мэтью.

Вайолет вывела руку с ножом из-за спины, намереваясь сразу

перевести движение в быстрый удар, но вид клинка, нависшего над грудью Мэтью, остановил ее.

Она твердила себе: *бей, бей, бей*, – но ничего не получалось.

Ви не могла пошевелиться.

Капля пота сорвалась у нее со лба и ударилась о газету, покрывавшую Мэтью.

Уже несколько секунд прошло после того, как она дочитала стихотворение, и в любой момент его глаза...

Мэтью открыл глаза – они светились полным покоем, пока он не увидел нож и лицо Ви, искаженное гримасой ужаса, нависшее над ним.

Бей, бей, бей, бей, бей, бей.

Губы Мэтью приоткрылись, словно он хотел заговорить, но вместо этого начал подниматься.

Вайолет нанесла удар в его грудь, и лезвие вошло по рукоять; она навалилась сверху, перенесла вес тела на нож, крутанув его, и почувствовала, как по клинку бешено стучит сердце Мэтью, и вибрации поднимаются сквозь сталь и кожу в ее ладонь – четыре ощутимых удара, а потом оно остановилось, и мужчина издал последний глухой вздох.

Долгое время Ви не двигалась. Просто смотрела вниз, в глаза Мэтью, и следила, как жизнь уходит, растворяясь в стекленеющей пустоте.

Ее трясло, и она ничего не могла с этим сделать.

Наконец скатилась с тела.

Кровь залила картонную коробку, и правое колено ее спортивного костюма промокло насквозь. Она выползла из коробки и не успела сделать трех шагов к бочке, как ее стошнило. Ви блевала, согнувшись, пока желудок не вывернуло наизнанку.

– Я это сделала, – простонала она, задыхаясь. – Слышишь меня, сын долбаной сучки, я сделала это.

Ви сплюнула несколько раз. Едкая горечь желчи стояла в горле.

– Я хочу видеть Макса, – сказала она. Все ее тело содрогалось от ужаса содеянного. – Лютер. Лютер!

Тот не отвечал.

– Лютер!

– Ты должна многому научиться, – сказал он.

– О чем ты говоришь?

– О доверии. И особенно о том, когда не стоит доверять.

В микрофоне раздался громкий плач ее сына.

Ноги подогнулись, внезапно она упала на колени и зарыдала, вцепившись пальцами в волосы. Лютер еще что-то говорил, но она ничего

не слышала. Все утонуло во вспышке неистовства и плаче Макса.

– Прошу, Лютер! – кричала она. – Я сделала, что ты просил. Пожалуйста!

Макс кричал еще громче.

Она вскочила, вытерла глаза, подбежала к картонной коробке, схватила нож и вытащила из груди Мэтью окровавленное лезвие. Вытерла его о штанину и выбежала из комнаты в коридор. В полной темноте ей приходилось продвигаться на ощупь, касаясь рукой стены и спотыкаясь о хлам, устилавший пол.

Тридцать секунд спустя она выбралась в вестибюль и через разбитые двойные двери выбежала под дождь.

Сын все кричал, и она завизжала:

– Прекрати его мучить!

Крик стал еще громче, кто-то словно вдавил ноготь в барабанную перепонку. Она не могла этого вынести; мысль о том, что Лютер делает с Максом, была невыносима.

– Я иду, чтобы убить тебя! – закричала Вайолет.

Она вцепилась в место, где был микрофон, и выдрала его.

Последовала вспышка жгучей боли, по шее потекла горячая струйка крови.

Ви бросила микрофон, растоптала его подошвой теннисной туфли и побежала в ночь.

Дождь хлестал в лицо, в небе светился розоватый отсвет огней большого города. Но на бетонной пустоши царила тьма, и лишь угадывались очертания предметов – водонапорной башни, деревьев, дымовых труб.

Она бежала по заброшенным кварталам; туфли и носки промокли насквозь.

Бежала, жадно хватая ртом воздух.

К тому моменту, когда хлынул ледяной дождь, ноги совсем ослабели.

Вдали, под розовым небом, вырисовывался силуэт заводского комплекса.

Кварталы закончились, и Ви очутилась на широком пустыре, покрытом разрушающимся бетоном, – парковочной площадке с рядами старых осветительных мачт.

Когда она достигла первого здания, сердце стонало у нее в груди, а глаза заливал едкий пот, но на какое-то время Вайолет согрелась.

Строение поднималось ввысь футов на пятьдесят. Кирпичное, исписанное граффити, с гигантскими многокамерными окнами, из которых

стекла по большей части оказались выбиты. Ви бежала вдоль здания, пока не достигла входа с двойными дверями.

Она открыла их, преодолев сопротивление заржавевших петель, и скользнула внутрь, спеша укрыться от дождя.

Дверь захлопнулась, и Вайолет, мокрая и задыхающаяся, напрягла зрение, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте и начнут что-либо различать.

Тьма.

В барабанной перепонке отдавалось биение сердца.

Она протерла глаза от пота и дождевой воды и зажмурилась, ощутив жжение.

Согревшееся тело быстро остывало.

Промокшая насквозь, Вайолет чувствовала, что холод начал проникать в мышцы.

Думать о возвращении назад, под леденящий дождь, не хотелось, но и оставаться в здании, в полной темноте, казалось не лучшим выбором.

Ви обессиленно опустилась на пол; ее всхлипывания эхом отразились в каком-то не видимом глазу коридоре.

Сын оставался в лапах монстра.

За последние восемь часов она убила двух человек.

И любимый мужчина, похоже, находился на грани неминуемой жестокой гибели.

К тому времени, когда Ви смогла встать, ее била сильная дрожь и пальцы едва удерживали рукоять ножа. Кожа за правым ухом горела от боли, кровь еще текла по шее.

Она двинулась вперед, в темноту, делая по одному шаркающему шагу зараз, держа нож в вытянутой руке, а другой опираясь о стену. Ви не переставала надеяться, что вот-вот разглядит что-нибудь и темнота рассеется, но мрак не расступался.

Двадцать шагов.

Тридцать.

Сорок.

После сотни она перестала считать.

Потом острие ножа уперлось во что-то твердое.

Она остановилась и потрогала рукой.

Стена.

Вайолет достигла точки, где коридор поворачивал налево.

Сделав поворот, она пошла дальше, и через десять шагов стена под пальцами ее левой руки оборвалась.

Остановившись, Ви прислушалась.

Вдалеке капала вода, и теперь у нее над головой что-то было.

Небо.

С едва заметным оранжевым оттенком.

Глаза различили оконную раму, и в слабом свете, исходящем от нее, Ви увидела, что стоит среди развалин длинного заводского цеха.

При скудном, идущем от неба освещении она разглядела не так уж мало.

Повсюду промышленное оборудование.

Остатки сборочной линии.

Бессильно опущенные манипуляторы роботов.

Ленты конвейеров, замершие много лет назад.

Она осторожно шагала вдоль линии, под ногами хрустело стекло.

Зубы стучали от холода.

В воздухе до сих пор пахло смазкой.

Должно быть, завод раскинулся ярдов на двести-триста, и когда она дошла до другого конца, то разглядела на конвейере полусобранные автомобили – без колес, без блоков двигателей, без дверей, покрытые ржавчиной, брошенные на произвол судьбы.

На дальнем краю цеха Ви остановилась. Услышала, как дождь падает на крышу в пятидесяти футах над головой.

Она вышла через двойные двери и, прежде чем снова окунуться в ночь, заметила несколько первых ступенек металлической лестницы, слабо отсвечивающих в темноте.

Ничего не оставалось, как спуститься.

Вайолет взялась за шаткий поручень и двинулась вниз. Детскими шажками, со ступеньки на ступеньку. От толчков ног лестница резонировала.

Прежде чем ступеньки кончились, она миновала три площадки.

Снова оказавшись в темноте – ни света, ни звука, ни даже капанья воды, – ощутила тяжелый смрад плесени и гнили. Сделала три шага, и острие ножа уперлось в стену.

Вайолет надсадно закашлялась.

Потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из лестничного колодца в следующий коридор.

Двинувшись по нему, Ви заметила, что чувство дезориентации с каждым шагом усиливается, а вместе с ним – ощущение бессмысленности ее перемещений: она бродила в темноте по нижним уровням заброшенного здания без всякого представления о том, куда идет, не имея ни малейшей

надежды найти Лютера и Макса.

В следующем разрыве стены Вайолет обнаружила дверной проем и шагнула в него из коридора.

Идти дальше не было сил.

Судя по отраженному звуку кашля, комната, в которой она оказалась, была небольшой, изолированной.

Ви наткнулась на стол, а еще через несколько шагов – на предмет, оказавшийся на несколько дюймов выше ее роста и гораздо шире.

Со стеклянной панелью.

С правой стороны предмета располагались пластиковые кнопки.

Торговый автомат.

Это была комната отдыха.

В темноте Вайолет залезла под один из столов, расстегнула куртку и соорудила из нее мокрую подушку.

Свернувшись калачиком, подтянув колени к груди, она еще долго дрожала от холода, пока наконец разум и тело не сдались усталости и Ви не погрузилась в сон.

Энди

Неожиданно его голос зазвучал у меня в голове, но шел он не из микрофона.

Я ощутил запах лимонного леденца в его дыхании. Характерный аромат «Уиндекса».

Как он вошел в помещение, как приблизился – я не слышал.

Просто материализовался возле меня.

– Она вырвала свой микрофон, – прошептал Лютер. – Теперь я должен идти и искать ее. Все нормально. Не по плану, но нормально. Ты интересовался, что за пульт у тебя в правой руке, нет?

Я не ответил.

– Он еще не включен, но скоро будет. Мне до смерти хочется попробовать эту вещицу. Ну, на самом деле две вещицы. Ту, которая у тебя, и ту, которая у нее. Хочу сказать, ты думаешь, что любишь Вайолет, но задумывался ли ты о том, насколько сильно? Достаточно ли глубоко твое чувство? Я изобрел способ узнать это. Он даст ответ на простейший вопрос: что сильнее – твое чувство к тем, кого любишь, или страх перед невыносимой болью? Существует ли точка, в которой боль становится такой мучительной, что ты с готовностью передал бы ее тому, кого любишь, будь у тебя такая возможность? Мы скоро узнаем это.

– Прекрати, – прохрипел я, и если б не сильное обезвоживание, в моих глазах появились бы слезы.

– Энди, я даю ей шанс узнать, на что она способна. Пусть увидит тьму в своем сердце и не отворачивается от нее.

Высоко над головой зажегся свет.

Лютер держал ложку у моего рта.

– Тебе понадобятся все силы без остатка, – сказал он. – Ешь.

Пахло прогорклым яблочным пюре, но я так изголодался...

Лютер скормил мне четыре ложки из баночки с детским питанием, и уже когда он убрал банку в сторону, я начал подозревать, что яблочное пюре тут совсем ни при чем – скорее, какие-то другие гнилые фрукты или овощи, испорченные до неузнаваемости.

– Вкуснятина, – произнес он. – Правильно?

Я старался справиться с тошнотворными позывами.

– Восхитительно. Что это? – спросил я.

– Свекла.

Меня стошнило, и я весь испачкался.

– Отвратительно, Энди.

– Скажи честно, Лютер: ты убил его?

– Убил кого?

– Макса. Ее ребенка.

Кайт только улыбнулся.

В первый раз за год с лишним я смотрел ему в лицо. Прическа короче, чем мне помнилось, волосы свисали только до плеч, но остались все теми же – черными, с неестественно синеватым отливом, как у кожи черного полоза. Лицо тоже противоестественно бледное, зубы гнилые. И лимонный леденец во рту.

– Полагаю, это замечательно, что ты снова пишешь, – сказал Лютер.

– О чем ты говоришь?

– О твоей рукописи. Я нашел ее в доме. Подумываю издать, когда покончу с тобой. Хорошее название – «Пустошь». Единственное, чего я боюсь, – никто не поверит, через что тебе пришлось пройти, если я попытаюсь выпустить ее как документальное произведение. Во всяком случае, не хотелось бы публиковать халтуру. Кто твой агент?

Я уставился на него.

– Энди, эта книга может иметь большой успех. Дай мне путевку в жизнь. Помоги совершить обновление. Ты же знаменитость.

– Если соглашусь, ты отпустишь Вайолет?

– О, я уверен, что смогу добиться сотрудничества с тобой другим способом, более забавным для меня. Скажем... – Он улыбнулся, сплюнул белесой лимонной слюной на пол. – Мы дадим Вайолет маленькую

подсказку, как нас найти. В конце концов, завод такой большой...

Лютер прошел по помещению к тележке высотой по пояс и с панелью управления размером с ноутбук сверху. Сбоку к металлической раме тележки крепился ящик с набором инструментов.

– Я похитил блистательного инженера, – сообщил Лютер через плечо. – Он не только изготовил и оснастил эти стулья, но и первым уселся на них. Я получил планы всей этой местности – здесь открывается столько возможностей... Но сейчас познакомься с моей новой игрушкой.

Он подкатил тележку к моему стулу.

Не знаю, сколько времени мои глаза не видели так много света, и я жадно погрузился в созерцание помещения – нечто вроде склада, десять или пятнадцать тысяч квадратных футов, с высоким потолком.

В другом конце открывшегося пространства я заметил еще один стул, похожий на мой. Толстый пучок кабелей тянулся из-под деревянной каталки, а потом разделялся – одна группа шла на панель управления, другая уходила сквозь стену.

До меня дошло, что я сижу на таком же стуле.

Лютер встал у панели управления, посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся.

– Ты и вправду представить себе не можешь, насколько это забавно. Я сказал своему аййтишнику, что хочу устройство, которое обеспечит иммобилизацию, с подачей тепла, холода, электричества, перфорирования и трения. Устройство, причиняющее тупые и сдавливающие травмы, то есть сочетающее все стихийные силы. Представь, что было бы, получи инквизиция в свое распоряжение электричество. Итак, Энди... – Он повернул ручку, и где-то подо мной загудело, а по стулу пошла слабая вибрация. – Чем тебя порадовать?

Вайолет

Она поняла, что больше не спит.

Озноб еще не прошел.

Ви лежала на жестком полу, в могильной тьме.

В правом ухе пульсировала боль, и, потрогав рукой болезненное место, она обнаружила корку засохшей крови; кожа вокруг раны зудела.

Болел желудок.

– Макс, – прошептала она. – О Господи... – И зарыдала, возвращаясь к тому ужасу, который стал ее жизнью, и вновь собираясь с силами.

Во сне она сдвинулась, и ей потребовалось пять минут, чтобы отыскать стену и выбраться из комнаты отдыха в коридор.

Остановившись там ненадолго, Ви ждала, не разглядит ли чего-нибудь

в темноте, но ничего не дождалась. Тишину нарушал лишь тревожный гул, похожий на шум ветра в туннеле, но доносился он издалека, откуда-то сверху.

Она пошла вперед так же, как раньше, – выставив вперед нож, ведя одной рукой по стене. Двигаясь таким образом, прикинула, что проспала несколько часов, потому что одежда почти высохла.

Коридор закончился еще одной лестницей, и Ви поднялась на несколько пролетов, пока не оказалась наверху, а потом толкнула какую-то дверь.

На нее хлынул свет.

Вайолет стояла у входа в большое помещение, поделенное перегородками на кабины. Слабый серый свет больно бил по глазам, и несколько минут она не двигалась, позволяя сетчатке привыкнуть к световому потоку.

Лабиринт кабин.

Гнетущая вереница давно опустевших рабочих мест.

Дешевые столы и стулья. Разбросанные скрепки. Пучки каких-то проводов.

Ви зашла в одну из кабинок и посмотрела на календарь, приколотый к матерчатой перегородке; он оказался шестилетней давности.

Свет проникал в длинные невысокие окошки под самым потолком, в них виднелось только небо. Здесь гул стал громче – это шумел ветер в окнах с выбитыми стеклами, пролетавший по помещению как дуновение над горлышком открытой бутылки.

Энди

В конце концов Лютер принял решение.

Опасной бритвой он побрил мне ногу ниже колена и протер кожу теплой мыльной водой. Высушил ее полотенцем, надел пластиковые защитные очки. В животе уже похолодело.

Затем Кайт достал мощный паяльник и моток проволоки для припоя калибра 21 с составом 60/40. В наборе на тележке находилось множество отличных инструментов – плоскогубцы, буры, резак для шифера, сверла, ножницы и даже молоток с закругленной ударной частью.

Сперва я почувствовал ожог от расплавленного припоя.

Кожа на ноге вздулась, и сначала я не закричал, потому что мне уже доводилось испытать подобную боль; она слабеет и проходит.

Однако на этот раз боль лишь усиливалась, и вместе с тем меня охватывала паника, стремление справиться с чем-то, что я не мог ни вынести, ни прекратить, и когда он наложил мне на ногу три дюйма

расплавленного припоя, из моего горла вырвался вопль. Я сдерживал его изо всех сил, но теперь бился в путах, еще раз убеждаясь в своей полной беспомощности. Двигаться могли только пальцы на руках и ногах.

Лютер даже голову не поднял, просто продолжал свое занятие. От припоя поднимались колечки дыма, и он закончил, когда дошел до верха ступни.

Металл уже начал остывать, прилипая к коже, и хотя невыносимая боль слабела, нервы в только что поврежденной коже начинали скорбную песнь.

Он провел три таких дорожки по моей правой ноге, каждую примерно в шестнадцать дюймов длиной, и каждая сопровождалась жгучей апокалиптической болью.

Когда он закончил, я уже надорвался от крика и только наблюдал, как Лютер убирает паяльник. Пот заливал глаза.

Я получил краткий миг передышки, но не мог позволить себе надеяться на большее.

Безумная боль начинала стихать; я вынес ее.

Лютер оттолкнул тележку с панелью управления и инструментами от моей каталки и пошел по помещению.

– А это, – произнес он, – я вынужден хранить подальше от электроники и остальных инструментов. Ты знаком с неодимом?

Вайолет

Она продолжала путь и, выйдя из помещения с кабинами, оказалась в коротком проходе, откуда открывался доступ в офисы побольше.

Услышав шум, остановилась.

Вытянула шею, прислушиваясь.

Ничего, только слабый гул ветра.

Еще два шага – и опять.

Кто-то очень слабо, но... кричал?

Макс.

Ви бросилась в конец прохода, к ряду закрытых дверей; открывая их одну за другой, она впервые за этот день почувствовала, как в кровь хлынул адреналин.

Кричал не ребенок.

То были крики взрослого.

Мужчины.

Энди.

Энди

Лютер возвратился с чемоданчиком в руке. Подойдя к каталке,

положил его на пол и щелкнул замками.

– Это редкоземельный металл, – сообщил он, пока я пытался вытянуть шею, хотя голову мою удерживал ремень. Я отчаянно хотел видеть, что же он достает из твердого черного пенопласта. – Неодим используют для производства самых мощных в мире магнитов. – Он пробежал пальцем по первой линии припоя, оставленной им на моей коже. – Думаю, всё в порядке, – сказал Лютер, доставая маленький подковообразный магнит, гладкий, блестящий, серебристый. – Самое трудное – правильно подобрать припой. Мне требовался сплав, прилипающий к клеткам кожи. Этому методу меня научил мой друг Хавьер, он показал правильный состав. Хав работает с «альфас» в городах на юго-западной границе. И это очень плохая новость. Думаю, он тебе понравился бы, Энди. Спокойный парень. Очень деловой. Законченный психопат.

Лютер быстро опустил концы магнита к моей ноге.

Они притянулись к припою.

Кайт улыбнулся, демонстрируя отвратительные бурые зубы.

– Итак, – осведомился он, – сможешь угадать, что случится дальше?

Вайолет

Ви стояла в еще одном заводском помещении, на этот раз без окон, хотя они здесь были не нужны. Откуда-то сверху светили шарообразные лампы, заливая бетонный пол и причудливую разнообразную технику, заполнявшую помещение, ослепительным сиянием.

Носком теннисной туфли ударив сверху по доводчику, она сшибла его и оставила дверь открытой.

Ви чувствовала, что нечто почти материальное удерживает ее от дальнейшего движения вперед, но переборола предчувствие и пошла, крепче сжав нож в руке.

Прикасаясь к холодному металлу и застывшей смазке, она думала, что никогда не видела столько машин в одном месте.

Все казалось древним.

Заброшенным.

Гигантские сверла.

Затупленные зубья годами не вращавшихся циркулярных пил.

Массивные станки и расточные фрезы.

Машины, собирающие машины.

Крики становились громче, они разрывали ей сердце; в них было столько боли, что Ви наконец остановилась, упала на колени, зажала уши руками и принялась молиться.

Прошло много времени, прежде чем она снова встала, а когда

выпрямилась, воцарилась тишина.

Ви посмотрела через плечо назад – она находилась в ста пятидесяти футах от дверей.

Двинувшись дальше, женщина прошла еще пятьдесят футов, и снова звук остановил ее.

Откуда-то доносился жалобный, беспомощный плач ее сына.

– Макс! – закричала Ви, оборачиваясь.

Через ряды прессов для формовки колес она пошла на плач, звучащий все громче.

– Макс, я иду!

Ребенок надрывно кричал, но на сердце стало легче, потому что сын был жив.

У дальней стенки располагался вертикальный фрезерный станок высотой в двадцать футов; похоже, что плач Макса доносился откуда-то сверху.

Ви подошла к основанию станка, залезла на столешницу, ухватилась за хобот и напряглась, подтягивая тело вверх. Вставляя мыски ног во фрезу, она забралась наверх машины; теперь крики сына били ей прямо в уши.

Ви вытерла пот, заливавший глаза, и всмотрелась в полутьму, отыскивая ребенка.

– Макс! – позвала она. – Макс!

А потом увидела то, от чего ее сердце упало.

В нескольких футах на крышке станка лежал маленький цифровой диктофон. Вайолет подползла, взяла его в руки и уставилась на громкоговоритель, из которого доносился голос ее сына.

Она изо всех сил швырнула диктофон вниз; он упал среди машин и разбился.

В течение трех секунд стояла тишина.

И тут дверь, в которую она вошла, захлопнулась.

Ви посмотрела назад поверх скопления станков и уперлась взглядом в него.

О Боже.

Мужчина с длинными черными волосами стоял перед двойными дверями, и даже издали Вайолет видела, что он улыбается.

По телу ее ручьями тек пот, в голове плыло, во рту ощущался металлический привкус.

Казалось, они стояли неподвижно целую вечность.

Вайолет слышала, как над головой гудят лампы.

Несмотря на разделявшее их расстояние, она рассмотрела, что монстр

одет в черный спортивный костюм и черную обувь. Лицо его, столь бледное, что казалось светящимся, навело на мысль о каком-то внутреннем источнике свечения.

Лютер отвернулся от нее и протянул руку к чему-то за дверью. Она сощурилась, стараясь рассмотреть, что он делает.

Сначала показалось, что хлопнула еще одна дверь, но одновременно со звуком мигнул и погас первый ряд ламп возле дальней стены помещения. Звук эхом пронесся по цеху, отражаясь от стен.

Затем погас следующий ряд, и еще один, и еще; Ви в ужасе увидела, что лампы над ее головой выключились, и вокруг потемнело, а потом погасли светильники в самом конце помещения, и она оказалась в полной темноте.

Вайолет свесила ноги с крышки станка и спустилась на столешницу.

Оказавшись наконец на полу, она вытянула руки и сделала полный поворот вокруг себя, ощупывая окружающие предметы, чтобы определиться с ориентирами, но в результате добилась только того, что потеряла направление в пространстве.

Абсолютная темнота и внезапная паника ошеломили; она опустилась на колени и поползла по бетону, лужам старой смазки и крысиному помету, пока не ударилась головой о металлический постамент какой-то невидимой машины.

Из глубокой раны на лбу вниз по носу потекла кровь.

Пока что она не видела даже рук, поднесенных к лицу, но, подняв их вверх, коснулась металлической крышки всего в нескольких дюймах над головой. Ее окружали металлические стойки – она ползла под машиной.

Ви услышала, как на другом конце помещения раздалось звяканье, словно столкнулись висащие цепи. Потом послышался звук шагов.

– Вайолет! – услышала она голос из темноты с дальней стороны цеха. – Здесь восемьдесят тысяч квадратных футов площади. Я только что запер за собой дверь. Ты еще можешь пройти через выход с другой стороны, хотя это сомнительно. Слышала, как вопил Энди?

Закрыв глаза, она пыталась сориентироваться и поняла, что у нее практически нет шансов добраться до той стены, не получив серьезной травмы. Надо затаиться. Остаться на месте. Если не выдать себя звуками, Лютер не найдет ее. Он так же слеп, как и она...

Зажегся свет.

И тут же погас.

Какую-то долю секунды она видела меркнувший негатив окружавших ее машин.

Потом – ничего, отпечаток изображения исчез с сетчатки глаз.

Вверху снова загорелись висящие шары.

В неожиданно ярком сиянии она снова увидела станки.

Темнота.

Остаточные изображения.

Одним из них оказался Лютер, все там же, в дальнем конце цеха; его профиль отпечатался на негативе.

Сначала она приняла их за выстрелы, но это оказались всего лишь звуки рубильников, включавших и отключавших свет; в мигании ламп Ви рассмотрела, что Лютер идет вдоль останков сборочной линии к тому месту, где она затаилась, скорчившись под станком.

Он ее заметил.

Опять тьма.

Неподвижные остаточные изображения.

Звук шагов Лютера, идущего к ней по бетону.

Свет.

Ви вылезла из-под станка и выпрямилась.

Темнота.

Шаги.

Изображение Лютера менее чем в ста футах от нее.

Свет.

В этот короткий промежуток Вайолет развернулась и побежала, и когда свет погас, она на бегу продолжала уклоняться от негативов машин, пока они не померкли на сетчатке глаз.

Присев на корточки за большим станком, Ви ждала, пока свет загорится снова.

Во рту пересохло.

Она тяжело дышала.

Свет.

Лютер остановился в двадцати футах от нее у токарного станка, где она пряталась всего несколько секунд назад, и заглядывал под него.

Темнота.

Она смотрела на его замершее изображение, а когда включился свет, Лютер уже медленно направлялся к ней.

Ви пригнулась.

Ладони вспотели, и она вытерла их о нейлон спортивного костюма, чтобы надежнее ухватить нож.

Шаги замерли.

Теперь до него оставалось всего восемь или десять футов.

На протяжении трех циклов смены света и тьмы Лютер не двигался.

Вайолет знала, что сделает.

Свет.

Она глянула поверх станка.

Кайт стоял к ней спиной.

Ви спокойно поднялась, позволив глазам наполниться увиденным и запечатлеть в мозгу Лютера и машины, расположенные в непосредственной близости от него. Когда погаснет свет, ей останется только шагнуть на два фута из-за станка – и броском преодолеть четыре фута узкого коридора свободного пространства между машинами до его остаточного изображения.

И в темноте нанести удар.

Но не убивать. Ты должна узнать то, что знает он. Макс еще может быть жив.

Когда погас свет, она удобнее взялась за рукоять ножа.

Давай, Вайолет.

Появилось остаточное изображение – прекрасный негатив Лютера, стоящего к ней спиной; она даже видела, что в правой руке он держит что-то свисающее сбоку.

Сейчас.

Сделав два осторожных шажка из-за станка, она правой рукой занесла нож и устремилась на него.

Четыре быстрых мягких шага, затем остановка там, где он должен стоять, – и Вайолет нанесла сверху вниз сильный быстрый удар ножом, в самый центр спины Лютера.

Она напряглась, ожидая сопротивления плоти, и когда клинок прошел сквозь пустоту, плечо Ви чуть не вылетело из сустава, и саму ее шатнуло вперед, в ничто.

О Господи...

Сверху ударил свет, глазам стало больно.

Лютера нигде не было.

Насколько хватало глаз, ничего, кроме машин, и...

Краем глаза она уловила движение.

Вайолет развернулась, перекладывая нож в руке, спеша сменить хват.

Он стоял прямо там, в двух шагах, и уже наносил стремительный размашистый удар дубинкой по дуговой траектории.

Когда дубинка коснулась боковой части головы, боли не было, но колени Вайолет сразу подогнулись – она лишилась сил из-за крайнего напряжения во время гонки в темноте.

Потом, когда Ви сидела на полу и смотрела вверх на Лютера, раздался щелчок, похожий на выстрел. Свет погас, а она все еще видела его негатив и могла поклясться, что он улыбается замерзшей улыбкой в этом гудящем и ярком остаточном изображении.

В темноте Лютер ударил ее снова – сокрушительно, прямо по затылку, и на этот раз она ощутила боль, но всего лишь на секунду.

Энди

От мучительных страданий меня отвлек звук открывающейся двери за спиной. Через несколько секунд в поле зрения на бетонном полу склада появился Лютер, несущий на руках Вайолет.

– Что ты с ней сделал? – заорал я.

Кайт поместил безвольное тело в деревянную каталку, стоявшую в десяти футах от моей, и я смотрел, как он пристегивает лодыжки и запястья, фиксирует голову на спинке стула, кожаным ремнем перетягивая лоб Вайолет.

Затем Лютер приблизился и подтянул ремни, опутывающие мое тело.

– Когда мы начнем, – сказал он, – ты первым делом постарайся потерять сознание. Это было бы, как говорится, вопиющим безобразием.

– Лютер.

– Да, Энди? – Он посмотрел на меня сверху бездушными черными глазами.

– Я люблю ее, Лютер, – сказал я. – Понимаю, ты, возможно, не знаешь, что это значит, но в нашем мире нет ничего более могучего...

– Думаю, что могу с тобой не согласиться, – перебил он. – Я пришел к заключению, что всем правят страх и боль. Они – краеугольные камни человеческой природы.

– Если ты действительно так считаешь, то почему до сих пор не убил себя?

Лютер взглянул на меня.

– Не следует думать, что темная сторона бытия наполнена страданием и утратами, а значит, и скорбью. В ней нет скорби. Потому что скорбь поглощается смертью, а смерть и умирание суть сами жизнь тьмы. – Он хлопнул меня по руке. – Эти прекрасные строки написал немецкий теолог по имени Якоб Бёме, а поделился ими со мной много лет назад, в Пустоши, твой брат. Неужели ты не можешь представить себе, что подобно тому, как природа и любовь говорят с сердцами большинства людей, так и вот это, – он обвел рукой склад, панель управления, Вайолет и остановился, указывая на мою истерзанную ногу, – говорит со мной?

Он отвернулся, пересек склад и исчез за дверью, которой я раньше не

замечал; рядом с ней стояла панель управления.

Через две секунды погас свет.

* * *

Во тьме слышался ее голос – испуганный, растерянный, огорченный:

– Энди?

– Я здесь, Вайолет.

– Где?

– Примерно в десяти футах от тебя.

– Я не могу пошевелиться.

– Мы пристегнуты к каталкам. Ты ранена? – спросил я.

– Он чем-то ударил меня по голове. Похоже, сотрясение... Я слышала, как ты кричал.

Боль в ноге несколько ослабла, но еще сильно терзала меня. Я едва с ней справлялся.

– Всё в порядке, – процедил я сквозь стиснутые зубы.

– Что он с тобой делал?

– Неважно.

– Сочувствую, Энди. – Вайолет заплакала. – Я пришла, чтобы найти Макса и тебя. Где Макс?

– Не знаю. Мне жаль.

– Он собирается нас убить, не так ли?

– Не знаю, чего он хочет, – солгал я.

– Я убила того бездомного, – сказала она; в ее голосе звучали слезы.

– Я все слышал. Это не ты. Он направлял твою руку, используя Макса.

– Мы умрем, – сказала она. – Правда?

У меня не хватило смелости ей ответить.

– Какая-то часть сознания не желает мириться с действительностью, и мне кажется, что мы все еще в Юконе. Живем там в лесу. Только ты, я и Макс. А это все – страшный сон. Мы могли бы быть счастливы.

– Знаю.

– Могли бы стать семьей.

По моему лицу потекли слезы.

– Что бы ни случилось, – предупредил я, – когда он вернется, помни только одно: я люблю тебя, Вайолет.

– Я люблю тебя, Энди.

– И он ничего не сможет с этим поделать.

Вайолет

Из-под потолка, с высоты тридцати или сорока футов, ей в лицо хлынул свет, и тьма рассеялась.

Вайолет инстинктивно захотелось повернуть голову налево и, наконец, увидеть Энди, но она не смогла пошевелиться.

Впрочем, это не имело значения.

Посмотрев прямо перед собой, Ви увидела невероятно большое зеркало, прислоненное к стене, в котором отражались они, привязанные к одинаковым деревянным каталкам, в десяти футах друг от друга.

Энди сидел голым.

Бледная кожа болезненно серого оттенка... правая нога в крови.

В стене рядом с зеркалом отворилась дверь.

Вошел Лютер.

У нее появилось предчувствие, родственное тому страху, который она всегда испытывала, сидя, как на гвоздях, в приемной клиники в ожидании доктора.

Лютер остановился на равном удалении от обоих стульев возле панели управления, закрепленной на небольшой тележке.

Он повернул несколько выключателей, и Вайолет ощутила, что по стулу пошла вибрация.

Кайт приблизился к ней, сунул пульт управления ей в левую руку и поместил палец на единственную красную кнопку.

– Смотри, не урони. Что бы ни случилось.

– Я в точности сделала то, что ты говорил. Где Макс?

Он не отвечал, только смотрел сверху вниз.

– Я хочу видеть своего сына!

– Понимаю.

– Итак?

– Это довольно трудно устроить.

У нее похолодело сердце.

– О чем ты говоришь?

– Сейчас Макс со своими новыми папочкой и мамочкой.

– Не понимаю...

– Крики Макса записаны заранее. Я его продал, Вайолет. Четыре дня назад. За семь тысяч долларов. Но согласился бы и на пять.

– Кому? – завизжала она.

– Его имя Хавьер, но на самом деле оно не имеет значения. Ты просто знай, что теперь у него будет и папа тоже.

Вайолет надрывно плакала, а Лютер наблюдал за ней, упиваясь ее страданиями, как солнечным светом.

– Расскажи мне про это, – сказал он наконец.

– Про что? – крикнула Ви.

– Про убийство Мэтью.

– Здесь нечего рассказывать.

– Значит, он мертв?

– Да.

– И как он умер?

– Не прикидывайся, словно не слышал все до последнего слова.

– Будет лучше, если ты мне все расскажешь.

– Я убила его ударом в сердце.

– Хорошо.

– И он сразу умер.

– Ты запачкалась в его крови?

– Да.

– Попробовала ее на вкус?

– Нет!

– Стоило попробовать ради опыта. Ты смотрела ему в глаза, когда он умирал?

– Что?

– Ты смотрела ему в глаза, когда он...

– Да.

– Наблюдала, как их заполняет пустота?

– Да.

– Ты знаешь, я живу ради этого момента. Я не о том, что было бы забавно самому пережить растворение в пустоте, но момент ее наступления... это нечто. Надеюсь, он не прошел для тебя бесследно. Что еще?

– Что значит *что еще*? Не понимаю, что ты хочешь услышать.

– Он хочет услышать, что тебе это понравилось, – сказал Энди.

Лютер повернулся и посмотрел на Энди, потом протянул руку под подлокотник каталки Вайолет и что-то отстегнул.

Она ощутила, что подлокотник больше не закреплен.

Лютер вывернул его так, что левая рука Ви оказалась вытянутой назад за голову.

Ту же операцию он проделал с правым подлокотником.

В зеркало Вайолет видела, что Лютер опустился на колени за ее каталкой и вытащил из-под сиденья стальную платформу с целой системой

тросов, шестеренок и шкивов. Он закрепил ее ниже запястий женщины, а сами запястья затянул нейлоновыми ремнями так туго, что кончики пальцев начало покалывать в результате застоя крови. Эти ремни он пристегнул к механизму на платформе.

Потом занялся ее лодыжками и заменил кожаные ремни на нейлоновые.

Ви хотела спросить, что он задумал, но боялась услышать ответ.

Закончив с ней, Лютер проделал те же манипуляции с Энди, потом вернулся к тележке между двумя каталками и, посмотрев на панель управления, обратился к Вайолет:

– Ты знакома с дыбой?

Она была знакома.

Канал «Дискавери».

Семь лет назад.

Передача про инквизицию, после которой ее неделю мучили кошмары, даром что она служила детективом по расследованию убийств.

– пытки сейчас не те, что прежде. Причинение боли почему-то считается варварством. Мне думается, это трагичная ошибка. Мы познаём себя через сильные ощущения, не последним из которых является боль.

Лютер повернул что-то на панели управления, и Вайолет почувствовала, что нейлоновые путы начали натягиваться.

Позвонки в спине хрустнули, напряжение, создаваемое тросами сечением в четверть дюйма, нарастало, – они тянули ее руки и ноги в противоположных направлениях.

Растяжение уже вызвало неприятные ощущения, когда шестерни перестали вращаться.

– Итак, теперь вам ясно? Вы оба понимаете принцип воздействия дыбы?

Никто не ответил.

– Энди?

– Целью является вытягивание конечностей, натяжение их до тех пор, пока не случится вывих. – Вайолет уловила напряжение в голосе Энди. – Когда суставы разъединяются, происходят тяжелые мышечные повреждения. Многие из прошедших через дыбу так и не смогли пользоваться руками и ногами.

На Ви неудержимо наваливался ужас.

– Я сделала, что ты просил, – сказала она. – Убила того человека.

– Да, убила, и я получил настоящее наслаждение. Сейчас вы оба держите пульты дистанционного управления в левой руке, и я позволил

себе поместить ваши пальцы на кнопки. Дыбы не могут работать одновременно. Энди, начнем с тебя. Когда боль станет слишком сильной, можешь просто нажать на кнопку и остановить растягивание. Но тебе следует знать, что, когда твоя машина прекратит работать, включится дыба Вайолет. Ви, когда боль станет невыносимой, можешь свободно передать свои страдания обратно к Энди.

– Лютер, – сказал Энди, – прошу тебя...

– Не смей упрашивать этот кусок дерьма, – оборвала его Вайолет.

Кайт захохотал:

– Люблю эту девочку.

Энди

В зеркало я видел, что шестеренки под каталкой начали вращаться.

Очень-очень медленно.

Натяжение росло почти незаметно.

Даже бережно.

Потом мои босые ноги начали указывать на стену, и я почувствовал, как растягиваются мышцы спины.

Пока что не большее утреннего потягивания.

Только расслабиться не дают.

Мускульное и суставное напряжение продолжало нарастать, и вот первый порыв оказать сопротивление охватил меня – я потянул тросы, и мне удалось слегка согнуть локтевые и коленные суставы.

На три блаженные секунды напряжение ослабло, но затем неумолимое вращение шестеренок вновь натянуло тросы.

О Господи.

Теперь появилась боль.

Сначала терпимая, она усиливалась, и впервые за несколько часов я забыл, что Лютер сделал с моей ногой.

Ощущение было такое, что икры и мышцы спины начинают рваться, но эту боль почти сразу затмило невероятное давление в коленях и локтях.

Суставы начали расходиться – и разошлись.

Я слышал собственное кряхтение.

Видел в зеркале лицо Ви, смотревшей на меня.

Лицо, искаженное ужасом.

Она говорила со мной, но я не слышал. Не слышал ничего, кроме своего стога, становившегося громче с каждой секундой.

– Лютер, – сказал я сквозь зубы. – Ну ладно, выключи.

Пот заливал глаза, и теперь я начал ощущать, как вытягиваются хрящи, – боль была такая, словно в суставы впиваются тысячи иголок.

– Пожалуйста!

Сквозь пелену слез я видел размытый образ Лютера, стоявшего между каталок и смотревшего на меня.

С каждой долей секунды натяжение и боль усиливались; я понял, что пронзительно кричу и что все выпавшее на мою долю ранее даже отдаленно не напоминает этих невыносимых страданий.

Нажми кнопку, и все прекратится.

Нажми кнопку, Энди.

Тебя разорвет на части.

Ты заберешь у нее боль, тебе нужна лишь секундная передышка.

Одна секунда, чтобы подумать.

Я почувствовал, что мой палец нажал на кнопку пульта управления.

Шум и гудение под каталкой прекратились, и острая режущая боль отступила.

Я хватал ртом воздух и смотрел в зеркало на Вайолет; она наблюдала за мной, и слезы текли по щекам, а тросы уже начали вытягивать ее ступни.

– Жми кнопку, Ви, – велел я.

– Нет.

– Ви...

– Я вытерплю, Энди.

– Не вытерпишь. Передай мне.

Я нажал свою кнопку, но ничего не произошло.

Ви пыталась бороться с нарастающим растяжением и первыми болезненными ощущениями.

В зеркале ее лицо казалось маской воплощенного ужаса.

– Лютер, чего ты хочешь? – спросил я.

– Вот этого.

– Но это скоро закончится.

– Определенно.

– Ты понимаешь, о чем я. Мы наверняка умрем.

– Пожалуйста, заткнись, Энди. Я хочу получить удовольствие...

– Ты хочешь чего-то большего, Лютер.

Вайолет застонала.

Голова ее была обездвижена, и Ви смотрела в потолок расширенными, словно от удивления, глазами.

Стон перешел в высокий пронзительный звук – она кричала сквозь стиснутые зубы.

– Лютер, прекрати! – завопил я. – Ви, жми на кнопку!

Она закричала в полный голос, и этот крик проник в меня, как удар

ножа в живот, а потом в голове появилась простая мысль, похожая на молитву: *я хочу умереть*.

Вернулась боль, даже более острая, чем прежде; сиденье подо мной завибрировало, потому что шестеренки возобновили свою адскую работу.

Теперь Ви звала меня, умоляла нажать на кнопку, и все мое естество требовало того же – остановить тросы, разрывающие плоть.

Должно быть, нужные слова всплыли откуда-то из глубины подсознания, потому что не могу припомнить, чтобы они появлялись в моем мозгу раньше, но внезапно я оглушительно заорал:

– Я стану им, Лютер! Ради Бога, прекрати! Я стану им! Стану Орсоном! Стану моим братом! Богом клянусь!

* * *

Похоже, я потерял сознание.

Когда открыл глаза, руки и ноги горели от боли, но напряжение исчезло, а под сиденьем больше не гудело.

Я прищурился – мешали смотреть слезы.

В нескольких дюймах от себя увидел лицо Лютера.

Бледное. Безупречное. Нестареющее.

Его черные глаза переполняли подлинные чувства – такого я никогда раньше в них не видел.

Ярость.

Замешательство.

Бездонная скорбь.

– Тебе не хватает его, ведь так? – спросил я.

– Ты действительно со мной?

– Лютер...

– Думаешь, это боль? Я способен сломить твой разум.

– Послушай меня. Ты знаешь, во что превратилась моя жизнь в последние несколько лет? Что Орсон и ты пытались со мной сделать? А я сопротивлялся, сопротивлялся, сопротивлялся... но теперь с этим покончено. Я полностью готов. Мы были близнецами, Лютер. Ты понимаешь, какая это связь? С момента его смерти я ощущал Орсона внутри себя, и он становился только сильнее.

– Ты что угодно скажешь, чтобы избавиться от боли.

– Может, и так. А вдруг то, что ты говорил о боли, – правда? Что она помогает нам узнать самих себя. А я за последние восемь лет не получил от

тебя и моего брата ничего, кроме боли. Физической, эмоциональной, психологической.

– Энди, ничего из сказанного тобой... – заговорила Ви.

– Заткни рот! Помнишь, Лютер, что ты сказал мне в Пустоши много лет назад?

Он молча смотрел на меня.

– Ты сказал: все мы хотим крови. И знаешь что? Ты был прав.

Я увидел, что шестеренки начали вращаться.

Тросы натянулись.

– Разве ты по нему не скучаешь? – спросил я.

– Скучаю, – ответил Кайт равнодушным голосом, но с отблеском боли в глазах.

– Думаешь, мой близнец и я не могут иметь общей сердцевины, некоего элементарного ядра?

– Ты лжешь.

– Ты читал мои книги?

– Вот именно, Энди, это всего лишь книги. А как долго ты твердил, что они не отражают твоей истинной сути?

– Думаешь, с подобным легко примириться?

– Ты лжешь.

– Позволь мне доказать.

Он только улыбнулся.

– Думаешь, у меня бред? – спросил я.

– Что-то вроде того.

– Я не стану ее убивать.

– Извини?

– Я не стану убивать Вайолет, – сказал я. – Но я причиню ей боль. Сильную.

Его черные глаза уставились на меня.

– Это настоящее, Лютер. Так случается. Я знаю, что ты одинок. Таких, как мы, немного. Тех, кто разделяет наш взгляд на мир. Это тяжело. Но теперь я с тобой.

– Со мной никого нет.

– Что ж, если ты не способен доверять, то не сможешь узнать правду.

– Я никогда никому не доверял, Энди. Даже твоему брату.

– Но ты его любил. Настолько, насколько ты способен любить что-то, не доставляющее тебе удовольствия.

Кайт взглянул на Вайолет.

Слова лились у меня изо рта, а я говорил себе, что все они – ложь.

Единственный способ спасти нас.

– Только не говори, Лютер, что ты этого не хочешь. Связи с кем-то, похожим на тебя. Ты не совсем бесчеловечен.

К суставам рук и ног опять прихлынула боль.

Ремень, перехвативший лоб, врезался в кожу.

– Ты причинишь ей боль.

– Да.

– Ты сделаешь в точности, что я скажу.

– Да. А потом ты отпустишь ее.

– Но она вернется. Она станет искать это место. Искать меня и...

– Нет, – возразил я. – Обещаю тебе. Она никогда не вернется.

* * *

Прошло несколько дней. Я едва мог стоять.

Мускулы на ногах были натянуты, как стальные тросы.

В боковую поверхность ноги он ввел мне болеутоляющее, но оно подействовало не сразу.

Лютеру пришлось помочь мне проковылять по бетонному полу; голыми подошвами я чувствовал его леденящий холод.

Мы остановились возле каталки Вайолет, и я смотрел на нее сверху вниз.

Слушал, как она стонет.

– Энди, я люблю тебя, – сказала она.

– Я тоже тебя люблю.

Наркотик начал действовать, и я взглянул на Лютера.

Боль ушла.

Наступила ясность.

Теперь я стоял сам. Стоял выпрямившись.

– Не двигайся с этого места, – велел Лютер.

Он вернулся к панели управления и подкатил тележку к нам.

Я протянул руку и коснулся лица Ви; слезы блестели в ее глазницах, как лужицы жидкого стекла.

– Энди. – Он взял мою руку и потянул меня к панели управления и набору инструментов.

Мои ладони Лютер положил на поверхность, напоминавшую микшерный пульт. Круговые шкалы и эквалайзеры группировались по секциям и имели обозначения, написанные черным маркером на белых

наклейках.

НАГРЕВ.

ХОЛОД.

ДАВЛЕНИЕ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

ПЕРФОРАЦИЯ.

ТРЕНИЕ.

– Причинение боли любимому человеку требует настоящей силы, – сказал он. – Спроси ее, чего она больше всего боится.

– Чего ты больше всего боишься, Вайолет?

– Энди...

– У тебя есть выбор: нагрев, холод, давление, электричество, перфорация, трение.

– Энди, что ты делаешь?

– Он открывается тому, с чем боролся всю свою жизнь.

– Что это, Лютер? – спросила она.

– Правда.

– Это не правда, Энди.

– Ты хочешь жить, Вайолет?

– Да.

– Тогда я должен это сделать.

– Это просто еще одна его игра. Никто из нас не выживет.

– Прости меня за все. Мне жаль, что мы встретились... нет, я хотел сказать, что я вошел в твою жизнь. Теперь выбирай.

Ви закрыла глаза, ее тело содрогнулось от рыданий.

– Выбери за нее, – шепнул мне на ухо Лютер.

– Прекрасно. Нагрев, – решил я. – Как это работает?

– Эти десять циферблатов управляют нагревом электродов в каталке – по два на каждую руку и ногу, один на голову и один на панель нагрева в спинке сиденья. Их можно разогревать до восьмисот градусов по Фаренгейту^[12]. Следи за свечением оранжевого индикатора. При нагреве выше восьмисот градусов жароупорные панели подожгут древесину.

Я взглянул на Лютера.

В голове ясно, тело ничего не весит.

– Ты этого хотел, – сказал он мне. – Ты всегда хотел этого.

– Энди, прошу, – рыдала Вайолет.

– Пора, Энди.

У меня тряслись руки. Я даже вспомнить не мог, когда в последний раз видел дневной свет. Может, год назад.

- А после она будет жить?
- Она будет жить.
- Я посмотрел сверху вниз на застывшую в ужасе Вайолет.
- Ты не должен этого делать, – сказала она.
- Я положил ладонь на выключатель.
- На самом деле должен.

* * *

Я стоял голышом у пульта управления, смотрел, как она корчится на панелях, разогретых до двухсот пятидесяти градусов, и чувствовал, что глубоко во мне начинает распадаться нечто сокровенное.

Я не отводил взгляда.

Смотрел в ее глаза, пока лицо Ви наливалось глубоким румянцем.

Женщина, которую я любил, страдала от невыносимой боли.

Пронзительно кричала.

Умоляла меня прекратить это.

Ее спортивный костюм дымился и плавился.

Какая-то часть меня не могла вынести происходящего.

Я отключил эту часть, предоставив ей вопить и биться головой об обивку звуконепроницаемой комнаты, и позволил отрешенности наполнить меня, как сосуд.

Единственно возможный способ пройти через это.

Человеческое страдание.

Так что же?

В человеческой истории, уже написанной и грядущей, нет ничего более постоянного.

Оно – не новинка и не редкость.

Страдание – наше предназначение, мы созданы для него.

Конечный результат нашего эволюционного развития – все эти нервные окончания, связанные с химическими реакциями в любых долях мозга, которые отвечают за наши эмоции.

Немного времени спустя длинные белые пальцы Лютера убрали мою руку с пульта управления – он отстранил меня.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Держу свое слово. Ты поджаришь ей почки и вскипятишь спинномозговую жидкость в позвоночнике, если не прекратишь.

Он провернул круговые шкалы до нуля и выключил подачу

электроэнергии.

От крика Ви сорвала голос.

А запах, а звуки!.. О, Господи...

Лютер подошел к ней и перерезал нейлоновые путы на руках.

Освободил голени.

Она стонала, пыталась пошевелиться, но плоть и костюм прикипели к электродам.

Лютер вернулся ко мне. Мы стояли у панели управления.

– Ну, и что ты почувствовал? – спросил он.

Я еще ощущал сильную слабость.

Даже не знал, хватит ли у меня сил.

– Мне показалось, что это не совсем я.

– Может, так ты и должен был чувствовать себя всегда.

– Может быть, – ответил я.

Он взялся за тележку, чтобы откатить ее.

– Подожди, Лютер, ты кое-что забыл, – позвал я.

Он поворачивался, собираясь взглянуть на меня, когда я саданул его между глаз молотком с закругленной ударной частью.

* * *

Спортивный костюм Лютера оказался на размер или два теснее в талии, зато на несколько дюймов длиннее, и я все время наступал на штанины.

Я пронес ее через склад, в открытые двери; двигаться приходилось медленно, постоянно преодолевая сильную боль, хотя я и вколол Вайолет и себе по двойной дозе «Оксикодона», найденного в выдвижном ящике под панелью управления.

На улице с серого неба сыпалась изморось.

Впервые за очень долгое время дневной свет коснулся моих глаз; вдобавок ко всему пришлось терпеть острую головную боль.

Я погрузил Вайолет в белый, без окон, фургон Лютера и закрыл дверцу. Хромая, обогнул фургон, подошел со стороны водительского места и забрался в кабину за передним колесом.

– Еще больно, – простонала Ви.

– Знаю.

Я завел двигатель, вдавил педаль до пола и покатил по широкой пустой парковке, раскинувшейся, как казалось, на мили вокруг.

Вскоре я уже ехал по заброшенным кварталам.
На водонапорной башне увидел название города, в котором никогда не бывал.
Город-призрак.
Пустые покосившиеся дома.
Брошенные автомобили.
Повсюду мусор.
В зеркало заднего обзора отражалась Вайолет, лежавшая на металлическом полу.
Она бодрствовала.
Страдала от боли.
Я осмотрел ее на складе – ожоги третьей степени на руках, ногах, спине.
Мучительно болезненные.
– Я умру? – спросила она.

* * *

Потребовалось тридцать пять минут, чтобы найти больницу – шестизэтажную башню на окраине убогого пригорода.
Уже темнело, когда я закатил фургон под навес отделения неотложной помощи.
С водительского сиденья скользнул в грузовой отсек фургона.
Опустился на колени перед Вайолет – она лежала на полу и стонала в каком-то полубессознательном лихорадочном состоянии.
– Вайолет, – позвал я.
Она открыла глаза, но взгляд ее не фокусировался.
– Ви, посмотри на меня.
Она послушалась, потом сказала:
– Больно, Энди.
– Мы в больнице.
– Правда?
– Мне придется просто занести тебя внутрь. Я не могу остаться.
– Почему?
– Сама знаешь почему. Это так... – Ее взгляд поплыл от меня куда-то в пространство. – Послушай меня, это очень важно. – Я взял ее лицо в свои ладони. – Ты не должна им ничего говорить. Ничего. Ни обо мне, ни о Лютере, ни о том, где ты была.

Трудно сказать, слышала ли она меня, понимала ли что-нибудь.

– Вайолет, ты меня понимаешь?

Она кивнула.

– Тебе больно, Энди?

– Не до такой степени, чтобы ложиться в больницу.

– Где Макс?

– Сейчас его здесь нет.

Ей потребовалось время, чтобы понять мои слова.

– Не думаю, что ты захочешь увидеть меня снова, – сказал я.

Ее глаза наполнились слезами.

– Ты понимаешь, верно?

Она кивнула.

– Никогда не ищи меня, Ви.

– Я люблю тебя.

– Никогда не ищи меня.

– Я люблю тебя.

– Энди Томас умер.

– Я люблю...

– Прекрати, Ви. Хватит об этом.

Вайолет

Как много боли... Вайолет тонула в ней – и начинала понимать, что если удастся выжить, то она никогда не будет прежней, потому что знает теперь о существовании подобной боли.

Он нес ее к автоматическим дверям, и каждый шаг отдавался в теле пронзительной болью; рукава его спортивного костюма терли по ожогам на ее ногах и руках.

Она рыдала, а Энди утешал, говорил, что все будет в порядке, она оправится от всего этого, что впереди ее ждет прекрасное будущее.

Ложь.

Потом они оказались внутри больницы – впервые за много дней центральное отопление, над головой – яркое сияние флюоресцентных ламп, и Ви пыталась произнести его имя, но на нее опускалась плотная тьма, сулящая хотя бы краткое забытие, и она не имела сил с ней бороться.

* * *

Вайолет очнулась, лежа в кресле в приемном покое; Энди исчез, а боль вернулась.

Перед собой она увидела склонившегося молодого врача в очках с проволочной оправой и двух стоявших за ним медсестер; губы врача шевелились, но Ви ничего не слышала.

Энди

Наступила ночь, что заметно осложнило дорогу назад, в бетонную пустошь.

Действие «Оксикодона» ослабевало, и боль в правой, освеженной, ноге, растянутых мышцах и суставах усиливалась с каждой секундой.

Именно водонапорная башня помогла мне наконец-то добраться до места; в тумане мерцал ее красный огонек, предупреждающий авиаторов об опасности.

В 8:27 вечера я въехал на парковку рядом со складом.

Вырубил двигатель, выбрался из кабины за колесом.

Боль в ноге просто слепила.

Я похромал по растрескавшемуся бетону ко входу и отпер дверь.

Собрал все оставшиеся силы, чтобы пересечь просторный склад и дойти до тележки; руки тряслись, когда я открыл выдвижной ящик и схватил ампулу с «Оксикодоном».

Я испытывал сильное искушение ввести двойную дозу, но справился с собой.

Похлопал по вене и ввел сорок миллилитров.

Облегчение наступило мгновенно.

Эйфория.

– Энди... Энди... Энди, посмотри на меня.

Я просто стоял и улыбался, позволяя наркотической волне омыть меня с ног до головы.

– Энди...

Такая длинная вереница дней, наполненных болью и страхом, и теперь это.

Облегчение.

Власть.

– Энди...

Вайолет спасена. Милая Вайолет.

– Энди...

И гнев.

– Энди...

– Да, Лютер?

Я положил ладони на тележку и покатил ее по полу к стулу, где несколько часов назад привязал его.

– Энди, пожалуйста, выслушай меня.
Я включил питание, и у него под сиденьем загудело.
– Слушаю.

* * *

Это продолжалось два дня.
Без перерыва, без сна.
Я жег его, растягивал, замораживал, резал.
Делал все, только чтобы не убить, и он ни разу не попросил меня остановиться. Мне хотелось услышать в его голосе малодушный страх, который он наверняка слышал в моем и в голосах бесчисленного количества других людей, но Кайт только кричал.
Всякий раз, причиняя ему боль, я думал о том, что он сделал со мной. С Вайолет, ее мужем, ее сыном. С Бет Лансинг. Со всеми своими жертвами – известными мне и неизвестными.

* * *

Захватив фонарик, я направился к ступенькам, ведущим под склад, и опустился на несколько пролетов в подвал.
Просто посмотреть.
Поискать запасы пищи и воды и, конечно, лекарства.
След фонарика скользил по старым шлакоблокам.
Углы затянуты паутиной, всюду крысиный помет; иногда луч отражался в паре горящих глаз, которые сразу исчезали, и слышно было только царапанье коготков крысы, улепетывающей во тьму.
Пройдя пятьдесят футов, я остановился.
Из-за двери в конце коридора доносился плач.
Я бросился к ней, потянул на себя...
И остоленел.
Не поверил своим глазам.
Совершенно не ожидал обнаружить такое, поэтому, онемев, застыл на пороге в ожидании, что мираж рассеется, но видение не исчезало.
Комнатка оказалась совсем маленькая – наверное, каморка уборщицы.
У дальней стены стояла колыбель с двумя младенцами, и оба – один из них Макс – вопили изо всех сил.

Я обтер их, как смог.

Сменил памперсы.

Накормил из баночек с детским питанием, а потом, взяв по младенцу в каждую руку, баюкал и утешал, пока они не заснули.

* * *

В три часа утра я снова подогнал фургон ко входу в отделение неотложной помощи. Дети спали на подушках в картонной коробке, которую я втиснул между передними сиденьями.

Решив, что вытаскивать их оттуда слишком холодно и мокро, я понес младенцев через автоматические двери прямо в коробке в приемный покой. Там уже находились четыре человека: чета с ребенком, страдающим от колик, и молодой человек, от которого разило сивухой, державшийся за левую руку, обмотанную окровавленной футболкой.

– Можете сообщить медсестре, что какой-то человек подбросил двух младенцев и что мать мальчика сейчас является пациенткой этой больницы.

Они скептически осматривали меня мутными глазами.

Поставив коробку на журнальный столик, я направился к выходу; а когда автоматическая дверь разъезжалась, до меня донесся вздох матери того ребенка, что мучился коликами:

– О мой Бог...

* * *

Я ехал назад.

Я чувствовал себя странно.

Словно мне не терпелось вернуться к Лютеру.

Стеклоочистители смахивали дождевую воду, фургон несся по залитым водой улицам, а я рисовал себе сцену воссоединения Вайолет и Макса.

Она просыпается, медсестры уже в палате.

У Ви спрашивают, есть ли у нее сын.

Она отвечает: есть, а что?

Ее просят назвать имя и приметы, описать ребенка, и когда Ви выполняет их просьбы, в палату приносят Макса, теперь уже завернутого в одеяло.

Вайолет рыдает.

Ей еще очень больно, но она все равно садится на койке, натягивая трубки, по которым в ее тело поступают лекарства, и простирает руки к своему сыну.

Когда она склоняется над Максом, слезы каплют на щеки малыша, и Ви касается его лица и шепчет:

– Мамочка здесь, сынок. Мамочка здесь.

Я прокручивал эту сцену в голове, и с каждым разом она становилась более эмоциональной.

Более трогательной.

Вайолет счастлива.

Медсестры плачут.

Даже суровый доктор пускает слезу.

Мать и дитя, наконец-то, вместе, на пути к полному выздоровлению.

Но сколько бы раз я ни проигрывал ситуацию в уме, ничего не менялось.

Я не мог ее прочувствовать.

Мне хотелось только добраться до склада.

Обратно к Лютеру.

И ко всем тем замечательным вещам, которые я мог с ним вытворять.

* * *

В тот раз, на второй день, во мне что-то переключилось. Гнев и власть продолжали доставлять удовольствие, но теперь это ощущение стало неодолимым. Оно приобрело характер совершенной зависимости, похожей на одержимость.

Я радовался, слыша его крики.

Меня тешил вид крови, текущей по дереву и кипящей на электродах.

И в том, что я делал, больше не было ярости, только печаль.

Она проникла в меня и теперь росла, наполняя легкие, как глубокий глоток кислорода, и я знал, в чем дело.

В одном простом факте.

Наверняка все идет к концу.

Лютер скоро истечет кровью, изойдет криком и умрет.

* * *

Через сорок восемь часов в разгар попыток вернуть Кайта в сознание я упал в обморок, держа в руке пакетик с нюхательной солью...

Очнулся я на бетонном полу, без всякого представления о том, сколько провалялся в бесспамятстве.

Сел, зевнул, с трудом поднялся на ноги.

Лютер все еще был без сознания.

Стоя над ним и глядя на то, что сделал, я старался отыскать внутри себя хоть какие-нибудь чувства.

На какой-то миг мне показалось, что он умер, и это вызвало лишь легкое сожаление – я больше не услышу его громкого крика.

Он, как солнечный свет, вызывал у меня сильные эмоции.

Нечто противоположное пустоте.

Я уже воображал, как мне их будет не хватать.

Хотелось расшевелить его, но я выбился из сил.

Оставив Лютера спать, я побрел по складу, пока не наткнулся на некое подобие спального места – заднее сиденье фургона или микроавтобуса, до сих пор упакованное в пленку.

Я свернулся на подушках и закрыл глаза.

Засыпая, я размышлял, кем стал.

Мы с Орсоном снова в его домике в пустыне, только теперь все иначе. Мы одни. Так близки, что нам даже разговаривать не надо. Каждое слово, каждое чувство передаются мысленно.

Мы идем через пустыню на закате; вокруг ни звука, только красноватый каменистый грунт хрустит под ботинками. Разговор веду я – вернее, произношу мысленный монолог. Говорю, что наконец понял, что мне жаль. Все, через что он меня провел, Орсон сделал из любви ко мне. Теперь я это знаю. Он постиг меня раньше, чем я – сам себя. Попытался показать мне это, но я швырял все доказательства обратно, ему в лицо.

Наконец мы забираемся на вершину пологого подъема, и вокруг нас расстилается пустыня – в любую сторону видно на пятьдесят миль.

Теплый вечер, солнце уже коснулось горизонта и ласкает наши лица.

«Я люблю тебя, брат», – говорю я, но, когда поворачиваюсь к нему, обнаруживаю, что остался один.

Очнулся я внезапно, весь в холодном поту, и рывком сел на сиденьях; в глазах стояли слезы, нога горела огнем; я осознавал, что брат только привиделся мне. С того лета в Пустоши, восемь лет назад, Орсон часто преследовал меня во сне, но впервые я проснулся с чувством, что мне его не хватает.

Лютер пришел в себя. Я слышал, как он стонет на другом краю склада.

Я едва мог идти; правая нога одеревенела, стала горячей, изорванная плоть начала покрываться струпьями.

Дохромав до Лютера, распростертого в каталке, я заметил, что он выглядел лучше, чем я ожидал. Я терзал его, но не ломал костей, не наносил смертельно опасных колотых ран. Больше всего я боялся преждевременно потерять его.

– Никогда не угадаешь, кто мне приснился, – сказал я.

– Кто?

– Орсон.

Он сумел слабо улыбнуться.

– Ему наверняка понравилось бы.

– Знаю, – ответил я. – И это меня заботит. Как думаешь, ты сможешь встать?

– Ты даже не приблизился к тому, чтобы причинить мне боль.

Я подошел к панели управления, выдвинул нижний ящик и достал «Гарпию» – клинок из нержавеющей стали фирмы «Спайдерко», больше похожий на коготь, чем на нож. Вернулся к каталке и перерезал ремни на обеих голених и на одном из запястий. Лютер озадаченно посмотрел на меня.

– Что это значит? – спросил он.

Я отошел от него и встал в центре склада.

Повернувшись, я увидел, что Кайт уже расстегнул последний ремень и, скрипя зубами, отдирает свою кожу от электродов.

Наконец, он освободился и свесил ноги с каталки.

Высокий, голый, бледный, покрытый порезами, ожогами и синяками.

Выглядел Лютер ужасно.

– Что это значит? – снова спросил он.

Я полез в карман и достал «Гарпию», взятую из ящика под панелью управления.

Теперь я держал по ножу в каждой руке.

Отведя руку назад, я запустил один из них по бетонному полу, и он ударился о босые ступни Лютера.

– Сам еле хожу, да и ты не в такой уж прекрасной форме, – сказал я.

– Точно.

– Можно сказать, мы на равных.

– Вовсе нет. – Он нагнулся, поднял «Гарпию» с пола и легким движением кисти раскрыл ее. – Я тебя на части разберу.

– Значит, займемся этим, – ответил я, шагая к нему и на ходу раскрывая свой нож. – Одному из нас придется умереть.

Эпилог

Он не знает, сколько времени сидит во тьме на цепи.

С трудом вспоминает собственное имя.

Почти всегда мерзнет.

Постоянно голодает и испытывает жажду.

Здесь, внизу, в холодной сырой комнате в подвале здания не бывает ни дня, ни ночи. Он полагает, что находится здесь несколько месяцев, а может быть, больше. Гораздо больше. Боится, что рассудок утратил способность оценивать ход времени, что прошли уже годы.

Борода отросла до шести дюймов.

От тела остались лишь кожа да кости.

Резаная рана, полученная им целую вечность назад, напоминает о себе лишь рельефным шрамом на животе, и он озабоченно ощупывает его, постоянно воспроизводя в уме ножевой бой и признавая, что то было неудачное выступление.

Каждый второй день тюремщик приносит кувшин с водой и тарелку еды.

Несколько раз он спал, когда появлялась еда, и, пробуждаясь, видел гигантскую крысу, пожирающую его пищу.

В первые три раза он отпугнул ее.

На четвертый – убил и съел.

Прошлая жизнь навещает его только в снах – ярких, живых, небесно-голубых грезах.

Он давно миновал точку, когда жаждешь смерти, но все равно не смог бы осуществить самоубийство. Его принудили носить шлем, чтобы он не разбил себе голову. Несколько раз он пробовал уморить себя голодом и умереть от жажды, но это закончилось насильственным кормлением. За одну болезненную операцию ему удалили все зубы, чтобы не перегрыз себе вены и не истек кровью до смерти.

Тюремщик уведомил, что намерен сохранять ему жизнь двадцать лет. Теперь он знает наверняка, что телесное существование продолжится, и озабочен своим рассудком. Разум уже начал мутиться. Знать и понимать, что сходишь с ума, – возможно, худшая пытка, с которой он столкнулся. Лучше провести целый год на каталке.

По сути, он оказался душой, угодившей в ловушку земного тела.

Его отношение к жизни вполне можно определить как дзэн.

Мир сократился до десяти квадратных футов, на которых он ест, спит и оправляется.

Он обладает глубоким знанием трещин и щелей, покрывающих бетон под ним, и изучает их узор, как откровение Бога.

Пространство за пределами длины его цепи стало таинственным и недостижимым, как Вселенная.

Изредка сюда доносятся пронзительные крики из склада, расположенного несколькими этажами выше, но в основном здесь царят тишина и тьма.

Недавно тюремщик принес старомодную пишущую машинку и десять пачек бумаги.

Гнилая шутка, но он все чаще размышляет, не сгодится ли сочинительство в качестве развлечения, как нечто новое, чтобы скоротать время.

Он все время разговаривает с Орсоном.

Рассказывает себе истории, которые смог бы однажды записать.

В самой странной из них ничего этого на самом деле не происходит. Он – всего лишь персонаж, попавший в запутанную историю полуизвестного писателя, живущего на озере в Северной Каролине. Он пытается закончить рассказ. Написать, что цепь оказалась недостаточно надежной, что тюремщик допустил какую-то ошибку, которая позволила ему спастись, но все кажется неподходящим.

Наконец, в сотом варианте рассказа он натывается на концовку.

Некий персонаж внезапно возвращается на склад и спасает его.

Рассказ закончен, и он лежит в шикарной постели, то погружаясь в сон, то возвращаясь к яви.

Он слышит приближающиеся шаги и улыбается.

Потому что одеяла теплые.

Потому что он не чувствует боли.

Потому что это шаги Вайолет.

Она идет, чтобы ухаживать за ним и вернуть его телу здоровье.

Через мгновение она войдет в дверь, сядет на кровать и накормит его из чашки с дымящимся супом, а когда закончит, заберется к нему в постель, пробежит пальцами по волосам и шепнет, что теперь он спасен. Что боль прошла, прошла для них обоих, и в этой теплой мягкой постели заключено все, что имеет значение.

Примечания

Здесь и далее – пер. Дэмиэна Винсачи.

2

Название знаменитой композиции группы «Би Джиз».

«Уиндекс» – марка популярного в США средства для мытья окон.

4

Распространенное название государственного флага США.

Кукурузная каша с помидорами и сыром.

АСРОП (*англ.* AFIS – Automatic Fingerprint Identification System) – автоматическая система распознавания отпечатков пальцев.

Внешние отмели – цепь узких песчаных островов вдоль побережья Северной Каролины, которые славятся своими пляжами.

Название различных спортивных команд, выступающих за
Университет Северной Каролины.

«Велбутрин» – препарат-антидепрессант, «Адвил» – жаропонижающий препарат.

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – выдающийся ирландский англоязычный поэт, драматург.

Дж. Китс «Ода греческой вазе». Пер. Г. Кружкова.

12

Примерно 427 градусов по Цельсию.